

**В. Ш. АВИДЗБА**

# **ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГОРИЗОНТЫ**

**Статьи, интервью, выступления**

Сухум  
Абгосиздат  
2016

УДК 82-95

ББК 83.3 (5Абх)-446

А 63

Научный редактор д. филол. н., проф. П. К. Чекалов

Рецензент д. филос. н., к. филол. н., проф. Б.А. Бичеев

### **Авидзба, В. III.**

**А 63 Литературные горизонты : статьи, интервью, выступления /** Василий Авидзба. – Сухум : Абгосиздат, 2016. – 224 с.

В книгу вошли статьи, опубликованные в различных научных сборниках, журналах, газетах, а также выступления и интервью. Они посвящены вопросам абхазской литературы на разных этапах ее развития и творчеству отдельных ее представителей. В некоторых статьях автор вводит в научный оборот ряд малоизвестных фактов, касающихся проблем зарождения национальной литературы, на основе которых даны обобщающие выводы. Публикуемые материалы расположены в хронологическом порядке, с указанием изданий, в которых они были напечатаны. В некоторых случаях вносились незначительные правки.

Книга адресована литературоведам, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся историей абхазской литературы.

УДК 82-95

ББК 83.3 (5Абх)-446

© Авидзба, В. III., 2016

© Абгосиздат, 2016

## ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА РОМАНА В МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТУРАХ<sup>1</sup>

Присутствуя на данной представительной конференции, посвященной 100-летию классика чувашской литературы Константина Иванова-Прта, прослушав целый ряд интересных докладов, не считаю возможным без знания оригинального языка текста глубоко анализировать творчество поэта. Тем не менее, вниманию участников конференции мне хотелось бы предложить материал о генезисе романа в молодых литературах. Думается, есть некоторые типологические черты между эпическим творчеством К. Иванова-Прта и более поздним становлением «большого» эпического жанра – романа – в молодых литературах.

Каждый раз, когда мы сталкиваемся с каким-нибудь литературным явлением, возникает проблема генезиса этого явления. Сложность и запутанность происхождения жанров, сюжетов и мотивов словесного искусства отмечались еще А. Н. Веселовским, который указывал, что «вопросы генезиса всегда темные»<sup>2</sup>. Более ясную и развернутую характеристику понятия «генезис» дает Ю. Н. Тынянов. Он, в частности, пишет: «В истории литературы еще недостаточно разграничены две области исследования: исследование генезиса и исследование традиций литературных явлений; эти области, одновременно касающиеся вопроса о связи явлений, противоположны как по критериям, так и по ценности их относительно друг друга.

<sup>1</sup> Статья опубликована в сборнике «Вопросы поэтики К. Иванова. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта. 21–22 мая 1990 г.» – Чебоксары, 1991.

<sup>2</sup> Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. С. 53.

Генезис литературного явления лежит в случайной области переходов из языка в язык, из литературы в литературу, тогда как область традиций закономерна и сомкнута кругом национальной литературы»<sup>1</sup>.

Вместе с тем Тынянов не абсолютизирует различия этих понятий и справедливо видит момент их слияния. Иначе говоря, в генезисе исследователь увидел не только его «случайную» сторону, но и закономерность этой «случайности», как вытекающую из объективных тенденций развития национальной литературы. «Одно и то же явление, – продолжает он, – может генетически восходить к известному иностранному образцу и в то же время быть развитием определенной традиции национальной литературы, чужой и даже враждебной этому образцу»<sup>2</sup>.

Приступая к рассмотрению происхождения того или иностранного литературного жанра, необходимо учитывать совокупность всех обстоятельств, обусловивших его возникновение. Вычленение в органичном синтезе литературного процесса составляющие нового явления и объяснение причин его обусловивших – важные литературоведческие задачи.

Формирование новых литературных жанров всегда является результатом новаторских устремлений, происходящих внутри той или иной национальной литературы. Но суть новаторства не всегда одинакова на разных стадиях развития литературы. Для периода становления молодых литератур характерно «эволюционно-компромиссное» слияние различных художественных систем и начал. Как правило, оно вызвано определенными историческими и историко-культурными факторами. Рождение того или иного жанра происходит медленно, ибо он формируется в рамках литературного процесса, который, в свою очередь,

---

<sup>1</sup> Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. С.29.

<sup>2</sup> Там же. С. 29.

учитывает наличие в нем различных, а иногда противоположных тенденций. В течение всего этого периода как бы создаются условия для возникновения того или иного жанра, происходит постепенное обретение им устойчивых черт. Об этом свидетельствует и вся история жанра романа.

В литературоведении происхождению романа и его развитию посвящено большое количество фундаментальных теоретических исследований. Среди них наиболее значимыми, на наш взгляд, являются работы Б. Грифцова, М. Бахтина, В. Днепрова, П. Декса, Р. Фокса, В. Кожинова, Д. Затонского, Е. Мелетинского, А. Эсалнек<sup>1</sup>. Несмотря на имеющиеся в названных работах различные подходы к определению романа и его специфических особенностей, все авторы едины в одном: они рассматривают его, по сравнению с другими, как позднейший литературный жанр. Как нам кажется, наиболее четкая характеристика романа дана М. М. Бахтиным. Он пишет: «Роман не просто жанр среди жанров. Это единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров. Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой мировой историей и потому глубоко сродный ей, в то время как другие большие жанры получены ею по наследству в готовом виде и только приспособляются – одни лучше, другие хуже к новым условиям существования. По сравнению с ними роман представляется существом иной породы. Он плохо уживается с другими жанрами. Он борется за свое го-

<sup>1</sup> Грифцов Б. А. Теория романа. – М., 1927; Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1929. Его же: Формы времени и хронотопа в романе и Эпос и роман // Литературно-критические статьи. – М., 1986; Днепров В. Д. Черты романа и ХХ век. – М.-Л., 1965; П. Декс. Семь веков романа. – М., 1965; Кожинов В. В. Происхождение романа: Теоретико-исторический очерк. – М., 1963; Затонский Д. М. Искусство романа и ХХ век. – М., 1973; Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1983; Эсалнек А. Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. – М., 1985.

сподство в литературе, и там, где он побеждает, другие, старые жанры разлагаются»<sup>1</sup>.

Однако это определение, как и все другие, имеющиеся в вышеперечисленных работах, по понятным причинам, не учитывает опыта так называемых младописьменных литератур, начало которых приходится на рубеж XIX и XX вв. В отличие от литератур с многовековой историей и богатыми традициями, где промежуток между различными жанрами достигает нескольких веков, в молодых литературах этот промежуток составляет очень короткий период времени. Если формирование романа в зрелых литературах происходило при уже сложившейся национальной литературе, то в младописьменных литературах роман способствует и активно участвует в процессе становления самой литературы и литературного языка. Поэтому условия формирования романа в зрелых литературах весьма отличны, от условий такого же процесса в молодых литературах. Роман в «старых» литературах ощущает себя на границе готового и господствующего литературного языка и внелитературных языков разноречия. Он либо служит централизующим тенденциям нового, слагающегося (с его грамматическими, стилистическими и идеологическими нормами), либо, напротив, борется за обновление устаревшего языка, остававшегося (в той или иной степени) вне централизующего и унифицирующего литературного языка<sup>2</sup>.

При формировании романа в молодых литературах подобного процесса быть не может, ибо у них еще отсутствует канонизированный литературный язык, его в какой-то степени заменяет ораторское искусство. Но так как оно изустное, то обладает относительной гибкостью, следова-

<sup>1</sup> Бахтин М. М. Эпос и роман // Литературно-критические статьи. – М., 1986. С. 383.

<sup>2</sup> Бахтин М. М. Из истории романного слова // Литературно-критические статьи. – М., 1986. С. 376–377.

тельно, нет языковой дифференциации и расслоенности, которые обнаруживаются в зрелых литературах. Представители привилегированных сословий и знать бесписьменных народов, как правило, пользовались письменностью на других языках. Поэтому в процессе становления младописьменных литератур а, следовательно, и формирования всех без исключения жанров в одинаковой степени участвуют как устное словесное искусство, так и разговорная, бытовая речь.

С другой стороны, в младописьменных литературах жанры рассказа и повести, основанные на авторском вымысле, в значительной степени способствуют зарождению романа. В эпических произведениях наблюдается постепенное сужение дистанции между временем их создания и временем описанных в них событий. В этих литературах и рассказ, и повесть, и роман стремятся изобразить современность. Поэтому формирование романа в молодых литературах происходит с учетом и под воздействием накопленного эстетического опыта в области рассказа и повести. В них прослеживается тенденция отказа от сказочности и фантастичности изображения чудесных явлений, которые имели место в первых лиро-эпических произведениях. Таким образом, в тех литературах, где рассказ и повесть предваряют роман, они становятся благодатной почвой для его конституирования, они сумели «расчистить» ему путь и «научили» объективному повествованию и изображению действительности.

Нам представляется, что для более глубокого теоретического осмысления проблем, связанных с генезисом романа в молодых литературах, необходимо специальное изучение истории и характерологических особенностей этого жанра в каждой отдельно взятой национальной литературе. Ведь без четкого представления совокупности причин возникновения, условий формирования и раз-

вития романа в этих литературах невозможно создание работ, обобщающих весь опыт младописьменного романа. Более того, именно такой подход позволит избежать опасности «унифицирования процесса развития жанра», при котором «разноценные и разнонациональные художественные поиски» уподобляются друг другу<sup>1</sup>.

Абхазская литература зародилась в десятых годах XX столетия. В период своего становления, как и другие молодые литературы, своим истоком имела фольклорную стихию. Однако даже такая «естественная закономерность» и «магистральный путь каждой литературы» не исключают специфических особенностей ее развития<sup>2</sup>. На тех или иных этапах развития молодой литературы различна степень воздействия на нее фольклорных произведений. Богатейший абхазский фольклор – героический эпос о нартах, эпические сказания о культурном герое богоуборце Абрскиле, легенды, новеллы, сказки, обрядовая и календарная поэзия и т. д. – безусловно, легли в основание и развитие абхазской письменной, профессиональной литературы. Однако при всем многообразии устно-поэтического творчества абхазского народа прозаические формы в нем преобладали над стихотворными<sup>3</sup>. Доминирование повествовательной формы бытования эпических сказаний повлияло на соотношение эпики и лирики в абхазской литературе в начальном периоде ее становления и развития, оно способствовало ранней кристаллизации в ней прозаических жанров. Эпическое начало занимает существенное место в творчестве основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа (1874–1960) и поэта И. А. Когония (1904–1928).

<sup>1</sup> Султанов К. К. Динамика жанра. Особенное и общее в опыте современного романа. – М., 1989. С. 6.

<sup>2</sup> Агуба В. Б. Из истории дореволюционной абхазской литературы. – Сухуми, 1988. С. 9.

<sup>3</sup> Мелетинский Е. М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. Т. 1. – М., 1986. С. 27–28.

Вот как объясняет это обстоятельство абхазский литературовед В. Цвинариа: «Одно из особенностей национального своеобразия абхазской поэзии заключается в явном преобладании эпического над лирическим... По всей вероятности, в этом не последнюю роль сыграл (до определенного времени) веками складывающийся абхазский национальный характер – суроно-замкнутый в выражении своих интимных чувств, склонный больше к эпической героике и воинственности, чем к лирической раскованности души»<sup>1</sup>.

Другими словами, то, что Гегель называл «эпохой героев», к моменту зарождения абхазской литературы было еще не столь отдаленным прошлым народа. В этот период соотношение и взаимодействие жанров выражается в своеобразном процессе «поэтизации прозы»<sup>2</sup>. Иными словами, абхазскими профессиональными поэтами прозаические фольклорные сюжеты и мотивы перекладываются в иную форму, придавая им стихотворную оформленность. Но, понятно, что от этого они не становятся лирическими. Таковы произведения Д. Гулиа «Абрскил», «Пистолет Ешсоу», таковы все восемь поэм И. Когония. Перевоплощение фольклорных прозаических сказаний в «стихотворную литературу» вполне соответствует состоянию литературы периода становления, когда с «точки зрения отхода от фольклора это громадное достижение, а с точки зрения развитой литературы они еще недостаточно оформлены эстетически»<sup>3</sup>.

Этот этап абхазской литературы знаменует собой процесс размежевания и дифференциации двух художественных систем – фольклора с его народной стихией и

<sup>1</sup> Цвинариа В. Л. Творчество Б. В. Шинкуба. Лирика. Эпос. Поэтика. – Тбилиси, 1970. С. 55.

<sup>2</sup> Цвинариа В. Л. Утренняя звезда. (Жизнь и творчество И. Когония). – Сухуми, 1979. С. 35 (на абх. яз.).

<sup>3</sup> Агрба В. Б. Указ. соч. С. 44.

литературы с его приматом индивидуального начала. Художественная индивидуальность поэтов проходит период своего становления и вычленяется из фольклорной эстетики, но роль мыслящего, страдающего «я» и его «самонаблюдения»<sup>1</sup>, характерные для лирики, проявляются еще слабо.

С другой стороны, возникает вопрос – почему Д. Гулиа и И. Когония пишут свои произведения стихами? На наш взгляд, это происходит потому, что поэты, сознавая значение своей литературной деятельности, стремились к некоторой необычности и нестандартности по отношению к ораторской и обычной разговорной речи. Они считали, что простое прозаическое изложение народных сказаний не сможет эффективно способствовать формированию литературы, ибо последнее требовало, по их представлениям, свежести и новизны посредством стихотворной организации текста.

Другим немаловажным фактором, оказавшим непосредственное влияние на возникновение эпических произведений в абхазской литературе, было широкое бытование в среде народа устного рассказа – ажэабжь. Этот жанр по своему проблематическому и тематическому направлению близок к новелле. Абхазский рассказ, как и новелла, отражает процесс относительной «автономизации» личности по отношению к коллективу и обществу. Когда индивид не слепо следует установившимся канонам, ибо он вступил в определенного рода противоречия с ними. Эти противоречия и пытался вскрыть устный рассказ, который через призму деяния отдельного человека повествовал о действительно имевших место в жизни происшествиях. Отличием абхазского рассказа от новеллы является его невымышленность и в этом смысле его «нехудожественность», ибо он, как правило, следовал

---

<sup>1</sup> Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. – Л., 1986. С. 102–103.

«правде жизни», и главной его целью являлась передача информации о каком-нибудь реальном, но обязательно неординарном событии. Он не допускает искажений реальных фактов. Поэтому мы не можем говорить о нем, как о жанре, который художественно обобщает те или иные явления общественной жизни. В то же время, источником того или иного устного рассказа могло стать не любое, обыденное событие, а достойное внимания действие, содержащее в себе позитивный или негативный смысл. Характерологическими свойствами такого рассказа являются ориентированность на современность и «короткий, но острый сюжет, правдивость изображения и жизненность всех положений»<sup>1</sup>.

Как нам представляется, первый профессиональный художественный рассказ Д. Гулиа был написан под непосредственным влиянием устного рассказа. Вместе с тем, зарождение повествовательных жанров малой и большой формы обусловливалось и внелитературными факторами, т. е. созданием благоприятных условий для реализации художественного потенциала начинающих свой путь в литературе молодых, талантливых писателей. Прежде всего, это связано с возникновением очагов подготовки абхазской интеллигенции, ставшее возможным в результате победы национально-освободительной борьбы абхазского народа и провозглашением 4 марта 1921 г. Советской Социалистической республики Абхазии. Произошедшие исторические события создали условия для получения образования широким слоям народа. Из этой среды вышла большая группа будущих поэтов и писателей. С течением времени они получили возможность публикации своих произведений в периодических изданиях, а также выпуска своих книг. Если до 1921 г. абхазскую

<sup>1</sup> Зухба А. Ш. Фольклор и становление абхазской художественной прозы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1967. С. 147.

литературу по существу развивали Д. Гулиа и С. Чанба (1888–1937), то со второй половины 20-х гг. в нее вливается целая плеяда молодых авторов: И. Когония, Д. Дарсалиа (1898–1978), М. Хашба (1903–1992), В. Агрба (1912–1937), Л. Лабахуа (1912–1937), Л. Квициниа (1912–1941), И. Папаскир (1902–1981) и др. Уже начальный период их творчества обозначил новые тенденции в абхазской литературе. В эти годы создаются произведения, изображающие жизнь в контрастном сопоставлении нового со старым. Наибольшее развитие получают стихотворные и драматические жанры. Абхазская литература все еще решает «вопросы,ственные просветительству с его апелляцией к разуму, истине, справедливости, с его борьбой против невежества и суеверий, за знания и культуру. Но в новых революционных условиях подобного рода просветительские тенденции легко смыкались с идеями, рожденными революцией и близкими ей»<sup>1</sup>. Наблюдается изменение характера этого просветительства, по сравнению с просветительством предшествовавшего этапа литературы. Если Д. Гулиа в своих произведениях пытается показать то, что объективно мешает обществу, то просветительство 20-х и начала 30-х гг. делает акцент на определение путей улучшения общественного устройства. Такое, на первый взгляд, безобидное учительство постепенно начало переходить к «выдаче рецептов» от социальных несовершенств общества. Все это (как и отсутствие литературных традиций, профессиональная неопытность молодых писателей) привели к трансформации просветительства в плоский дидактизм, со временем выразившийся в абсолютизации отрицания культурного наследия народа. Однако роль этого периода с точки зрения рождения в абхазской литературе новых жанров велика. Именно тогда конституировались жанры эпической прозы – рассказ, повесть

---

<sup>1</sup> Агрба В. Б. Указ. соч. С. 56

и роман. От лирики 20-х гг. проза переняла проблемно-тематическую новизну, ориентированность на современную действительность, ибо стремление абхазских писателей к более широкому изображению жизни могло осуществляться в рамках эпических жанров.

От драмы абхазская проза рубежа 20–30-х гг. «научилась» изображать действия персонажей через события, поступки, через их конфликты и их разрешение. Следует учитывать и то немаловажное обстоятельство, что в прозе того периода высока доля такого элемента драмы как диалог.

Общеизвестно, что в период своего становления каждая молодая литература объективно ориентирована на опыт зрелой национальной художественной традиции<sup>1</sup>. В формировании абхазской литературы, и в частности, зарождении в ней жанров повести и романа существенна роль русской литературы. «Как процесс развития абхазского просветительства, так и процесс становления абхазской литературы не мог обойтись без использования соответствующего опыта русской литературы. Роль русской литературы сказывается уже во внешних приметах творческой биографии абхазских писателей: Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когония, М. Хашба, Ш. Хокерба и другие получили образование в основном на русском языке и в русских учебных заведениях. Они непосредственно обращались (значит и учились) к лучшим образцам и традициям русской литературы», – подчеркивает В. Агрба<sup>2</sup>. В период зарождения повести и романа на абхазский язык переводятся такие произведения русской классической и советской литературы как «Слово о полку Игореве», «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Хаджи Мурат» и «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Разгром» А. А. Фадеева, «Железный по-

<sup>1</sup> Кстати, это хорошо видно в ориентации автора «Нарспи» К. Иванова на опыт европейских литератур.

<sup>2</sup> Агрба В. Б. Указ. соч. С. 57.

ток» А. С. Серафимовича, «Чапаев» Д.А. Фурманова и др. Безусловно, практика перевода совершенствовала технику и художественное мастерство и расширяла эпическое видение абхазских писателей. Стремление художественно отобразить современную действительность и процесс коллективизации, в частности, подкреплялось примерами из таких романов, как «Бруски» Ф. Панферова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Ледолом» К. Горбунова и многих других. В абхазских повестях «Рождение колхоза «Вперед» В. Агрба, «Сейдык» С. Чанба, романе «Темыр» И. Папаскир и др. появились образцы-двойники из вышеназванных произведений русской литературы. Это образы кулаков, середняков, бедняков, секретарей сельских партичек и председателей сельских советов, а также многочисленные сцены различных собраний и сходов по поводу организации колхозов и разоблачения классовых врагов. Эти образы и рождали стереотипную сюжетно-композиционную структуру, или, по выражению О. Фрейденберг, такого типа образцы прозы, которые «тавтологичны в потенциальной форме своего существования»<sup>1</sup>. Хотя, конечно, ощущается разница художественного исполнения между произведениями русской и абхазской литературы. В то же время, наблюдается совершенствование художественных достоинств произведений, постепенное обретение зрелости и самодостаточности. Тем не менее, для многих из них все еще характерны рыхлость структуры, скучность оригинальных художественных решений, чередование удачных в художественном отношении моментов с декларациями, неприкрыто связанными с политикой и идеологией государства.

Таким образом, вышеназванные внелитературные и межлитературные факторы в сочетании с внутренним индивидуальным импульсом абхазских писателей обусло-

---

<sup>1</sup> Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. – Л., 1936. С. 250.

вили в ней зарождение жанра романа. И первым произведением в этом жанре стал роман И. Папаскир «Темыр» (1937).

В своей монографии «Поэтика Константина Иванова» С. Александров рассматривает поэму Константина Иванова-Прта и под углом зрения поэмы-предания<sup>1</sup>. Хотелось бы надеяться, что наши наблюдения над генезисом «чистого» романа в молодых литературах дадут исследователям новый импульс для продолжения изучения творчества Иванова-Прта. В частности, думается, можно увидеть много общего между романами в молодых литературах и «Нарспи» (написанной еще в начале XX в.) в плане использования фольклорного материала.

---

<sup>1</sup>Александров С. А. Поэтика Константина Иванова. Вопросы метода, жанра, стиля. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1990. С. 142.

## ТЕМА МАХАДЖИРСТВА В АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ<sup>1</sup>

В абхазской художественной литературе по существу нет ни одного писателя, который бы в своем творчестве, так или иначе, не касался темы махаджирства. Трагический период выселения абхазов особенно широко отразился в исторических произведениях. Причины такого активного писательского интереса к событиям XIX в. надо искать и в постмахаджирском тяжелом состоянии абхазского народа, который в XX в. оказался под угрозой потери своей родины и ассимиляции. Нация постоянно чувствует расчлененность, являющуюся прямым следствием махаджирства, у нее была отрублена большая часть этно-культурного целого, разбросанная в различных странах. И эта часть некогда крепкого организма, вопреки превратностям судьбы, пока еще помнит о своем прошлом, сохранила самобытную культуру и язык, ностальгия по своему отечеству никогда не покидала ее, ибо, как говорят в народе, «кровь дает о себе знать» («ашья ахы адыруеит»). Однако история свидетельствует, что рассыпанный по всему свету народ вне определенной, исторической родины не может обеспечить будущую жизнь нации, сберечь и полнокровно развивать собственную культуру. Поэтому понятно, почему писатели часто обращаются к трагическим годам прошлого столетия.

В истории абхазской литературы процесс художественного освоения махаджирской тематики можно разделить

<sup>1</sup> Статья написана совместно с В. А. Бигуаа и опубликована в сборнике «Культурная диаспора народов Кавказа: Генезис, проблемы изучения. (По материалам Международной научной конференции. 14–19 октября 1991 г., г. Черкесск, 1993).

на два этапа. Произведения первого периода (1920–1950-е) характеризуются тем, что они создавались под непосредственным влиянием устного народного творчества, основным материалом для художников слова служили рассказы очевидцев – участников событий XIX в., или тех людей, которые знали о махаджирстве по чужим рассказам. Второй период (1960–1980-е) сопровождается интенсивным развитием историографии, активным научным исследованием данной исторической проблемы. Среди работ, посвященных вопросам махаджирства, прежде всего, следует назвать фундаментальный труд Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1975).

Примечательно, что в те годы, когда Г. А. Дзидзария писал эту книгу, параллельно в творческой лаборатории Б. В. Шинкуба создавался исторический роман «Последний из ушедших» (1973). Однако обратимся к 20–50 гг., к произведениям Д. Гулиа – «Мой очаг», Д. Дарсалиа – «Водоворот», «Махаджир Куабча», С. Чанба – «Махаджир», «Песнь страдания», М. Лакербай – «Чудесный сплав» и другим, которые посвящены теме махаджирства. Анализируя эти творения, следует учитывать те сложные условия, в которых они создавались. В стране, как известно, существовала диктатура одной идеологии, в силу чего невозможно было пользоваться огромной массой архивных материалов, связанных с историей народов Кавказа того периода. С другой стороны, марксистско-ленинская теория классовой борьбы, как и теория и практика социалистической революции и коммунистического строительства, сыграли определяющую роль в формировании мировосприятия и художественного мышления писателей; об этом свидетельствуют сами произведения.

Вообще история развития исторических жанров литературы отражает состояние исторической науки. В мировой литературе, особенно в литературах народов,

имеющих большие письменные традиции, встречаются периоды, когда художественная культура намного опережает науку. Это – результат творчества внутренне свободных писателей. Такое опережение особо не отмечается в абхазской литературе первой половины XX в.; писатели, за редким исключением, опираются на господствующую официальную точку зрения. А. Авторханов, остановившись на вопросах изучения истории Кавказской войны, явившейся основной причиной махаджирства горских народов Кавказа (абхазов, адыгов, чеченцев и др.) отмечает: «Отношение советских историков к Кавказской войне менялось столько раз, сколько раз менялась сама «генеральная линия». Сначала Шамиль был, как по Марксу, «великим демократом», а завоевание Кавказа – актом колониальных грабежей царизма. Потом Шамиль стал реакционером и даже турецким шпионом, а завоевание Кавказа – «меньшим злом»<sup>1</sup>.

Проблема махаджирства всегда волновала абхазских писателей и ученых, ибо она оказалась самым памятным и одновременно больным вопросом в истории народа. В абхазской литературе даже становление жанров исторического рассказа, повести, драмы и поэмы началось с разработки темы махаджирства. Другое дело, насколько глубоко писатели смогли показать особенности исторической эпохи, духа времени.

Естественно, первым создателям произведений о махаджирстве трудно было отразить все стороны этой очень сложной с исторической точки зрения проблемы. Хотя

---

<sup>1</sup> Авторханов А. Г. Империя Кремля. – Вильнюс, 1990. С. 88. Существует мнение, что Кавказская война закончилась в 1859 г., т. е. после падения Гуниба и пленения Шамиля. Однако она продолжалась еще почти два десятилетия. После 1859 г., как выразился в конце 1930-х гг. Б. Лунин, «наступил черед адыге, абхазов». (См.: Шапсугские сказки. – Краснодар, 1939. С. 15). Военные действия в различных формах продолжались на Западном Кавказе с абхазо-адыгскими народами и завершились в 1878 г. последним массовым их выселением.

С. Чанба, Д. Гулиа, Д. Дарсалиа, М. Лакербай проложили путь к дальнейшему освоению темы, они не могли до конца раскрыть корни и причины трагедии народа, ибо пытались изобразить жизнь горцев XIX в. с позиции существовавших тогда стереотипов и штампов. Как результат в их произведениях ощущается несколько поверхностное восприятие событий XIX в., которым обычно характеризовались фольклорные произведения, посвященные этой же тематике.

Правда, опубликованные фольклорные материалы не изобилуют устными рассказами и стихами на данную тему. Приведем один-два примера. В рассказе «Махаджирство», записанном Константином Шакрыл со слов Саманджии Шкута, дается следующее объяснение, откуда пошло махаджирство. Оказывается, «по селениям ходили подготовленные люди, они склоняли народ к выселению, обманывая их». Отмечали, что в Турции «несметные богатства, там не надо трудиться не покладая рук, и так можно жить прекрасно. А тыква растет до огромного размера, даже целая корова может свободно вместиться внутри нее»<sup>1</sup>. Народ поверил в эти рассказы и выселился, но потом люди поняли, что их обманули и т. д.

В другом рассказе – «Крепость Хасанта»<sup>2</sup> – сказитель говорит, что когда русские воевали с турками, лишь абхазы присоединились к русским и выгнали турок. В сборнике «Абхазские народные историко-героические сказания» встречается и такой рассказ – под тем же названием – «Махаджирство», в котором утверждается: «Абхазы ушли в махаджирство, обманутые своими князьями и дворянами. Они больше поверили туркам, чем русским. Русские поддерживали князей и дворян.

<sup>1</sup> См.: Неиссякаемый народный родник / Составитель К. Шакрыл. – Сухуми, 1989. С. 201–202 (на абх. яз.).

<sup>2</sup> См.: Абхазские народные историко-героические сказания / Составитель С. Зухба. – Сухуми, 1978. С. 34 (на абх. яз.)

Абхазы привыкли к туркам, ибо они давно находились в Абхазии, а русских они не знали... Среди ушедших в махаджирство больше было мусульман, но и христиан было немало. Много было среди них и тех, которых выселили насильственно»<sup>1</sup>.

В народной песне «Озбак» раскрывается образ князя под именем Озбак, который настраивает собственный народ против русских, выполняет указания турок, зовет соотечественников в Турцию. Он не волнуется за судьбу народа, для него турецкие деньги важнее всего.

Безусловно, имеющиеся в нашем распоряжении устные рассказы отразили отдельные стороны махаджирства, главным образом, трагическую картину самого процесса выселения и его последствия. Именно это удалось авторам рассказа «Песнь страдания» и драмы «Махаджир», поэмы «Мой очаг», повестей «Водоворот» и «Махаджир Куабча», драмы «Чудесный сплав».

Не могут, например, не затронуть души каждого читателя те эпизоды в названных произведениях, в которых описывается, как опустошаются абхазские села, как со слезами на глазах, целуя землю, прощаются с родиной изгнанники, и как без воды и пищи погибают они на пустынном турецком берегу Черного моря.

Вот один из отрывков драмы С. Чанба «Махаджир». Действие происходит на турецком корабле, плывущем в сторону Турции. На палубе масса вынужденных переселенцев, среди них – женщины, дети и старики. Здесь же и женщина с мертвым ребенком на руках. Когда к ней приближается кто-нибудь из турецких матросов, она начинает качать ребенка, «разговаривать» с ним, ибо она понимает, что, если матрос обнаружит мертвого ребенка, он вырвет его из рук матери и выбросит в море. Мать не может расстаться с мертвым ребенком, она плачет, для нее

---

<sup>1</sup> Там же. С. 140.

жизнь потеряла всякий смысл. Наконец, матросы, почувствовав тленный запах, начали рыскать по палубе:

«Один из матросов: Смотрите, кажется, что это женщина рыдает. Эй, ты, женщина, покажи-ка своего ребенка.

Женщина (резко дернувшись с места): Нет, нет, ребенок спит. (Обращаясь к ребенку, с трудом заглушая горечь в душе). Наани, наани, уа наан-и!<sup>1</sup>

Матросы окружили ее.

Аа! (К матросам.) Что вы делаете? Прошу вас, не будите моего ребенка!..

Один из матросов резко сдернул полотно и увидел застывшее холодное лицо ребенка. Мать издала душераздирающий крик.

Матросы: Так и есть, ребенок мертв, немедленно возьмите его и выбросьте в море».

Матросы силой вырывают ребенка из цепких рук матери и выбрасывают в море. Мать, увидев летящего в бездонное море ребенка, теряет сознание и падает на палубу.

Немало примечательных сцен и образов находим и в других произведениях. Например, эпизод из второго действия второго акта «Чудесного сплава» М. Лакербай, где раскрывается образ жестокого офицера царской армии, приказывающего солдату Ивану, стрелять в абхазского малыша; сцена, развернувшаяся в третьем действии второго акта, в зале дворца князя Алмахсита; образы абхазских князей, русских офицеров, особенно седовласого крестьянина Сейдыка – отца борца за свободу народа Данакая и т. д. В то же время, хотелось бы обратить внимание на некоторые сомнительные и неправдоподобные моменты, которые встречаются не только в названных произведениях, но и в научной литературе, ставших след-

---

<sup>1</sup> Слова из народной колыбельной песни.

ствием ложных исторических концепций. Это – нереальные сцены, диалоги, чрезмерно искусственные, исторически и психологически недостоверные образы. Писатели старались писать в духе строительства социалистического общества, под непосредственным влиянием идеологии революционной борьбы и классовой теории. Иначе как же объяснить, скажем, стремление М. Лакербай в драме «Чудесный сплав» создать «чудесный сплав» из представителей различных национальностей для борьбы против «классовых врагов». Мы понимаем благие намерения и идеологические взгляды писателя, но ведь история Абхазии XIX в. говорит о другом.

Но что вспоминать о писателях 20–50-х гг., когда и сегодня ученые пытаются обходить многие важные вопросы истории Кавказа XIX в. Так, авторы вышедшего в 1988 г. академического труда «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)», останавливаясь на причинах махаджирства, заключают: «В результате антинародной политики царизма, адыгских феодалов и мусульманского духовенства, провокационной деятельности западных держав и Порты, а также темноты и религиозного фанатизма народа многие десятки тысяч кабардинцев, чеченцев, осетин, черкесов и адыгейцев (в том числе абхазов и абазин – авт.) переселились в Османскую империю»<sup>1</sup>. А перед этим в той же книге утверждается, что «в конце 50-х годов XIX в. на Северном Кавказе среди части горцев, продолжавших ориентироваться на Порту, началось движение за уход в османские владения»<sup>2</sup>.

Как и в рассматриваемых художественных произведениях, так и в названной «Истории...» и некоторых других научных трудах концепция истории народов не выдерживает критики. Даже в мировой истории нашей эры не

<sup>1</sup> История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988. С. 208.

<sup>2</sup> Там же. С. 202.

встречаются случаи, когда один народ добровольно переселялся бы в страну другого народа из-за религиозных и других соображений, покидая родину и могилы своих предков. Тем более, абхазо-адыгские народы Кавказа, которые не вели кочевой образ жизни и материально и духовно крепко были связаны с определенной исторической территорией. И если уж говорить об отношении горцев к религии, то надо сказать и о том, что Кавказ является одним из древнейших очагов христианской культуры, традиции которой сохраняются и по сей день. В Абхазии, например, христианство начинает распространяться уже во II-III вв. н. э., а в период существования сильного Абхазского царства (VIII-X вв.) оно становится государственной религией. Об этом свидетельствуют остатки раннесредневековых христианских памятников, встречающихся на всей территории исторической Абхазии, а также древнеармянские, греческие, грузинские, русские и другие письменные источники. С момента завоевания черноморского побережья Кавказа турками происходит процесс распространения мусульманства. Оно не смогло укрепиться в сознании народа, хотя ощущается и определенный отход от тысячелетних христианских традиций. Бурно возрождается язычество. И по сей день в регионе мирно сосуществуют разные религии.

По свидетельству исторических документов, фольклорных и других источников, для абхазов и генетически близких им народов Северного Кавказа религиозный фанатизм никогда не играл роли в решении тех или иных социально-политических противоречий, проблем жизни и быта, религия не могла быть причиной вражды, ненависти или столкновений с соседними народами. Те писатели и ученые XIX и XX вв., которые констатировали наличие религиозного фанатизма у горских народов Кавказа в годы Кавказской войны, пытались оправдывать колониаль-

ную политику царизма на Кавказе. Совершенно был прав А. Цаликов, когда он в начале XX в. отмечал, что в «этом переселении религиозный фанатизм, на который любят ссыльаться некоторые историки, далеко не играл той роли, которую ему обыкновенно стараются приписать, дабы сложить всякую ответственность за судьбы многочисленного народа с тогдашних вершителей судеб на Кавказе»<sup>1</sup>.

Абхазы, главным образом, руководствовались законами «апсуара» (как, например, адыги – законами «адыг-е-хабзе»). Вот как раскрывает содержание понятия «апсуара» Ш. Д. Инал-ипа: «В основе абхазской традиционно-бытовой культуры лежит несколько важнейших принципов – принцип сословности, кровного (в прошлом молочного, или атального) родства (ажьра-цэара), возрастной принцип с вытекающими отсюда «культом» старших (особенно старшего мужчины) и соответствующей системой сложного соподчинения (аихабра – еитцбыра), принцип гостеприимства (асасра), принцип воинской отваги, мужества и героизма (ахатцара) и др. Все они объединяются... широким объемным понятием «абхазства» – апсуара... Под апсуара... понимается совокупность абхазской национальной традиционности, включая понятие добра и справедливости, чести и совести (аламыс), народно-эстетические и моральные установки, одним словом, все, что связано с особенностями народной культуры, с традиционно-бытовой культурой абхазского народа»<sup>2</sup>.

Мы бы добавили еще то, что содержание данного понятия включает и горячую любовь к родине, к свободе, непримиримость к рабству и зависимости. Важно отметить и некоторые определяющие этнопсихологические особенности народа. Абхазы на протяжении всей истории постоянно жили в напряжении. Бесконечные войны с иноzemными захватчиками изнуряли народ, вместе с тем

<sup>1</sup> Цаликов А. Т. Кавказ и Поволжье. – М., 1913. С. 114.

<sup>2</sup> Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. – Сухуми, 1984. С. 43–44.

и формировали его образ жизни, характер и психологию, для которого свободная жизнь являлась высшим достоинством человека. Они трудно выносили зависимость, ограничение свободы. Весьма примечателен один факт, приведенный С. Лакоба из страниц истории начала XX в. Он пишет: «...заточение в тюрьме, любая форма неволи в понятии абхазцев и некоторых других народов были равносильны смерти. Многие из них не выдерживали ограничения свободы даже в течение очень незначительного срока. Вспоминая о своем заключении в Сухумской крепости в 1907–1908 гг., революционер Василий Кавжарадзе отмечал: «Особенно умирали абхазцы, сваны, черкесы, которые вообще плохо выносили неволю»<sup>1</sup>.

Вспоминается и прекрасное стихотворение Д. И. Гулиа «Олень», в котором стройный красавец олень предпочел смерть жизни в плену у охотников: не видя другого спасения, оказавшись перед бездонной пропастью, он бросился со скалы.

Результатом тяги к независимости явилось, конечно, и создание Абхазского царства в VIII–X вв. Потом, когда оно прекратило свое существование, народ неоднократно восставал против захватчиков. Так было и в XIX в., когда абхазы выступили против колониальной политики царского самодержавия. Да и само средневековое Абхазское царство, по словам С. Лакоба, «с преимущественным вольным населением в структуре общества резко отличалось от Картли и Тао-Кларджети, где быстро разvивался феодализм и шел бурный процесс закрепощения крестьянства»<sup>2</sup>. Возможно, оно было сильно именно своим «демократическим устройством», позволившим первым царям консолидировать, объединить абхазские племена. Даже тогда, когда в разные исторические эпохи Абхазия входила в ту или иную империю, народу как-то

<sup>1</sup> Лакоба С. З. Крылились дни в Сухум-Кале... – Сухуми, 1988. С. 38.

<sup>2</sup> Там же. С. 29.

удавалось сохранять свою вольную, независимую жизнь и традиционные демократические основы бытия.

Во второй половине XVIII в. французский консул при дворе крымских ханов М. Пейсонель, наблюдавший за событиями в Западном Кавказе в XVIII в., отмечал, что абхазы или абазины (по терминологии Пейсонеля) не повинуются ни главному турецкому начальнику (паше) этого района, ни его сподручному в Абхазии, и «лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению»<sup>1</sup>.

Весьма характерный для горцев Кавказа факт приводит офицер царской армии, участник Кавказской войны Ф. Ф. Торнау в своих «Воспоминаниях кавказского офицера». Он, в частности, пишет, что «при заключении Адрианопольского трактата, в 1829 году, Порта отказалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря и уступила ей черкесские земли, лежавшие между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, отделившись от Турции еще лет двадцать тому назад. Эта уступка имела значение на одной бумаге: на деле – Россия могла захватить уступленным ей пространством не иначе как силой. Кавказские племена, которые султан считал своими подданными, никогда ему не повиновались... Уступка, сделанная султаном, горцам казалась совершенно непонятной. Не углубляясь в исследование политических начал, на которых султан основывал свои права, горцы говорили: «Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану... и никому другому не хотели принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить». Десять лет спустя, когда черкесы, уже имели случай познакомиться с русской силой, они все-таки не изменили своих понятий. Генерал Раевский, командовавший, в то время черноморской береговой линией, стре-

<sup>1</sup> Пейсонель М. Исследование торговли в абхазско-черкесском берегу Черного моря 1750–1762 годах. – Краснодар, 1927. С. 29.

мясь объяснить им право, по которому Россия требовала от них повиновения, сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому поводу идет он на них войной: «Султан отдал вас в пеш-кеш – подарил вас русскому царю». «А! Теперь понимаю», – отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве: «Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!» Этим кончились переговоры. Война сделалась неизбежной. Оставалось только отыскать путь к покорению горцев, занимавших новоприобретенную часть Кавказа»<sup>1</sup>.

Демократические принципы взаимоотношений в обществе, уходящие в глубину веков, сохранились до XX в., несмотря на то, что существовало сословное деление. Как свидетельствует Ф. Ф. Торнау: «Абхазы, называющие своего владельца «ах», делятся на пять сословий: на «тавад» (атауад – *Авт.*) – князей, «аамыста» – дворян, «ашнакум» (ашынақәма – *Авт.*) – владельческих телохранителей, составляющих среднее сословие, «анхаю» (анхафы – *Авт.* – крестьян и «агруа» – рабов... Телесное наказание не допускается (даже по отношению к крестьянам – *Авт.*)... Крестьяне вправе звать своего господина на суд за обиды и за притеснения и когда господин окажется действительно виновным, освобождаются от его власти... Все спорные дела решаются в Абхазии судом (народным – *Авт.*) по обычая... Смертная казнь не существует в Абхазии»<sup>2</sup>. Об этом же писал и французский путешественник Фредерик Дюбуа Де Монперэ. В 1833 г. он писал: «...у них (черкесов, а вместе с ними и абхазов и абазин – *Авт.*) нет никакого писанного кодекса; всякое дело административного свойства передается на обсуждение народного собрания, или своего рода сейма; ...здесь князья, дворяне и даже крепостные... (понятие «крепостные» в том понимании,

<sup>1</sup> Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835 г. Часть первая. – М., 1864. С. 5–6.

<sup>2</sup> Там же. С. 59–60.

в котором оно употреблялось в России, не существовало среди горцев Кавказа – Авт.) пользуются совещательным голосом»<sup>1</sup>. Он же отметил и другой не менее важный принцип взаимоотношений людей: «Настолько велико уважение к старикам или старшим людям вообще, что при входе такого лица ты обязан встать, хотя бы это и был человек ниже тебя по происхождению. Этот обычай наблюдается как среди мужчин, так и среди женщин»<sup>2</sup>.

Немалый интерес представляет обычай воспитания детей князей, дворян в крестьянских семьях («аталычество» или «молочное родство»), который в какой-то мере способствовал стиранию резкого сословного противоречия, ибо воспитатели детей становились близкими родственниками. Как писал К. Мачавариани: «В Абхазии между низшими и высшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии»<sup>3</sup>. Даже глава советской Абхазии. Н. Лакоба отмечал, что «в жизни абхазцев история не знает существования больших различий в правах отдельных сословных групп»<sup>4</sup>. Словом, «Абхазия занимала промежуточное положение между демократическими вольными обществами горцев Северо-Западного Кавказа и развитой феодальной системой Грузии. Однако по структуре и духу своего общественного устройства она, несомненно, была теснее связана с убыхо-черкесским миром»<sup>5</sup>.

После такой сжатой характеристики состояния народа в XIX в., считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что многие писатели и ученые в своих произведениях и ис-

---

<sup>1</sup> Фредерик Дюбуа Де Монперэ. Путешествия вокруг Кавказа. – Сухуми, 1937. С. 51.

<sup>2</sup> Там же. С. 50.

<sup>3</sup> Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум, 1913. С. 321.

<sup>4</sup> См.: Лакоба С. З. Указ. соч. С. 30.

<sup>5</sup> Там же. С. 29–30.

следованиях порой не придают особого значения (или избегают углубления в проблему) социально-политическим, этнопсихологическим, морально-этическим и другим особенностям народа, особенностям его исторического развития, когда пытаются раскрыть суть того или иного этапного явления в жизни нации. А ведь они формируются не годами, а тысячелетиями, играя важную роль в тех или иных сложных переломных и трагических моментах истории, когда народ оказывался перед выбором пути.

Теперь выделим некоторые аспекты выселения народов. Обратимся к источникам. Многие стороны процесса выселения горских племен непредвзято описаны, например, свидетелем событий прошлого века Я. Абрамовым в работе «Кавказские горцы», впервые напечатанной в журнале «Дело» (№ 1 за 1884). Хотя автор в некоторых местах не избежал поверхностного описания сложной и трагической эпохи, он все же сумел затронуть суть проблем, которые должны были стать объектом пристального внимания писателей и ученых XX в.

Согласно Я. Абрамову, выселение горцев приобрело массовый характер где-то с конца 50-х гг. прошлого века, в Турцию начали переселяться целые народности. «Выселились – джигиты (джигеты – *Авт.*), убыхи, шапсуги, натухайцы, абадзеши, абазинцы, башильбаевцы, тамовцы, кизыльбековцы, шахгиреевцы, баговцы, егерукаевцы и темиргоеевцы, бесленеевцы, махошевцы, бжедухи и закубанских ногайцы. Всего выселилось с 1858 по 1865 г., только по официальному счету, – 493 194 душ, причем много горцев выселялось без ведома русского правительства и, стало быть, в официальный счет не попало. Такие громадные размеры переселенческое движение горцев приняло, благодаря некоторым приемам русской политики. Из официальных документов, содержание которых опубликовано председателем кавказской археографической комиссии

г. Берже, видно, что в это время кавказские деятели решились радикально изменить прежнюю систему борьбы с горцами и поставили себе две цели: с одной стороны, ослабить состав горского населения, всячески содействуя переселению горцев в Турцию и даже прямо вызывая его, а с другой – выселить всех оставшихся горцев из гор на плоскость, а места, занятые прежде горским населением, заселить казачьими станицами<sup>1</sup>.

Можно было бы продолжить анализ исторических процессов XIX в., но уже сказанное дает возможность ясно представить основные причины махаджирства, понять объективные условия, породившие трагедию народов. Вместе с тем, мы еще не говорили о некоторых важных особенностях социально-общественной жизни абхазов и других горских народов Северного Кавказа и Дагестана, сыгравших отрицательную роль в исходе Кавказской войны и способствовавших процессу выселения.

Были и внутренние противоречия и близорукость в политике, которую разделяли горские народы и препятствовали созданию единого фронта национально-освободительной борьбы. (О них скажем ниже, при анализе романа Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших»). Национальная литература 1920–1950-х гг., пытаясь раскрыть их. Однако, в силу известных причин, о которых уже говорилось, абхазские писатели того времени не сумели достичь желаемых результатов, ибо художественная правда разошлась с исторической правдой. А это особенно отражается на судьбах исторических произведений. Естественно, нельзя требовать от писателя, чтобы он отразил все стороны той или иной эпохи, но ценность любого творения заключается в оригинальности, в его способности приблизить читателя к истине. Именно этим и отличаются произведения современных абхазских писателей, посвященных теме

---

<sup>1</sup> Абрамов Я. В. Кавказские горцы. – Северо-Кавказский филиал традиционной культуры, МЦТК «Возрождение», 1990. С. 6–7.

махаджирства. Среди них, конечно же, выделяется роман Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших».

Литературоведы часто истинную историчность художественного произведения видят в воспроизведении национального колорита и в обязательном участии в описываемых событиях исторических лиц.

Однако эта точка зрения нуждается в серьезном осмыслении и коррективах, ибо все перечисленное можно передать с фотографической точностью, но не отразив при этом духа времени. Об этом, в частности, писал Гегель. Вот его размышления: «Что касается чисто исторической верности в изображении внешних вещей, например, местного колорита, нравов, обычаяев, учреждений, то она играет подчиненную роль в художественном произведении и должна отступать на задний план в интересах истинного, непреходящего содержания, отвечающего также и требованиям современной культуры», ибо, как полагал философ, «изображение может совершенно верно передавать своеобразие эпохи, быть правильным, живым, а также совершенно понятным современной публике и все же не выходить за рамки обыденной прозы, не делаться поэтичным в самом себе»<sup>1</sup>.

Б. Шинкуба удалось показать, что уничтожение и изгнание народа (или народов) и лишение его права на существование и развитие не могут быть оправданы никакими политическими, идеологическими или другими причинами и целями. В «Последнем из ушедших» показана роль захватнических устремлений царской России и Османской Турции, которые, воюя друг с другом, подвергали уничтожению расселенные между их географическими границами горцы Кавказа.

В науке давно утвердилось мнение, что народы Кавказа стали жертвами двух государств-гигантов. С точки

<sup>1</sup> Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. – М., 1968. Т. 1. С. 282.

зрения этой концепции истории данное произведение неоднократно подвергалось анализу исследователями.

Но нам хотелось бы остановиться на тех процессах, которые происходили внутри самих народов. Это необходимо сделать для того, чтобы понять как внешние, так и внутренние причины трагедии. Такой подход позволяет дать полную и истинную картину событий и выявить соотношение политических (внешних) и социальных (внутренних) факторов, способствовавших махаджирству. Вместе с тем он открывает путь к более полному раскрытию внутреннего содержания художественного мира романа.

Как известно, народы Кавказа вступили в XIX в. не только в условиях сложной внешнеполитической атмосферы, но и с раздираемыми внутренними конфликтами и междуусобицами. Бесконечные и разорительные набеги одного народа на другой здесь уже стали делом привычным и повсеместным. Таким образом, та трагедия, которая произошла с ними, имела не только внешние, но и внутренние причины.

Это объясняется следующим обстоятельством. В дворянско-княжеской среде потеряло свою функцию и жизнеспособность то регламентированное устройство жизни, которое обеспечивало порядок в обществе. В систему представлений и навыков поведения уже не укладывается стремление знати к самостоятельности. Кодекс взаимоотношений, служивший гарантом взаимопонимания и обязательного выполнения всех его требований, становится обременительным, сужавшим возможности того или иного князя. Как следствие этого процесса, начинается переосмысление многих канонов, некогда игравших стабилизирующую роль внутри народов и племен. Однако сам процесс переосмысления в такой исторической обстановке приводит к различным трактовкам и пониманию обычая и традиций, ставших препятствием в современной жизни.

Рассмотрим это на примере Абхазии, где произошло ослабление централизованной власти. Это привело к невозможности выработки единого внешнеполитического курса. В поведении отдельных князей проявляется не-последовательный, носящий случайный характер, выбор союзников. Тот или иной князь считал более приоритетным и важным победу над ближайшим, внутренним врагом. Подобный иллюзорный подход усугубил и без того сложную внутреннюю обстановку. Этой слабостью пользовались и Россия, и Турция, которые находили своих сторонников среди местных князей и дворян. Таким образом, закономерные процессы общественного развития, совпавшие с внешней агрессией, не сумели консолидировать силы, а напротив, ускорили трагический финал – выселение большей части населения со своей родины. В этой несогласованной борьбе с двумя империями, основная масса крестьян принимала сторону тех князей, которые, на их взгляд, поступали в соответствии с их стереотипным пониманием чести и доблести, любви к родине, свободы и независимости.

Роман «Последний из ушедших» – это повествование последнего представителя убыхского народа, который сам является свидетелем и участником событий, приведших к исчезновению его народа. Зауркан Золак – не обычный рассказчик, на его долю выпала незавидная роль горевестника, который извещает всему миру о том, что больше не существует его народа. Рассказ Заурканы не содержит пристрастия к идеализации собственного народа, в нем также не ощущается предвзятого и оскорбительного отношения к народам, принявшим непосредственное участие в изгнании убыхов.

Несмотря на то, что в образе Заурканы находим традиционные черты эпического героя, он все же содержит в себе весьма нехарактерные для последнего свойства. Во-первых, так как повествование в романе ведется от его

лица, то он не просто рассказывает о тех или иных событиях, произошедших с ним, с его семьей и вообще с его народом, но дает им и соответствующую оценку. Зауркан самокритичен, он признает свои ошибки, видит свою вину в том, что по своему незнанию и непониманию пассивно участвовал в гибели народа. Исправить эту ошибку на чужбине было уже невозможно. Зауркан критически оценивает роль предводителя убыхов – Хаджи Берзек Керантуха, одним из помощников которого сам он был. Зауркан Золак с сожалением понимает, что прозрение наступило слишком поздно. Он говорит: «Но сейчас, после прошедших десятилетий, когда я вспоминаю и обдумываю то, что он (Керантух – *Авт.*) делал и говорил, то считаю, что он был человеком недальновидным, нетерпеливым и самолюбивым, у которого эмоциональные порывы преобладали над здравым рассудком»<sup>1</sup>.

Б. Шинкуба внес большой вклад в осмысление истории не только убыхского народа, но, в определенной степени, всех других народов, в той или иной мере разделивших горькую махаджирскую долю. Однако сказанное отнюдь не означает, что эта тема в литературе исчерпана, ибо по масштабу и значению происшедшая тогда трагедия превзошла все предшествовавшие и последующие события в жизни горцев, она сыграла роковую роль в исторических судьбах народов.

Вместе с писателями старшего поколения большой интерес к теме махаджирства проявляют и молодые мастера художественного слова.

Среди тех, кто находится в поисках новых открытий в освещении этой сложной проблемы можно выделить прозаика и киносценариста Д. Зантариа. Им написаны повести: «Судьба Чу Якуба», «Енджи-Ханум, обойденная счастьем», рассказ «Царь хылцысов» и др., которые внесли свежую струю в художественное освоение истории

<sup>1</sup> Шинкуба Б. В. Собр. соч. : в 3 т. – Сухуми, 1973. Т. 3. С. 44 (на абх. яз).

абхазского народа XIX в. Известно, что историческая тематика требует соответствующего реалистического воспроизведения событий, имевших место в действительности. Однако творчество Д. Зантири свидетельствует, что это условие является далеко не единственным средством художественного отражения содержания исторических процессов и времени. Писатель, наряду с изображением реальных исторических событий и лиц, широко использует способ создания условных ситуаций и моделей. И это осуществляется, несмотря на то, что произведения Д. Зантири написаны под воздействием работ французского ученого Ж. Дюмезиля, работ Г. А. Дзидзария и других исторических трудов. Писатель, не искажая документальные сведения о своих героях, одновременно трансформирует их, придавая им обобщенно-художественную окраску; для него важно, чтобы поступки персонажей не были исключением из правил, а показывали бы их типичность. Так, например, историческая личность, убых Чу Якуб, известный в период махаджирства своими способностями военачальника, но не получивший признания у себя на родине, в повести Д. Зантири несколько раз встречается со своей Судьбой. Якубу в начале кажется, что это какое-то наваждение, и только тогда, когда он вышел в море навстречу кораблям, полных убыхов и других горцев, плывших в сторону Турции, понял свое бессилие остановить их и повернуть назад: появляется его Судьба, которую он убивает своими руками. Такая символическая ситуация позволяет судить о степени виновности самих представителей народа, которые свои тщеславные и честолюбивые интересы поставили выше интересов собственного народа.

Итак, анализ ряда художественных произведений исторического жанра 20–80-х гг. XX в. в контексте развития историографии показывает, что махаджирство до сих

пор остается актуальной недостаточно изученной проблемой.

По нашему мнению, для полного научного и художественного исследования трагических страниц истории абхазо-адыгских народов и других горцев Кавказа XIX в., необходимо: 1) создать музей (или центр) истории махаджирства в Нальчике, Майкопе, Черкесске или Сухуме; 2) систематически собирать и издавать сборники архивных материалов и другую литературу о махаджирстве; 3) активно привлекать зарубежных соотечественников, развернув научно-поисковую работу в Сирии, Греции, Турции, Израиле, Франции, Америке, Германии, Италии, Англии и других странах с целью выявления, накопления материалов и осуществления переводов текстов с иностранных языков; 4) на Северном Кавказе (в том числе и в Абхазии) обратить серьезное внимание на подготовку ученых – историков и филологов со знанием арабского, турецкого, французского, греческого, итальянского, английского, болгарского, польского и других языков; 5) исследовать историю и культуру зарубежных соотечественников, живущих в более чем 45 странах.

## О РОМАНАХ АЛЕКСЕЯ ГОГУА<sup>1</sup>

Не будет преувеличением, если скажем, что творчество Алексея Ночевича Гогуа вызывает у широкого круга читателей и специалистов большой интерес. В целом если говорить о феномене творчества Алексея Гогуа, можно смело утверждать: писателю удалось придать абхазской художественной прозе новое качество, новый импульс, что во многом определило ориентиры дальнейшего ее развития. Для подтверждения этой мысли сошлемся на авторитетное мнение писателя Фазиля Искандера. Он, в частности, пишет: «Молодая абхазская литература тоже проходила и проходит курс ускоренного исторического развития. В творчестве А. Гогуа это особенно ясно заметно. От первых рассказов, еще насыщенных духом народного эпоса, он резче всех свернул в сторону психологического углубления своей прозы».

Труд нелегкий, и на этом пути у него были не только победы, но и неудачи из-за отторжения несовместимостей, а порой и из-за отсутствия достаточного равновесия между потоком сознания и движением сюжета.

Условно говоря, чистый эпос прекрасен цельностью сознания, но он может порой смущать бедностью душевной жизни. Насыщенная психологическая проза привлекает нас богатством анализа, но от нее порой остается впечатление некоторой неприятности, что ли (слишком много вывернутых внутренностей, мало красоты).

Истина, как говорится, посередине. Я думаю, что наиболее интересный тип современной прозы – это органическое сочетание эпической цельности с глубиной анализа.

<sup>1</sup> Статья была опубликована в Межвузовском сборнике научных трудов «Актуальные вопросы абхазско-адыгской филологии». – Карачаевск : КЧГПУ, 1997.

В таких вещах, как «За семью камнями», «Елана», «Дорога в три дня и три ночи» Алексей Гогуа достигает естественного слияния вышеупомянутых начал.

Сложность его работы была не только в эстетической новизне психологической прививки, но и в реакции абхазского читателя, несколько ошарашенного этим неожиданным для него крупным планом внутренней жизни человека. По горскому этикету, мужчина молчит или действует, приняв решение (эпос), и абхазцу незачем знать, как и почему он пришел к такому решению. А для психологической прозы это-то и есть самое главное.

Получился, некоторым образом, скандальный эффект. Почти неприличие. Душа, как женщина, впервые без чадры явившаяся праведному взору горца, заставила последнего целомудренно коситься, ворчать и даже прикрываться ладонью.

Однако со временем читатель привык. Понравилось и даже полюбилось. Примерно таким был путь Алексея Гогуа к абхазскому читателю<sup>1</sup>.

Заметим, что для осуществления своих художественно-эстетических целей А. Гогуа уже не мог устроить (привычное для абхазской прозы той поры) последовательное описание событий и интригующую сюжетно-композиционную организацию текста, поскольку такой тип произведений не высвечивал очень важного в художественном образе момента – мотива поведения персонажей. Безусловно, к подобной литературно-эстетической концепции А. Гогуа подошел благодаря знанию опыта мировой литературы и, в частности, произведений, построенных на принципе психологического раскрытия характеров героев. Таким образом, у Гогуа те структурообразующие элементы текста, которые занимали в произведениях абхазских прозаиков

---

<sup>1</sup> Искандер Ф. А. Слово об Алексее Гогуа // А. Гогуа. Дикая азалия. – М. : Художественная литература, 1989. С. 3–4.

периферийное положение, становятся основными. Писатель, в отличие от своих предшественников, делает акцент не столько на изображение событий и действий героев, а на их внутреннюю жизнь: – на их переживания, рассуждения и т. д. В таком типе произведений сюжет выполняет как бы вспомогательную роль. Статичности и даже скучности событийной стороны противостоит динамичность и многообразие внутреннего мира героев. Подобная переакцентировка дает возможность глубже проникнуть в существование человека, в его психологию, переживания и через них (а не только через его действия) определить его морально-нравственные достоинства или недостатки.

В своих произведениях А. Гогуа использует свойственные для психологической прозы приемы внутреннего монолога и потока сознания персонажей, ретроспекции и композиционного монтажа. Каждое слово, каждая мысль в повествовательной структуре произведений А. Гогуа несет определенную функциональную нагрузку. У него автороги兹м, то есть употребление слов и выражений в их прямом и непосредственном значении, – явление нечастое. Независимо от того, кем были высказаны или кому принадлежат те или иные размышления, они облекаются в метафорическую и иносказательную форму.

По своим формальным признакам романы А. Гогуа «Нимб» и «Большой снег» не открывают ничего такого, что не было свойственно остальной его прозе. Вместе с тем воспроизведимая писателем в его романах действительность представляет собой широкую картину жизни общества. На первый взгляд может показаться, что с точки зрения соотношения художественных образов с людьми из реальной действительности они стоят на достаточно большом расстоянии.

Между тем писатель, ставя свои персонажи в условные, но правдоподобные ситуации, стремится понять,

что же стоит за часто неосознанными поступками людей. И, таким образом, автор переносит внешние конфликты жизни во внутреннюю сферу личности, сферу психологии, сознания и подсознания. Неустанные рассуждения героев об окружающей действительности, о нравах людей и о себе делают их внутренне самостоятельными, что не означает легкодоступности для читателей художественных образов.

Изображение внутренней жизни человека в романах А. Гогуа осуществляется путем раскрытия его субъективного мироощущения, а, следовательно, используемые им аргументы при оценке тех или иных явлений, независимо от степени нравственности персонажа, всегда выглядят убедительными.

В романах целостная картина мира создается из совокупности мировоззрений и духовного состояния героев, которые могут быть как объектами, так и субъектами в повествовательной структуре произведений. Почти каждому персонажу романа «Нимб» и «Большой снег» представляется возможность выразить «свое» отношение к тому или иному герою, явлению или событию. И через такое изображение автор как бы получает возможность воспроизведения действительности с различных точек зрения и подходов.

Своим первым романом «Нимб» Алексей Гогуа внес существенные корректизы в дальнейшее развитие складывавшейся национальной литературной системы. Изображенное время в романе распадается на реальное и художественное. Реальное время охватывает приблизительно 30–50-е гг., тогда как художественное время вмещает в себя события одних суток. Композиция романа структурно разделена на пять глав, в подзаголовок каждой из них введено определенное время суток: «Утро», «Полдень», «Заполдень», «С вечера», «Когда рассвело».

Автор календарно датирует сутки, в течение которых происходят события, что соответствует художественному времени романа. В начале произведения обозначена дата этих суток: «Декабрь 4. Воскресенье. Восход солнца – 8 ч. 33 м. Закат – 15 ч. 59 м. Долгота дня 7 ч. 18 м. Полнолуние 7 ч. 24 м.». Заметим, что в указанной дате отсутствует год. Нам не удалось полностью расшифровать загадку,ложенную автором в этой дате, но кое-какие, может быть, гипотетические предположения у нас имеются. На наш взгляд, установление точной даты не дает ничего такого, что способствовало бы раскрытию замысла романа. Следовательно, автор преднамеренно опускает год, когда именно происходили события. В данном случае не столь важен год, сколь важны сутки, в течение которых персонажи романа как бы заново пережили свою жизнь. Сутки эти символизируют завершение определенного этапа, что соответствует завершению календарных циклов. Ведь действия происходят в воскресенье, то есть последний день недели, в декабре – в последний месяц года, в момент фазы полнолуния, когда Солнце, Земля и Луна находятся на одной прямой, в результате чего образуется вид светящегося диска.

Описание природного явления символизирует исчезновение нимба, которым был увенчан один из основных героев произведения – Аджир. «Социально-бытовой, реалистический роман А. Гогуа, – пишет Ш. Салакая, – в то же время во многом символичен, ассоциативен. Через весь роман проходят контрастирующие между собой два символических образа: вишня у самого дома Аджира с черными горькими плодами как символ мира Аджировых и любовно выращенный старым садовником Басиатом яблоневый сад с плодами сочными, сладкими для добрых и горькими, твердыми как металл для злых, вредных людей. Символично и само название – «Нимб». На

протяжении всего действия романа внимание читателя не раз будет обращено на затмевающее свет, мутное обрамление лунного диска. Появление нимба, как правило, сопровождается описаниями внутренних переживаний героев. Иначе говоря, он символизирует собой всякую нечисть, которая должна также исчезнуть, как испарился нимб вокруг лунного диска на исходе описанной в романе ночи»<sup>1</sup>.

В приведенной цитате Ш. Салакая в целом верно объяснил смысл символики романа, но нам хотелось бы уточнить, что А. Гогуа показывает и осуждает не абстрактную «нечисть и ложь», а имеет в виду конкретно-исторические ее выражения. Речь в романе идет об исходе эпохи сталинизма. На это намекает имя – Аджир, что в переводе с абхазского означает «сталь». Конечно, между литературным героем и личностью Сталина нет ничего общего в плане схожести их биографий. Директор сельской школы уходит на пенсию в тот день, который обозначен в романе. Но торжества по этому поводу носят показной характер, ибо истинное лицо Аджира вопроизведено через воспоминания и оценки других персонажей (Шасия, Басият, Дигуа и др.). В них Аджир представлен как олицетворение зла и подлости; он готов на любые действия ради того, чтобы остаться на виду. На его совести много грехов. Он винен даже в том, что репрессировали его родного брата Давида. Будучи директором школы, он нравственно искалечил не одно поколение своих учеников. Но время его прошло, и маска, которой он так умело прикрывался, уже мало кого может ввести в заблуждение – таков основной смысл романа.

Иное историческое время описано в романе А. Гогуа «Большой снег». Несомненно, писатель для создания дан-

---

<sup>1</sup> Салакая Ш. Х. В ногу со временем. Литературно-критические статьи. – Сухуми, 1989. С. 21.

ного произведения использовал реально имевшее место событие – выпадение небывало большого количества снега в Абхазии в 1911 г. В силу своей необычности, это событие стала своеобразной точкой отсчета, эпохой в истории народа. Оно, в какой-то мере, приглушило даже трагические последствия не столь давнего махаджирства. В народе это необычное для Абхазии природное явление стало своеобразным отсчетом времени.

А. Гогуа поставил перед собой задачу художественного исследования последствий этого природного факта и происходящих в связи с ним изменений в мировосприятии народа. Причина проявленного писателем интереса кроется, на наш взгляд, не столько в неординарности стихийного явления, сколько в близости расположения двух судьбоносных для истории народа событий. Ведь большой снег последовал за махаджирством. В ситуации, когда территориально разделенный, обескровленный народ должен выдержать новые испытания. Природа как бы экзаменует абхазский народ, проверяя его жизнестойкость. Оказалось, что у народа сохранилось еще достаточно жизненных сил для продолжения своей истории.

В романе «Большой снег» А. Гогуа разрешает множество социальных, психологических проблем, имеющих общественное значение и конкретно исторические формы выражения. Хотя художественное время охватывает период с конца осени до наступления весны, в романе показаны картины достаточно большого периода истории абхазов. Посредством ретроспективных отступлений автор возвращает читателя к событиям махаджирства и показывает многие детали народного быта, его судьбы. Среди проблем, поднятых и решаемых писателем, С. Зухба выделил следующие: 1) взаимоотношения личности и общества; 2) патриотизм; 3) судьба родного языка; 4) со-

стояние религии; 5) социально-классовые взаимоотношения; 6) состояние национальных традиций и обычаев; 7) взаимоотношения мужчины и женщины, юноши и девушки, проблемы любви; 8) семья; 9) вопросы воспитания подрастающего поколения и обучения в школе; 10) человек и природа<sup>1</sup>.

Герои А. Гогуа, поставленные в условно затруднительную ситуацию, когда высота выпавшего снежного покрова достигла громадных размеров, что под ним оказались сами дома, они должны принимать решения и действовать, проявляя те или иные качества, чтобы преодолеть эту грозную стихию. И процесс физического одоления преград неизменно сопровождается значительными изменениями в их духовно-этической сфере. Естественно, в такой обстановке люди ведут себя по-разному. Но в целом народ должен был, если он еще жизнеспособен, переоценить многое из того, что до сих пор считалось незыблемым, искать новые ориентиры, способные вывести на перспективный путь развития.

В числе тех, чьи моральные принципы терпят крах, оказывается князь Алма Анчба. Он и его семья в этой сложной ситуации уже не имели возможности скрыть непродуктивную сущность своего бытия. Семейство князя теряет доверие народа, ибо роли предводителя она не выполняет. Эгоизм, лицемерие, ложь пронизали их, а потому они не могут и не намерены защищать интересы общества. Но очевидным для всех это стало только в экстремальной ситуации.

В романе мы имеем пример перекрестного повествования, переключения и переходов от одного персонажа к другому. Каждый отдельный образ, являясь относительно автономным, в то же время невидимыми нитями (через

---

<sup>1</sup> Зухба С. Л. Когда человек вместе с природой. (О романе-рэпсодии А. Гогуа «Большой снег.») // Аллашара. 1987, № 9. С. 112.

совпадение мнений или же их различия) взаимосвязан с другими, что и создает общую цельную картину действительности.

В раскрытии основной идеи произведения наиболее важными, на наш взгляд, являются образы Мсоуста и Мзалея. Мсоуст и Мзалей братья: у них один отец – Гуатас. Но об этом мало кто знает. Не знают об этом и сами братья. Считается, что Мзалей – сын Алмы Анчба. В начале романа Мзалей после пятнадцатилетнего отсутствия (он находился на учебе – В. А.) возвращается домой. Накануне, за день до этого, на сходе, проходившем в селе, Мсоуст накинулся на Ацахуа и других священнослужителей, которые под видом разрешения народу совершения молитвы на родном языке, на самом деле, пользуясь его неграмотностью, изменяли фамилии людей. После этого события Мсоуст вынужден скрываться от властей. О том, что Мсоуст и Мзалей являются родными братьями, читатель и они сами узнают лишь к концу романа. Они наслышались друг о друге, интересуются друг другом, но встретиться им не было суждено. В конце произведения, перед очередным народным сходом Мзалея убивают, спутав его с Мсоустом. В ответ на это Мсоуст отомстил за брата и пленил Ацахуа, для которого сан религиозного деятеля был прикрытием для осуществления своих неблаговидных намерений.

Значимость образов Мзалея и Мсоуста не заключены лишь в поступках, которые ими совершены на страницах романа. Дело в том, что братья следовали единым морально-этическим принципам, хотя в то же время между ними есть и существенные различия. Мзалей воспитывался в княжеской семье, получил образование и вернулся домой с намерением использовать свои знания для блага народа. Те же цели и у Мсоуста, но у него крестьянское воспитание, он не имеет образования, хотя не обделен природным

умом. Стало быть, они расходятся в способах осуществления одной цели.

В течение всего романа ощущается равновеликость, равнозначность образов Мзалея и Мсоуста. Поэтому нам кажется несколько нелогичной смерть Мзалея. Дело в том, что историческая судьба Абхазии той эпохи говорит об обратном, поскольку ее будущее определили люди образованные. В романе же смерть героя, чей интеллектуальный уровень выше брата-сподвижника, создает ощущение некоторого несоответствия основной идеи произведения с исторической действительностью.

# ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АБХАЗСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ<sup>1</sup>

Академик Д. С. Лихачев в своей работе «Принцип историзма в изучении литературы» отмечал, что «всякое произведение искусства постоянно самообновляется, и это самообновление осуществляется с помощью исторического подхода читателей, которым во многом должны помогать историки искусства. В первую очередь такой исторической самообновляемости подвергается наиболее «значащее» из искусств – литература.

В процессе «самовозобновления» произведения искусства (и литературы, в первую очередь) оно не только восстанавливает свои ценности, но в известной мере и «изменяет» их, так как новое историческое окружение способствует его новому пониманию...

Каждая из эпох раскрывает в произведении те ценности, которые были ему потенциально и вместе с тем объективно свойственны. Каждое истинное произведение искусства потенциально многогранно, способно играть различными гранями в различном освещении эпох»<sup>2</sup>.

Мы сослались на авторитетное мнение известного филолога-литературоведа для того, чтобы проиллюстрировать, как исторические события нынешнего века изменили установки, казавшиеся незыблемыми, базировавшиеся на известных образцах и идеалах. В частности, переосмысливая устоявшиеся стереотипные взгляды и подходы на развитие абхазской художественной литературы, можно сделать некоторые выводы. Самый главный

<sup>1</sup> Статья опубликована в сборнике «Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе. (Материалы Международной научно-теоретической конференции). 28–31 октября 1997 г. Черкесск – Архыз. – Черкесск: КЧГИ, 1999.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Принцип историзма в изучении литературы // О филологии. – М.: Высшая школа, 1989. С. 14.

из них – это то, что «неверно вырывать памятник литературы из истории, и истории литературы, в частности, предполагая, что историческая интерпретация памятника заключается только в том, что он внешне «окутывается» некоей исторической, биографической и прочей «атмосферой». Памятник сам по себе, в своем существе является фактом истории, истории культуры, истории литературы и биографии автора»<sup>1</sup>.

Таким образом, все произведения абхазской литературы, без исключения, должны быть по достоинству оценены и объяснены, при этом, не вырывая их из литературного контекста, ибо в каждом из них, в той или иной мере, отражается эпоха и ее видение.

Однако необходимо признать и тот факт, что, к сожалению, до недавнего времени доминирующим был подход, рассматривавший произведения абхазской литературы преимущественно в социологической плоскости. Как сказал по подобному случаю, другой известный литературовед П. Н. Сакулин, «литературу ценят главным образом за ее содержание и начинают трактовать ее, как служанку истории и социологии (*ancillam historiae et sociologie*)»<sup>2</sup>.

Мы хорошо знаем, что означает анализировать произведения искусства в советский период, как правило, сопровождаемый ангажированным посылом – негативно-нигилистическим отношением к прошлой, досоветской истории и узкоклассовой идеологической установкой в объяснении исторических процессов. Справедливости ради отметим, что и сами произведения абхазской литературы (особенно в 20–40-е гг.), за редким исключением, давали повод для их рассмотрения в таком аспекте.

До недавнего времени, при написании истории нашей литературы, недостаточное внимание уделялось пред-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 11.

<sup>2</sup> Сакулин П. Н. Филология и культурология. – М.: Высшая школа, 1990. С. 31–32.

литературному ее этапу, сопровождавшийся подъемом просветительских настроений в среде абхазской интеллигенции конца XIX в. Работа переводческой комиссии, созданной в 1992 г. в Сухуме, сыграла стимулирующую роль. Его деятельность должна оцениваться не только результатами реализации поставленных перед ним задач – перевода на абхазский язык церковно-христианских книг, но и тем, какую роль оно сыграло в зарождении собственно абхазской художественной литературы. Уже сам факт, что в ней самое активное участие принимал основоположник абхазской литературы Дмитрий Гулиа говорит сам за себя. Во-первых, он параллельно с переводом религиозных текстов занимался сбором и изданием фольклорного материала. Так, в 1907 г. он издает книгу «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки». Во-вторых, приобретенные им навыки текстового конституирования и овладения техникой письма не могли не послужить дополнительным стимулом к индивидуальной творческой деятельности. Ведь не случайно, что первые произведения Д. Гулиа датированы 1906 г., т. е. они приходятся на период активной работы переводческой комиссии.

В абхазском литературоведении недостаточно очерчен путь, который прошла национальная литература с 1937 по 1953 гг. Трудно назвать развитием этот исторический отрезок времени для абхазской словесности, так как в этот период помимо постоянного идеологического и политического давления на литературно-творческий процесс, подвергались репрессиям и преследованиям, в той или иной форме, практически все абхазские писатели. Более того, следует констатировать, что в этот отрезок времени весь абхазский народ оказался под угрозой ассимиляции. Прикрываясь коммунистическими лозунгами, тбилисские политики, при поддержке Сталина и Берия, в 1937 г. заменили абхазский алфавит на грузинскую графическую

основу, в 1945 г. под издевательским предлогом «улучшения качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР»<sup>1</sup> обучение в национальной школе было переведено на грузинский язык. В это же время активно продолжалось переселение в Абхазию грузинского населения и массовое переименование исконно абхазских топонимов на грузинский. Из всей массы интересных документов, – донесений агентов НКГБ на абхазских писателей, выявленных и опубликованных в последние годы, приведу лишь а два примера, касающиеся только одного писателя. В первом читаем: «Лакербай Михаил Александрович в беседе с нашим источником «Петровичем» заявил: ... Меня, как писателя, интересует вопрос об усилении изучения абхазского языка и литературы. Проводимые же мероприятия – введение грузинского языка, приезд кадров грузин и другие, приводят к тому, что в дальнейшем абхазского языка и литературы не будет. Не будет и абхазцев...»<sup>2</sup>.

Второй документ гласит: «По донесениям агента «Родина», Лакербай Михаил Александрович, поэт-драматург, по поводу мероприятий партии и правительства по Абхазии заявил: «... Теперь вовсю идет грузинизация. Нынче люди другие, атмосфера другая. В этой атмосфере можно задохнуться. Абхазские кадры гонят...»<sup>3</sup>.

Действительно, атмосфера этого периода была страшной. Но и в этой удушливой атмосфере абхазские писатели старались по мере возможности не оставить в стороне своего ремесла, зачастую «наступая на горло собственной песне».

С другой стороны, новое прочтение и новое толкование художественного языка литературной продукции конца

<sup>1</sup> Абхазия: Документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. – Сухуми : Алашара, 1991. С. 484.

<sup>2</sup> Тайна «Зеленой папки». Документы НКГБ. Ч. 1. (Составитель С. З. Лакоба). – Сухум : Алашара, 1996. С.

<sup>3</sup> Там же. С. 4.

1920-х – начала 1950-х гг. показало, что в ней преобладало такое отображение действительности, при которой отождествлялись официальная идеология и морально-нравственные достоинства изображаемых персонажей. И в итоге все сводилось к борьбе между приверженцами якобы негативных – «старых» и «прогрессивно-новых» общественных течений.

Лейтмотивом значительного числа произведений были просветительские задачи с ярко выраженной нравоучительностью, заменившую особенность предыдущего периода – непосредственный призыв к просвещению и образованию. Абхазское литературное просвещение в общих чертах можно свести к двум основным моментам: первый – к отказу и зачастую к ратованию за уничтожение старого уклада жизни; и второй – к пропаганде новых представлений, в большинстве своем навеянных революцией. Отличительной особенностью абхазского просвещения является и то, что просветительские мотивы, по мере укрепления новой коммунистической доктрины, постепенно трансформировались в безапелляционный дидактизм и таким образом заявляли о себе на языке данной эпохи и проявлялись в единственно возможной в сложившейся исторической ситуации форме.

Однако определенные просторы творческой свободы абхазским писателям создавала фольклорно-поэтическая традиция народа. Фольклор заметен на всех структурных уровнях произведений: сюжетно-композиционном, эстетико-изобразительном, идейно-тематическом. Правда, с течением времени доля фольклорного материала постепенно уменьшается, или же он начинает приобретать иную функциональную нагрузку. Это было связано, прежде всего, с тем, что в тот период абхазское словесно-художественное творчество переживало процесс размежевания и дифференциации двух художественных систем – фольклорной, с ее народной коллективной

стихией, и литературной, с ее индивидуальным началом. Художественная индивидуальность поэтов и писателей проходит этап своего становления и как бы вычленяется из фольклорной эстетики, при этом, говоря словами Б. Эйхенбаума, роль мыслящего, страдающего «я» и его «самонаблюдения»<sup>1</sup>, столь характерные для лирики, начинают проявляться сильнее.

В языковом плане, несмотря на преобладание в произведениях общеречевой, разговорной лексики и использование обычно-языковых метафор, эпитетов, наблюдается и их трансформация, в связи со сложением «индивидуально-языковых систем»<sup>2</sup> абхазских писателей. В результате происходит постепенный отход от фольклорной поэтики. Персонажи произведений, становясь более разнообразными, начинают приобретать индивидуальные черты. При этом есть попытки (и не безуспешные) раскрытия внутреннего мира литературных героев, стремление отобразить психологическое противоборство между их чувствами и мотивами поступков и действиями. Одновременно, начиная с 30-х гг., наблюдается тенденция изображения не только прошлого, но и современности, а с течением времени в литературе и вовсе начнет доминировать современная действительность. В произведениях рассматриваемого периода укореняется публицистическое начало. Адекватность художественного аналога действительности отображаемых картин жизни в этой ситуации зависела от того, запрещает или разрешает авторам господствовавшая политическая система поднимать в своих произведениях действительно проблемные темы. Но, как известно, в период культа личности и господства командно-администра-

<sup>1</sup> Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // О прозе. О поэзии. – Л. : Художественная литература, 1986. С. 102.

<sup>2</sup> Виноградов В. В. О языке художественной прозы : избранные труды. – М., 1980. С. 82.

тивных методов представителям творческих профессий больше запрещалось, чем разрешалось. Следовательно, и абхазские писатели вынуждены были следовать пропагандистским лозунгам, вольно или невольно отдавать свой талант идеологической конъюнктуре.

Старая литературоведческая концепция абхазоведения в своих оценках в основном исходила из общественно-политических посылок. При подобном подходе зачастую вне поля зрения оказывались собственно художественные аспекты произведений. Поэтому сегодня столь актуальным является вопрос нового прочтения произведений абхазской литературы и, возможно, – пересмотр существующих характеристик историко-культурного состояния абхазского народа.

Утвердившееся в абхазском литературоведении мнение о том, что весомая роль в становлении абхазской литературы принадлежит русской литературе, является фактом неоспоримым и не нуждается в дополнительной аргументации. Однако то обстоятельство, что большой популярностью у абхазских писателей пользовались творения их современников, в вышеназванных условиях не могло не обусловить идеологическую конъюнктурность произведений абхазской литературы. При синхронном типе воздействия русской литературы на абхазскую, то есть влиянии произведений, написанных в одну эпоху, обнаруживается не только общность идеально-содержательного ядра, но и заимствованные эквивалентные образы персонажей и т. д. В особенности эти параллелизмы заметны в произведениях, посвященных колхозной тематике.

Несколько иную картину развития абхазской литературы мы наблюдаем со второй половины 50-х гг. В произведениях этого периода прослеживается большая раскрепощенность и свобода от идеологического диктата.

И как следствие, в произведениях, где главенствовала проблематика взаимоотношений между личностью и обществом, проявляется многовариантность моделей жизненных ситуаций, в которых оказываются персонажи произведений. Стремление понять и отобразить духовную ценность в ее исторической динамике, с одной стороны, а с другой – констатация ее вечных, незыблемо положительных свойств и достоинств, все это – проблемы, которые пытается решать абхазская литература. В фокусе ее внимания оказываются два основных направления. Это – интерес к истории народа, исследование и анализ внутреннего мира человека. Попытки художественно воспроизвести изменения, происходившие в духовной, психологической сферах, обобщить и смоделировать сложно протекавшую перестройку его сознания, в целом можно признать удачными, хотя никогда не могут быть всеохватывающими. Абхазская литература в целом осознала, что оказавшийся в круговороте исторических событий народ, в силу объективных исторических причин, вынужден был изменить многое в своих устоявшихся традиционных нормах поведения. И это неизбежно отражалось на его морали и мировоззрении в целом. С другой стороны, литература начинала понимать пагубность безоговорочного наследования всех постулатов цивилизации коммунистического образца. Наиболее талантливые мастера слова начинают видеть разительное несоответствие между целями и практической их реализацией. И поэтому литература пыталась (зачастую иносказательно и зашифровано) показать читателю тенденциозность и уязвимость той социальной системы, в которой жило современное общество, утопичность главной ее идеи – построение абсолютно равноправного че-

ловеческого устройства, ущербность одной из ее целей – стирание национальных граней. Таким образом, наряду с качественным ростом собственно эстетико-художественного начала, литература в определенной степени способствовала тому, что абхазский народ сумел в целом сохранить свое этническое лицо, свое мировоззрение, в той или иной мере свою традиционную культуру.

В лучших творениях абхазской литературы убедительно воспроизведены картины действительности и палитра ее психологических механизмов. В них писателям зачастую удается выйти за рамки социально-исторической конкретности и придать своим произведениям обобщенно-философский, в некотором роде универсальный, общечеловеческий смысл, хотя основным материалом их содержательного ядра является культурно-национальная среда абхазского народа.

Обозначенный этап абхазской литературы в идеино-художественном плане в целом стремится решать философские вопросы бытия и смысла жизни путем художественного исследования взаимоотношений общества и личности, истории и современности. При этом писатели пытаются по-новому осмыслить вечные темы: гуманизм, нравственность, свобода, патриотизм и т. д.

Произошли ощутимые изменения и в плане развития литературного языка. Художественно-изобразительные средства – эпитеты, метафоры, олицетворения и т. д. – уже не носят ярко выраженного фольклорно-сказового характера, а являются результатом авторского ассоциативного мышления, подсказанные собственным сознанием. Даже в тех произведениях, где используются стереотипные поэтические средства устной традиции, они уже выступают чаще в преобразованном виде, и несут ту или иную функ-

циональную нагрузку, с помощью которой автор стремится выразить определенную мысль.

На рубеже 80–90-х гг. абхазская литература начала претерпевать серьезные изменения, прежде всего, в тематическом плане. В ней резко увеличилось количество произведений, насыщенных патриотической направленностью. Собственно говоря, эта тема для абхазской литературы всегда была ведущей. Но раньше она раскрывалась с помощью сложного, иносказательно-зашифрованного текста. Безусловно, такое явление стало возможным в связи с происходившими в бывшем Союзе общественно-политическими событиями, вызванными так называемой перестройкой.

Нет надобности подробно останавливаться на событиях того периода. Но считаю необходимым напомнить, что в средствах массовой информации Грузии со стороны ее интеллектуальной элиты была предпринята кампания, преследовавшая целью – унизить абхазский народ. В ответ на это абхазские писатели (как и вся творческая интеллигенция) подвергли критике необъективность грузинской пропаганды.

Именно здесь проходит водораздел между абхазской литературой советского и ее современного периодов. Что касается ее нынешнего состояния, то можно сказать, что в силу недостаточного количества литературной продукции, несмотря на довольно солидное количество новых имен, оно пока еще не сформировалось настолько, чтобы давать определенные характеристики. В этом плане стоит вспомнить следующую мысль А. Н. Веселовского: «Современность слишком спутана, слишком нас волнует, чтобы мы могли разобраться в ней цельно и спокойно, отыскивая ее законы; к старине мы хладнокровнее и

невольно ищем в ней уроков, которым не следуем, обобщений, к которым манит ее видимая законченность, хотя сами мы живем в ней наполовину»<sup>1</sup>.

Исходя из этого, можно набросить схему периодизации абхазской литературы в следующем виде:

I период – 1865–1912 гг.

II период – 1912 – середина 1950-х гг. XX в.

III период – вторая половина 1950-х гг. – 1992 г.

IV период – 1992 г. – по настоящее время.

---

<sup>1</sup> Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М. : Высшая школа, 1989. С. 43.

## ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА<sup>1</sup>

Словесное искусство абхазского народа многопланово. Исторически оно носило полифункциональный характер. Наравне с творениями, относящимся к произведениям искусства, широкое распространение имела стилизованная речь, носившая утилитарно-практическое значение. В частности, в традиционной культуре абхазов весомое место занимало ораторское искусство. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о своеобразном преклонении народа перед словом. Говоря иначе, у абхазов были ценны не только смысл и значение сказанного, но и то, насколько красочно и искусно оно преподнесено слушателям.

Такое трепетное отношение к слову не могло не отразиться и на словесно-художественном творчестве народа. Абхазский фольклор, послуживший прообразом художественной абхазской литературы, – весьма и весьма значителен по своему объему и содержанию. Героический эпос о нартах, мифическое сказание об ацанах (карликах), эпос об Абрскиле, сказки, обрядовая и календарная поэзия, легенды, новеллы и т.п. свидетельствуют, во-первых, о том, что народ – создатель и носитель подобного культурного пласта художественной продукции, был вовлечен в значимые события мировой истории; во-вторых, о том, что в круговороте этих же событий он сумел через произведения устно-поэтического творчества сохранить свое этническое лицо и представить человечеству свою, национальную самобытную художественно-мировоззренческую картину мира.

Особое место в культурном наследии абхазского народа занимает и художественная литература. Собственно письменная абхазская литература зародилась не столь

---

<sup>1</sup> Статья была опубликована на английском языке в переводе Дж. Хьюитта в книге «Абхазы». – Кирзон : Кавказский мир, 1999.

давно. Истоки ее истории непосредственным образом связаны с политическими и культурно-просветительскими процессами, происходившими на Кавказе и, в частности, в Абхазии, после окончания Кавказской войны (1864). К этому времени, укрепившая свои позиции на Кавказе, Россия начала постепенно менять проводимые ею до сих пор захватнические методы на внедрение образования в среду покоренных народов. В этой связи Россия предприняла и осуществила важные шаги в направлении создания письменности для горских народов. Так, в 1861 г., царским генералом, ученым-лингвистом П. Усларом был создан, а впоследствии издан абхазский алфавит, который был приложен к его монографии «Абхазский язык». В 1865 г. был издан первый «Абхазский букварь», составленный под руководством другого русского генерала и нумизмата И. Бартоломея. Хотя должного применения ни алфавит, ни букварь тогда не получили, но были сделаны первые шаги в деле внедрения грамоты среди абхазов. Создание алфавита и букваря, а также исследование горских языков не преследовали иной цели кроме создания условий, которые способствовали бы ближе узнать покоренные народы и облегчить управление ими. Об этом красноречиво говорят следующие слова П. Услара: «Самостоятельной литературы они, по самому положению своему, иметь не могут и никогда иметь не будут»<sup>1</sup>.

В 1892 г. К. Мачавариани совместно с Д. Гулиа составляют и издают «Абхазскую азбуку». А в 1909 г. А. М. Чочуа издает новый, более удачный в методическом отношении «Абхазский букварь».

Создание серии абхазских алфавитов и букварей сопровождается подъемом просветительских настроений в среде абхазской интеллигенции. Это обстоятельство

<sup>1</sup> Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Этнография Кавказа. Языкоизнание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887; Репринтное издание. – Сухум, 2002. С. 27.

во многом определило характер предлитературного этапа. Однако, частая смена абхазского алфавита, имевшая место и в более поздние периоды, накладывала неблагоприятный отпечаток как на общее состояние образования, так и на развитие литературы. Напомним, что с 1926 по 1954 гг. абхазское письмо менялось четыре раза. Так, в 1926 г., вместо прежнего абхазского алфавита, составленного на русской графической основе, был введен новый, разработанный академиком Н. Я. Марром, основанный на латинской графике, именуемый «аналитическим» или «яфетидологическим»<sup>1</sup>. Однако, через два года он был заменен алфавитом, разработанным профессором Н. Ф. Яковлевым. Обучение по нему в школах началось с 1929 г. Но в 1937 г., преследуя единственную цель – ассимиляцию абхазского народа, алфавит вновь подвергается изменению – новый составляется на грузинской графической основе. И лишь в 1954 г. осуществлен переход на современный абхазский алфавит, в основе которого лежит кириллица. Между тем, несмотря на чрезмерное и необоснованное количество изменений графики абхазского письма, на этом языке все же создавались художественные произведения, сумевшие вопреки различным препятствиям, сыграть важную роль в деле развития литературы.

Если рассматривать истоки зарождения абхазской художественной литературы, то, безусловно, нужно отметить весомую роль, которую сыграла созданная в 1892 г. в г. Сухуме переводческая комиссия. В нее в различное время входили Г.А. Шервашидзе, К. Мачавариани, Д. Аджамов, Л. Авалиани, Д. Гулиа, Н. Гублия, Д. Маршания, Н. Ладария, Н. Патейпа, Ф. Эшба и др.

За сравнительно небольшой отрезок времени члены этой комиссия осуществляют перевод на абхазский

<sup>1</sup> Бгажба Х. С. Труды. Книга первая. – Сухуми, 1987. С. 27.

язык большого количества книг, в первую очередь церковно-христианского направления. Это – «Молитвы. 10 заповедей и присяжный лист» (1892), «Требник» (1907), «Божественная литургия Иоанна Златоуста» (1907), «Служебник (сборник богослужебных книг)», «Важнейшие праздники православной церкви» (1910), «Нотный обиход абхазских литургийных песнопений» (1912), «Святое Евангелие» (1912) и ряд других.

Работа переводческой комиссии сыграла, безусловно, позитивную роль в возникновении абхазской художественной литературы уже потому, что в ней самое активное участие принимал и основатель абхазской литературы Дмитрий Гулиа. Он, параллельно с переводом религиозных текстов, занимается сбором и изданием фольклорного материала.

Параллельно с переводами христианских книг проводились мероприятия по созданию учебников для абхазских школ. Именно в этих учебниках, вместе с переводными, впервые публикуются и оригинальные литературные произведения. Так, в изданной в 1908 г. «Книге для чтения на абхазском языке для абхазских училищ» напечатаны первые стихи, рассказы и статьи, предназначенные учащимся школ. Авторами этих произведений являлись А. Чукбар, Н. Патейпа, Д. Гулиа, Д. Ладария, Д. Маргания. Таким образом, можно утверждать, что абхазская литература началась с детской литературы.

Уже несколько позже, в 1912-м, Д. Гулиа издает свой первый сборник произведений «Стихотворения и чистушки». С момента издания первой книги и по настоящее время абхазскую литературу создавали свыше двухсот поэтов, писателей и драматургов. Конечно же, как и в любой другой национальной литературе, вклад каждого, значимость созданных им произведений, разновелик. Но бесспорно то, что каждый из них, в меру своего таланта

и способностей, участвовал в формировании и становлении абхазской литературы.

Несмотря на имеющиеся в литературоведении различные подходы по вопросу периодизации абхазской литературы, на наш взгляд, более приемлемым является рассмотрение ее истории в рамках двух больших периодов. Первый период охватывает время с 1865 по 1955 г., а второй – со второй половины 1950-х гг. по настоящее время.

Первый этап характеризуется зарождением литературных жанров, наличием просветительского мотива в произведениях писателей, использованием фольклора и значительным влиянием русской литературы. Так, в течение данного этапа в абхазской литературе появились все основные поэтические, прозаические и драматические жанры: стихотворение, рассказ, драма, поэма, повесть, роман и др.

Лейтмотивами значительного числа произведений были просветительские задачи – непосредственный призыв к просвещению и образованию. Абхазское литературное просвещение в общих чертах можно свести к двум основным моментам: первый – к отказу и зачастую к уничтожению старого уклада жизни, и второй – к пропаганде новых представлений, в большинстве своем навеянных революцией. Отличительной особенностью абхазского просвещения второго этапа является то, что просветительские мотивы, по мере укрепления новой коммунистической доктрины, постепенно трансформировались в безапелляционный дидактизм. Оно, таким образом, заявляло о себе на языке данной эпохи и проявляло себя в единственно возможным в сложившейся исторической ситуации формах.

Однако, то обстоятельство, что абхазская литература данного периода, в силу своей малоопытности, еще не могла обойтись без существенного влияния на нее фоль-

клорно-поэтической традиции, создавало определенные просторы для творческой свободы поэтов и писателей. Фольклор заметен во всех структурных уровнях произведений: сюжетно-композиционном, эстетико-изобразительном, идеально-тематическом. Но с течением времени доля применения фольклора постепенно уменьшается, или же он начинает нести другую функциональную нагрузку. Безусловно, это связано с тем, что в это время абхазское словесно-художественное творчество переживает процесс размежевания и дифференциации двух художественных систем – фольклора, с его народной, коллективной стихией, и литературы, с ее индивидуальным началом. Художественная индивидуальность поэтов проходит период своего становления и как бы вычленяется из фольклорной эстетики, независимо от того используют они фольклор или нет. В языковом плане, несмотря на преобладание в произведениях общеречевого, разговорного языка и использование обычно языковых метафор, эпитетов, наблюдается их трансформация, в связи со сложением индивидуально-языковых систем писателей.

В результате происходит постепенный отход от фольклорной поэтики. Персонажи произведений, становясь более разнообразными, приобретают индивидуальные черты. При этом есть попытки (и небезуспешные) раскрытия внутреннего мира литературных героев, стремление отобразить психологическое противоборство между их чувствами, мотивами поступков и их действиями (роман «Темыр» И. Папаскир). Одновременно, начиная с 1930-х гг., в некоторой степени наблюдается уменьшение доли изображения прошлого, и соответственно, в произведениях этого периода начинает доминировать современная действительность. Усиливается степень публицистического начала. Однако, адекватность художественного аналога действительности отображаемой картине жизни в этой

ситуации, как известно, зависела от того, запрещает или же разрешает авторам господствовавшая политическая система поднимать в своих произведениях проблемные темы. Но в период культа личности Сталина, писатели вынуждены были, «наступив на горло собственной песне», отдавать свой талант идеологической конъюнктуре.

Весомая роль в становлении абхазской литературы, несомненно, принадлежит русской литературе. Это выражалось прежде всего в языковой доступности, то есть абхазским писателям напрямую, без перевода были доступны оригиналы произведений русских писателей. Большой популярностью у абхазских писателей пользовались творения их современников, и это в вышеприведенных условиях также не могло не обусловить, в некоторой степени, идеологическую конъюнктурность произведений абхазской литературы. При синхронном типе воздействия русской литературы на абхазскую, то есть, влияние произведений, написанных в одну эпоху, обнаруживается общность идеино-содержательного ядра, эквивалентные образы персонажей. В особенности эти параллели заметны в произведениях, посвященных колхозной тематике.

Имел место и диахронный тип влияния русской литературы на абхазскую. Это, прежде всего – переводы классических произведений русской литературы на абхазский язык. Переводились творения А. С. Пушкина («Капитанская дочка»), Н. В. Гоголя («Женитьба», «Ревизор»), Л. Н. Толстого («Хаджи-Мурат») и мн. др.

Все вышеперечисленные факторы в совокупности способствовали усвоению молодой абхазской литературой таких важных литературно-художественных компонентов, как техника художественного мастерства, стабилизация целостной сюжетно-композиционной структуры произведений, усиление роли вторичных смысловых образований и т. д., без которых было бы не-

мыслимо оформление целостной национально-литературной системы.

Среди наиболее ярких представителей абхазских мастеров художественного слова следует назвать имена Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа, И. Папаскир, М. Хашба, В. Агрба. Эти писатели внесли значительный вклад в становление абхазской литературы. Многоплановым в жанровом и тематическом отношении было творчество Д. Гулиа. Наряду с произведениями лирического и лиро-эпического характера он создает и прозаические вещи: рассказ «Под чужим небом» (1919), роман «Камачич» (1933–1940), драма «Призраки» (1949).

В романе «Камачич» Гулиа стремится показать жизнь абхазского общества рубежа XIX–XX вв. Поэтика данного произведения во многом синкретична и состоит из использования разножанровых элементов. Так, по своим структурно-композиционным компонентам, этот роман вобрал в себя элементы поэтики нартского эпоса, устного рассказа и обрядно-зрелищных форм традиционно-бытовой культуры, в частности, различные смеховые действия народа.

Значительное место занимает творчество основателя абхазской драматургии С. Чанба. Его перу принадлежат такие произведения, как историческая драма «Амхаджир» (1919), романтическая поэма «Дева гор» (1919–1925), пьеса «Апсны-Ханым» (1923), повесть «Сейдык» и т. д. Его творениям присущи символическая обобщенность образов («Дева гор», «Апсны-Ханым», «Поезд № 6» и др.), умение создавать портретные характеристики своих персонажей.

Лирическое направление того периода абхазской литературы ярче других представлял поэт И. Когония. Его поэзию отличали одухотворенность, искренность и возвышенно-легкая языковая аранжировка. Сюжеты же своих

восьми лиро-эпических произведений – поэм И. Когония брал из фольклорно-эпического наследия абхазов. В них воспеты такие человеческие качества, как смелость, преданность, самообладание и т.д.

Первым абхазским романистом И. Папаскир созданы три романа и целый ряд рассказов. Первый абхазский роман «Темыр» был опубликован в 1937 г. Литературному наследию И. Папаскир присуще освещение современных, актуальных проблем – отображение процесса становления нового человека в новых исторических условиях. Несмотря на то, что у него степень обобщения и сила проникновения исследуемого жизненного материала оказались несколько ограниченными, налицо все компоненты и свойства зрелости художественного мастерства – интригующий авторский вымысел, литературная условность и, как следствие, создание колоритных образов.

Однако, набиравшая силу и уверенность абхазская литература, в последующие годы вынуждена была затормозить свое развитие. Серьезным препятствием ее росту стала сложившаяся во второй половине 1930-х гг. политическая обстановка. После того, как на политической арене не стало главы Абхазской Республики Нестора Лакоба, а затем репрессированы практически все другие члены руководства, настал черед творческой и научной интеллигенции. Под ложными, надуманными обвинениями были умерщвлены писатели – С. Чанба, Л. Лабахуа, В. Агрба, А. Касландзия, Ш. Хокерба. В различные годы репрессиям подверглись и отбывали длительные сроки заключения – Ш. Цвижба, М. Лакербай, Н. Барателия.

Вслед за этим, гонениям подвергся и абхазский язык, алфавит которого в 1937 г. был переведен на грузинскую основу. В 1945 г. обучение в абхазских школах также переводится на грузинский язык, что практически означает их закрытие. Одним словом, делалось все для того,

чтобы в кратчайшие сроки подвергнуть абхазский народ ассимиляции, лишить его исторической памяти. Приобретала все больший размах грузинизация абхазской топонимики.

Другим препятствием развития абхазской литературы стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Она унесла жизни уже успевших зарекомендовать себя зреых мастеров художественного слова: поэта Л. Кущниа, прозаика С. Кучбериа, поэта и переводчика М. Гочуа, а также многих молодых начинающих поэтов: В. Чичериа, Р. Джапуа, В. Капба, П. Ануа и др. Вынуждены были прервать свое литературное творчество участники войны Ч. Джонуа, А. Джонуа, М. Лакербай и др.

Между тем, даже в такой критический, для истории абхазского народа период, музу не покидала ее патриарха Д. Гулиа, раскрывался талант молодого Б. Шинкуба, продолжал создавать свои произведения И. Папаскир.

Перелом в лучшую, обнадеживающую сторону произошел после осуждения (хотя и частичного) культа личности. В этот период стало возможным в некоторой степени преодоление вынужденного застоя. Возобновилось преподавание в школах на абхазском языке. И результаты позитивных общественно-политических перемен не заставили себя ждать. Именно в этот период, во второй половине 1950-х гг., в абхазскую литературу вливается новая генерация молодых, талантливых художников слова, которым, с одной стороны, суждено было закрепить достигнутое предшествующим периодом национальной литературы, а с другой стороны, придать дальнейшему ее ходу новое качество, завершить процесс ее формирования.

Произошедшие со второй половины 50-х гг. кардинальные изменения в абхазской литературе, прежде всего обнаруживаются в большей раскрепощенности и свободе

от идеологического диктата (хотя и не полного). И как следствие, в произведениях, где главенствовала проблематика взаимоотношений между личностью и обществом, проявляется многовариантность моделей жизненных ситуаций, в которых оказываются персонажи произведений. Стремление понять и отобразить духовную ценность в ее исторической динамике, с одной стороны, а с другой – констатация ее вечных, незыблемо положительных свойств и достоинств, это все – проблемы, которые пытается решать абхазская литература. В фокусе ее внимания оказываются два основных направления: интерес к истории народа и художественное исследование, анализ внутреннего мира человека.

Значительно эволюционировала абхазская поэзия, как в области развития ритмических и метрических форм, так и в жанровом разнообразии, начиная от лирических стихотворений и кончая романами в стихах. Разнообразным становится и тематический состав произведений абхазских поэтов. В абхазской поэзии данного этапа мы встречаем произведения, проникнутые общественно-публицистическим звучанием, философскую и музикально-мелодичную лирику.

В этот период абхазскую поэзию наиболее талантливо представляют Б. Шинкуба, И. Тарба, А. Аджинджал, М. Ласуриа, Н. Тарба, В. Амаршан, П. Бебиа, Т. Аджба, Н. Квициниа, В. Анкваб, Р. Смыр, Р. Ласуриа, Г. Аламиа, В. Зантария и ряд других. Творческая эволюция поэтов имела в некотором роде общую тенденцию, а именно: если на начальном этапе творчества каждому из них было свойственно обращение к лирике, то по мере возрастания творческого мастерства и приобретения опыта проявлялась тяга к крупным эпическим произведениям. Так, в абхазской литературе наряду с другими лиро-эпическими произведениями созданы четыре романа в стихах.

Аналогично развивалась и абхазская художественная проза. С середины 1950-х гг. на первый план выходят произведения малой эпической формы, то есть, рассказы. Их авторы – А. Гогуа, А. Джениа, Д. Ахуба, Н. Хашиг и ряд других пытались воспроизвести изменения, происходившие в духовной, психологической сферах абхазского общества, художественно обобщить и смоделировать сложно протекавшую перестройку его сознания. Нужно признать, что литература в целом осознала, что оказавшийся в круговороте исторических событий абхазский народ в силу объективно-исторических причин вынужден был изменить многое из своих традиционных, устоявшихся норм поведения. Но с другой стороны, она также понимала и отразила пагубность безоговорочного наследования принципов надвигавшейся цивилизации коммунистического образца. И поэтому литература пыталась (зачастую иносказательно и зашифровано) показать читателю тенденциозность и небезупречность той социальной системы, в которой жило современное ему общество и, по большому счету, утопичность главной его идеи. Таким образом, абхазская литература в определенной степени способствовала тому, что абхазский народ в целом сохранил свое этническое лицо, свое мировоззрение, в той или иной мере традиционную культуру.

С течением времени начинает проявляться несколько литературно-художественных течений. Прежде всего, это ориентированные на современную действительность произведения публицистического жанра. Другое течение определяли произведения, обращенные к историческому прошлому абхазского народа. Причем, в отличие от творений исторической тематики предшествовавшего этапа литературы, создавшегося в основном под влиянием устно-поэтического материала, эти произведения были детерминированы развитием абхазской исторической на-

уки. И наконец, третье течение в абхазской литературе 50–90-х гг. отличает стремление актуализировать социально-психологический пласт человеческого бытия.

С увеличением количества и значимости поднимаемых проблем, абхазская литература начинает тяготеть к более крупным эпическим жанрам и, в особенности, становит-ся заметным обращение писателей к жанровым возмож-ностям романа. По существу, абхазскую литературу по-следней четверти века можно без преувеличения назвать романной.

Среди произведений этого жанра значительное место занимают романы «Последний из ушедших» и «Рассе-ченный камень» (Б. Шинкуба), «Нимб» и «Большой снег» (А. Гогуа). «Солнце встает у нас» (И. Тарба), «Шрам» (Ш. Аджинджал), «Восьмой цвет радуги», «Анмирах – бо-жество двоих» (А. Джениа), «Испытание» (Н. Хашиг), «При-чал» (Д. Ахуба), «Царь Абхазии» (В. Амаршан) и мн. др.

Сам факт обращения писателей к такому сложному жанру, каким является роман, свидетельствует в опреде-ленной мере о том, что в литературе накоплен достаточ-ный профессиональный опыт, позволяющий говорить о сформировавшемся романном мышлении, следовательно, о достаточной зрелости литературы.

В лучших творениях абхазской литературы достига-ется художественно убедительное воспроизведение дей-ствительности и ее психологических механизмов. В них писателям зачастую удается выйти за рамки социально-исторической конкретности и придать своим произведе-ниям обобщенно-философский, в некотором роде уни-версальный, общечеловеческий смысл, хотя основным материалом их содержательного ядра является культур-но-национальная среда своего народа.

При всем жанровом разнообразии и их модификации можно отметить, что основными композиционно-пове-

ствовательными приемами эпических произведений абхазской литературы второго этапа является традиционно-эпическое повествование, при котором автор «видит» все действия персонажей, их мысли и переживания. Сюжетно-фабульные действия в этих произведениях построены, как правило, в хронологическом порядке. Второе – это повествование от первого лица, при котором наблюдается отказ от панорамного показа событий, восполнляемое внутренними монологами героев, их воспоминаниями, широким использованием ретроспекции и приема монтажа. В подобных произведениях доля «авторского повествования» может быть весьма невелика. В целом, второй этап абхазской литературы в идейно-тематическом плане стремится решать философские вопросы бытия и смысла жизни путем художественного исследования взаимоотношений общества и личности, истории и современности. При этом писатели обращаются к вечным темам, таким как: гуманизм, нравственность, свобода, патриотизм, любовь и по-новому пытаются осмыслить их. Произошли ощутимые изменения и в плане развития литературного языка. Художественно-изобразительные средства – эпитеты, метафоры, олицетворения и др. уже не носят только фольклорно-сказовый характер, а являются результатом авторского ассоциативного мышления.

На рубеже 80–90-х гг. абхазская литература начала претерпевать серьезные изменения в плане тематической направленности. В ней резко увеличилось число произведений, насыщенных патриотической направленностью. Собственно говоря, эта тема для абхазских писателей всегда была ведущей. Но раньше она раскрывалась с помощью сложных, иносказательно зашифрованных подтекстом произведений. В отмеченный же период патриотическая тематика приобрела открыто публицистический характер. Безусловно, такое явление стало возможным в

связи с происходившими в бывшем СССР общественно-политическими событиями. Как известно, провозглашенная в середине 80-х гг. политика демократии и гласности побудила лидеров общественно-политических движений многих республик к самоопределению. Но в силу сложности подобного исторического процесса, в некоторых случаях борьба за свободу своего народа сопровождалась стремлением поработить другой. В частности, Грузия, выйдя из состава Советского Союза, не могла представить себе, что другим народам, искусственно включенным в 30-е гг. в ее состав, тоже может быть предоставлено право выбора. В связи с такой постановкой вопроса на страницах грузинской и в ответ абхазской прессы разгорелась политическая борьба. Естественно, что в этой борьбе, наряду с другими представителями абхазской интеллигенции, свое особое место занимали и абхазские писатели. В публицистических статьях и художественных произведениях подвергалась критике необъективность, раскрывалась лживость грузинской пропаганды. В результате Грузия ввела свои войска на территорию Абхазии и целый год Абхазия вела освободительную войну против оккупантов.

Однако за полученную свободу Абхазия и ее народ заплатили дорогую цену. Для осуществления своей цели-мечты абхазам суждено было ценой немалой крови отстоять свою родину, свободу и честь. В войне, навязанной Грузией, сложили свои головы тысячи сынов и дочерей Апсны. Даже в эти кровопролитные дни войны перо многих абхазских писателей было верно себе, и вера в победу своего народа не угасала. Наравне с маститыми мастерами художественного слова пробился выкованный в боях звучный голос молодых поэтов и писателей. Литературу периода Отечественной войны в Абхазии отличала уверенность в справедливой борьбе против агрессора и в победоносном ее завершении. Именно во время

войны сложилась, в общем-то, новая для абхазской литературы – поэзия поэтов-бардов. За послевоенные годы вышли десятки сборников стихов, выбранных произведений молодых и маститых поэтов и писателей. Все это свидетельствует о жизнестойкости абхазской литературы и перспективах ее дальнейшего развития. Возможно, что как раз рубеж 90-х гг. и явится началом очередного периода абхазской литературы. Но на сегодняшний день об этом говорить еще рано, поскольку ростки нового явления национальной литературы пока еще едва заметны, да и творчество тех, кто может предложить новое направление, пока еще не окрепло, они только начинают свой творческий путь.

## НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ<sup>1</sup>

Современный этап развития литературоведческой мысли характеризуется пересмотром многих устоявшихся оценок и подходов, вызванных новым прочтением художественной продукции национальных литератур. Поиск свежих исследовательских принципов в свою очередь продиктован произошедшими изменениями в социально-исторической, политической, идеологической и т. д. сферах.

К числу литературоведческих проблем, представляющих общетеоретический интерес на нынешнем этапе и требующих специального рассмотрения, относится периодиология в истории литературы вообще, и в частности, периодизация историко-литературного развития советской эпохи. Сегодня стало очевидным, что господствовавшие до недавнего времени, утвердившиеся каноны и схемы не выдержали проверку временем. Чрезмерная структурированность, необоснованное дробление на большое количество периодов и размельчение историй литератур на отдельные куски не способствовали верному их описанию и созданию адекватной картины историко-литературного процесса.

Между тем, не случаен факт возникновения самой проблемы – выработки единых теоретических и методологических принципов в отношении периодизации национальных литератур. Во-первых, споры о периодизации, как правило, возникают в переломные исторические эпохи, а во-вторых, они предшествуют написанию истории национальных литератур уже на новом этапе. Подтверждением тому могут служить дискуссии, разгоревшиеся в

---

<sup>1</sup> Статья была опубликована в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры». Выпуск XIII. –Москва – Магнитогорск, 2003.

течение последнего десятилетия в республиках постсоветского пространства<sup>1</sup>.

При этом сложность теоретического разрешения вопроса и определение единой методологической концепции кроется не в отсутствии определенных наработок в научной литературе. Безусловно, неравномерность развития литературы и то, что оно может быть представлено не в виде лишь восходящей прямой, а зачастую носить характер ломаной линии, усложняет рассмотрение их под ракурсом стадиального развития и выявления неких всеобщих закономерностей.

Выработка общепринятых, единых установок литературной периодизации во многом зависит от наличия четких критериев определения исходных элементов понятия «период». На сегодняшний день такие критерии отсутствуют. Были ученые и вовсе отвергавшие необходимость деления литературы на периоды, считая споры о периодизации «излишними»<sup>2</sup>.

Возражая подобной постановке вопроса, П. Сакулин писал: «Разумеется, в нашей науке есть вопросы, неизменно более важные. Но ни один историк литературы не может обойтись без систематизации материала и, следовательно, без деления его на периоды»<sup>3</sup>.

В самом деле, без деления литературной истории на составляющие ее периоды трудно установить видоизме-

<sup>1</sup> См.: Барабаш Ю. Я. К проблеме «концы – переходы – начала» в связи с одной сквородинской реминисценцией у И. Котляревского // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. III. – М. : Наследие, 1998. С. 12; Мамий Р. Г. К проблеме типологии и периодизации национальных литератур // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Тезисы докладов. – Майкоп, 1988. С. 54. Панеш У. М. Об актуальных проблемах систематизации литературного процесса // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Тезисы докладов. – Майкоп, 1988. С. 60.

<sup>2</sup> Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. – Пг., 1922. С.109.

<sup>3</sup> Сакулин П. Н. Филология и культурология. – М. : Высшая школа, 1990. С. 55.

нения, происходившие в ней в процессе исторического развития. Литературный период позволяет отделить художественную продукцию по качественному признаку. П. Сакулин, ссылаясь на высказывания немецкого ученого Р. Мейера, определяет «период, как отрезок времени, которому можно приписать единство, и который с известной отчетливостью отделяется как от предшествующих, так и от последующих временных пространств. «Единство», законченность периода мыслятся, конечно, не как абсолютные, а как относительные: в истории – «все течет», и бытие находится в процессе непрерывного становления и движения. Но известная законченность – необходимый признак периода»<sup>1</sup>.

На основе анализа работ, посвященных проблеме литературной периодизации, Сакулин выделил следующие: смешанный тип, анналистический способ, гетерогенное деление на периоды и автогенная периодизация.

В названной работе исследователь подробно останавливается на каждом и подвергает анализу, отмечая аргументы «за» и «против» для перечисленных выше подходов в определении литературного периода как понятия. Мы не считаем необходимым в данной работе приводить доводы ученого, и потому ограничимся лишь констатацией того, чему он отдавал предпочтение.

Сам же он из названных методов периодизации литературы отдавал предпочтение последнему – автогенному, т.е. автономному принципу. Вот что он пишет по этому поводу: «Раз история литературная и история социальная являются «двумя сторонами одного и того же процесса», то, очевидно, в нашем случае нужно анализировать и делять по периодам именно ту сторону, которая называется историей литературной, а не историей социальной: у истории литературной своя природа и свои формы про-

---

<sup>1</sup> Там же.

явления. Для этого не нужно всецело базироваться только на «формальных особенностях сменяющихся литературных течений», а брать литературную жизнь в целом, как органический и в известном смысле самостоятельный процесс. На него надо перенести центр тяжести. И тогда широкие до необъятности формулы получат более конкретное содержание, не порывающее притом с его социологическими основами<sup>1</sup>. Далее он уточняет: «Последователям историко-социологического метода ничто не мешает думать, что объектом нашего изучения является сама литература, ее сложная жизнь. В ее явлениях нужно искать автогенного принципа для периодизации. Правда, как явствует из предыдущих глав, литературная жизнь еще не обследована нами с должной полнотой и научностью<sup>2</sup>.

Нам кажется, что сделанная ученым оговорка не случайна, ибо литературная жизнь, о которой пишет он, и проблема ее периодизации слишком сложные синтетические явления, чтобы считать единственно верным методом литературной периодизации автогенный принцип. Хотя мы в целом согласны с мнением исследователя, что при определении различных периодов литературы, необходимо исходить из закономерностей развития самого объекта – литературы, а не внешних факторов. В то же время, пренебрежение другими принципами и абсолютизация лишь автономного подхода неминуемо приводит нас к другой крайности. Ведь литературный процесс, даже одного периода, является динамичным и внутри него могут действовать различные эстетические системы. Именно это обстоятельство имел в виду Ю. Тынянов, когда писал: «И текущими здесь оказываются не только границы литературы, ее «периферия», ее пограничные обла-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 64.

<sup>2</sup> Там же. С. 66.

сти – нет, дело идет о самом «центре»: не то, что в центре литературы движется и эволюционирует одна исконная, преемственная струя, а только по бокам наплывают новые явления, – нет, эти самые новые явления занимают именно самый центр, а центр съезжает на периферию.

В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин вплывает в центр новое явление»<sup>1</sup>.

При определении главного, опорного принципа литературной периодизации следует исходить из конкретного национально-художественного материала. «Точные критерии периодизации, – пишет Г. Гамзатов, – национального, регионального и мирового литературного процесса, критерии, которые бы в полной мере учитывали внутренние закономерности развития словесного искусства, могут быть найдены и определены лишь на основе конкретного литературоведческого анализа художественных ценностей, с привлечением обширного историко-культурного материала, но никак не путем переноса на литературу общесторической периодизации»<sup>2</sup>.

Сказанное не исключает того, что литературное творчество детерминируется воздействием различных исторических, социальных, идеологических, эстетико-философских и, конечно, собственно литературно-художественных факторов. Поэтому без учета всех этих факторов вряд ли возможно объективно установить многообразные формы видоизменений, исторически происходящих, в процессе развития художественного мышления внутри каждой литературы.

При делении литературы на периоды целесообраз-

<sup>1</sup> Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. С. 257–258.

<sup>2</sup> Гамзатов Г. Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. – М. : Наследие, 1996. С. 7.

но исходить из того, какой из вышенназванных факторов оказывает на нее доминирующее воздействие. Так, можно признать верной историческую периодизацию, если «сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы, когда литературные изменения в основном совпадают с историческими»<sup>1</sup>.

В советскую эпоху этот принцип получил наибольшее признание и был доминирующим. Наиболее полно эта точка зрения выражена в работе Б. Реизова «Вопросы периодологии в истории литературы». Он, постулируя данное утверждение, со всей категоричностью писал: «Итак, единственно правильным принципом периодизации литературного процесса нам кажется принцип исторический. Согласно этому принципу, периоды определяются не как господство (абсолютное или относительное) того или иного литературного направления, школы или школки, но как неизбежная реакция литературы на судьбу народа, государства, зоны цивилизации или всей планеты. Направления, существующие в данный период, могут быть очень различны, они могут вступать между собой в борьбу, распадаться на «фракции», нести в себе острые внутренние противоречия, но каждое из них реагирует на большое событие, изменившее судьбу народа, и тем самым создает вместе с другими, только что возникшими или продолжающими свою жизнь, новый период в истории литературы»<sup>2</sup>.

Позволим себе возразить против подобной интерпретации литературного периода, поскольку переход от одной литературной эпохи, от одного литературного периода к другому не всегда совпадает со сменами исторических эпох. Более того, в истории известны факты, когда

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Введение // История русской литературы XI–XVII веков. Издание второе, доработанное. – М. : Просвещение, 1985. С. 7.

<sup>2</sup> Реизов Б. Г. История и теория литературы. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1986. С. 275.

сама литература становится как бы стимулятором изменений исторического хода событий. Так что, даже при не прекращающемся взаимодействии и взаимовлиянии действительности и литературы не приходится говорить о неизменном совпадении литературных и исторических эпох и отрезков. Этот факт отмечался самими классиками марксизма, которые писали, что «относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»<sup>1</sup>.

Литературная жизнь более динамична и гибка, тогда как общественно-политические системы в силу своей консервативности, масштабности и инерционности менее подвижны и менее изменчивы. Поэтому, как отмечалось выше, при членении литературы на периоды в первую очередь необходимо исходить из самого материала-результата литературного процесса. Данный принцип учитывает не отдельные исторические, эстетические, содержательные, формальные, языковые и т. п. стороны литературного процесса, а позволяет охватить их в совокупности и отразить некий итог, как промежуточный результат истории литературной культуры.

В завершение обзора литературы по проблеме периодизации художественной литературы считаем необходимым остановиться и на мнении по данной проблеме известного теоретика литературы Ю. Борева. Он в своей книге «Эстетика» пишет: «Периодизация художественного процесса, его историческое членение и микро- и макроэтапы художественного развития: поколение, век, период, эпоха (стадия). Другими словами, необходимо ие-

---

<sup>1</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве : в 2 т. – М. : Искусство, 1983. Т. 1. С. 165.

пархия членения процесса на мелкие и крупные этапы»<sup>1</sup>. В самых общих чертах, предлагаемая схема предполагает включение в каждую из них следующих определений: «поколение» – «минимальный этап художественного развития», который равен сроку деятельности «ровесников, современников, создателей наименьшего исторически завершенного отрезка художественного развития, временной масштаб которого равен среднему времени активной творческой жизни художника»; далее – «век» – «крупный» отрезок исторического времени, достаточный для существенных изменений в социальной жизни и для проявления влияния этих изменений на тип и содержание художественного мышления<sup>2</sup>.

Под «художественным периодом» автор рассматривает «историческое время господства в литературном развитии «психологического типа» героя и автора. Сюда он включает основные художественные направления – античность, средние века, Ренессанс, барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм и т. д.<sup>3</sup>

При определении понятия «художественная эпоха» Ю. Борев в целом разделяет идею Гегеля о «глобально-стадиальном членении художественного процесса на три крупных эпохи: символическое, классическое, романтическое искусство»<sup>4</sup>.

Нетрудно заметить, что предложенная схема членения художественного процесса основана на охвате огромного количества материала. И это не могло не отразиться на исследовании, как в плане терминологического разнобоя, так и зыбкости, чрезмерной условности хронологических границ («поколение», «век») между различными частями литературы. Поскольку нас интересует понятие «период»,

<sup>1</sup> Борев Ю. Б. Эстетика. Издание четвертое, дополненное. – М. : Издательство политической литературы, 1988. С. 356.

<sup>2</sup> Там же. С. 356–357.

<sup>3</sup> Там же. С. 357.

<sup>4</sup> Там же. С. 357.

то включать в него, то же понятие не имеет смысла. Точно также, понятие «поколение» слишком расплывчено. Невозможно представить при диахронном освещении литературы, чтобы в течение определенного исторического времени не создавали бы свои произведения представители, по крайней мере, трех поколений. Трудно представимо также, чтобы появление или уход с исторической сцены того или иного направления точно совпадал и с началом или концом соответствующего века.

Но работа Ю. Борева может быть плодотворно использована в другом аспекте. А именно, выделяемый им микроэтап – «поколение» с успехом рассматривается критической литературой. Более того, оно внутри себя может быть еще и разбито и на более мелкие этапы (например – десятилетия). С другой стороны, есть все основания для того, чтобы согласиться с той частью его утверждений, когда литературная эпоха может включать в себя несколько периодов.

Теперь обратимся непосредственно к материалу абхазской литературы. Как и большинство литератур, имеющих младописьменными, она зародилась на рубеже XIX–XX вв. В историях молодых литератур, написанных в советскую эпоху, наблюдалось чрезмерное дробление на периоды. Иногда их количество доводили до восьми. Таким образом, по существу, каждому литературному десятилетию отводился отдельный период.

В настоящее время в работах ученых обнаруживается тенденция сокращения числа периодов в истории младописьменных литератур. На наш взгляд, подобный подход больше соответствует историко-литературным реалиям вышеназванных литератур, поскольку позволяет четче очертить контуры их развития, и, следовательно, точнее систематизировать собственно литературную историю.

В проходившей в конце 50-х – начале 60-х гг. в абхазском литературоведении, на страницах журнала «Алашара», дискуссии выдвигались различные точки зрения относительно периодизации национальной литературы<sup>1</sup>. Однако, несмотря на все различия аргументов, выдвигаемых авторами статей, им не удалось найти рационального зерна при членении литературно-художественного материала на периоды. Это произошло, в первую очередь, потому, что исследователи придерживались в основном хронологии исторических событий: октябрьская революция, гражданская война, индустриализация, коллективизация, Великая Отечественная война, период оттепели и т. д. Стало быть, при переносе на литературный процесс перечисленных событий, во главу угла ставились изменения в сфере тематической. Поэтому и получалось, что в соответствии с историческими отрезками литературе отводился соответствующий ей отдельный период.

Подобный поверхностный подход не мог определить динамику изменений художественного процесса на более глубинном уровне. Даже если не говорить о трудноуловимом процессе, каким является состояние художественного мышления, все же принцип тематической периодизации вряд ли можно использовать при выполнении подобной задачи. Как известно, литературные произведения, посвященные той или иной теме, зачастую пишутся позднее исторических событий, описанных в них. В частности, в абхазской литературе многие произведения, освещающие тему Великой Отечественной войны, были созданы

<sup>1</sup> См.: Инал-ипа Ш. Д. О периодах развития абхазской литературы // Алашара. 1958, № 6; Зантария В. Заметки о периодах развития абхазской литературы // Алашара. 1959, № 5; Гублиа Г. К. К вопросу о развитии абхазской литературы // Алашара. 1959, № 6; Когония Ч. К. // О важном вопросе в развитии литературы // Алашара. 1960, № 1; Бгажба Х. С. Периоды абхазской литературы // Алашара. 1960, № 2; Салакая Ш. Х. Кратко о периодах развития нашей литературы // Алашара. 1960, № 2.; Лакоба Н. П. О важном вопросе // Алашара. 1960, № 2.

в 50–70-е гг. В таком случае, стоит ли выделять в качестве отдельного периода этот (1941–1945) отрезок времени? Но если и выделять, то, тогда к какому периоду отнести произведения, посвященные теме войны, опубликованные гораздо позже? С таким же успехом можно привести примеры, когда произведения, посвященные революционным событиям, коллективизации были изданы много лет, иногда десятилетия, спустя после соответствующих исторических этапов. С другой стороны, не выдерживает критики и попытка определить начальный период абхазской литературы в рамках 1912–17-х гг. и 1917–21-х гг. Ведь наличествующий литературный материал – два стихотворных сборника, несколько десятков рассказов-миниатюр, одна драма и стихи, в основном начинающих молодых поэтов, опубликованные в газете «Апсны», не дает оснований для утверждения, что это стало первым, прочно заложившим основы национальной литературы, периодом. О первых десятилетиях мы можем говорить, как о времени, когда происходит процесс первоначального формирования и накопления элементов абхазской литературы: появляются новые жанры, совершенствуется, оттачивается профессиональное писательское мастерство и т. д.

Между тем, мы считаем, что до сих пор не решен вопрос о точной дате начала абхазской литературы. Все исследователи без исключения, так или иначе касавшиеся вопроса истории зарождения абхазской литературы, ведут отсчет времени с 1912 г. – выхода в свет первого сборника стихов Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки». Ни в коей мере не умаляя значения этой книги, необходимо заметить, что такая датировка все жеискажает факт первой публикации художественного произведения. Известно, что в вышедшем еще в 1908 г. учебнике «Книга для чтений на абхазском языке для абхазских училищ» содержатся первые оригинальные литературные произведения как самого Д. Гулиа, так и произведения учебно-

нравоучительного, дидактического характера А. Чукбар и Н. Патейпа. Об этом писали Х. С. Бгажба<sup>1</sup> и Г. А. Дзидзария<sup>2</sup>. Последний, в частности, говоря о содержании этого учебника, отмечал: «Учебник состоит из трех частей. Первая и вторая части взяты из книг Л. Н. Толстого «Новая азбука» и К. Э. Шельцеля «Книга для чтения» и являются их точным переводом с изменением лишь собственных имен. Для третьей части был написан ряд оригинальных статей, а сказки записаны со слов сказителей. В качестве переводчиков значатся в основном А. И. Чукбар и Н. С. Патейпа, авторами статей – они же и Д. И. Гулиа. В составлении книги участвовали также Д. Т. Маргания и Н. В. Ладария. Обращает на себя внимание и тот факт, что в учебнике содержатся известные стихи Д. И. Гулиа «Весна», «Какой милый человек» и «Две еле шли, третий не догонял». Следовательно, – подчеркивал ученый, – стихи основоположника абхазской литературы впервые увидели свет не в 1912 г., когда вышел его сборник стихов, как это долго утверждалось, а гораздо раньше»<sup>3</sup>. Несмотря на то, что это мнение Г. А. Дзидзария высказал более 20 лет назад, его голос не был услышен. К сожалению, и мы в своих ранее вышедших работах придерживались устоявшейся доктрины. Факт первой публикации художественного произведения не может не быть началом зарождения литературы.

В монографии У. Б. Далгат «Фольклор и литература» были даны в основном ответы относительно закономерностей развития новописьменных литератур. В этой работе автору удалось, на наш взгляд, определить стержневые компоненты в системе молодых литератур и выявить механизмы их внутреннего развития. Исследователь на

<sup>1</sup>Бгажба Х. С. Бессмертное имя. Поиски и находки. – Сухуми : Алашара, 1977. С. 19 (на абх. яз.).

<sup>2</sup>Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интелигенции. – Сухуми : Алашара, 1979.

<sup>3</sup> Там же. С. 198–199.

основе детального анализа младописьменных литератур приходит к следующему заключению: «Таким образом, – пишет она, – на уровне младописьменных литератур в свою очередь формируются две различающиеся системы: а) литературно-неопределенная и б) литературно-определенная»<sup>1</sup>.

Обозначенные системы можно рассматривать в виде стадиального развития новописьменных литератур, поскольку литературно-неопределенная система свойственна всем литературам, переживающим стадию накопления, когда определяется собственно литературная субстанция. Другими словами, происходит формирование национальной художественно-литературной системы. И этот отрезок литературы можно определить как период. Следующий же период в молодых литературах (уже литературно-определенных) имеет качественно иную сущность в сравнении с предыдущим. В частности, значимость индивидуально-творческого начала самого творца произведения приобретает большие масштабы. На этом этапе литературы творческая личность проявляет гораздо меньшую зависимость от воздействия фольклора в таких компонентах, как идеино-эстетический, сюжетно-композиционный.

Однако сказанное вовсе не означает, что легко установить точные границы между отдельными литературными периодами, в силу постепенности перехода от одного художественного состояния к другому. Более того, в каждом отдельном литературном периоде могут встречаться элементы, характерные как для предыдущего, так и для последующего этапа. И все же, при всей сложности точного определения границ между периодами литературы, можно более или менее точно определить специфические особенности каждого из них.

---

<sup>1</sup> Далгат У. Б. Литература и фольклор. – М. : Наука, 1981. С. 381.

Так, например, абхазскую литературу с 1908 г. – времени выхода первой книги до середины 50-х гг., на наш взгляд, нужно определять как еще литературно-неопределенную. Иначе говоря, на этом отрезке времени абхазская литература проходила этап своего формирования. Начиная со второй половины 50-х гг. абхазскую литературу можно отнести к числу тех литератур, которые прошли этап своего становления.

Таким образом, рассматривая периодизацию абхазской литературы мы считаем, что ее можно представить в следующем виде: предлитературный этап – 1860-е – 1908 г., 1908 г. – середина 1950-х гг. – первый период, вторая половина 1950-х гг. – по настоящее время – второй период.

Для более четкого обоснования данного положения предстоит анализ литературного материала, учитывающий идеино-тематический, художественно-воззренческий, сюжетно-композиционный уровень и язык самих произведений. Нам представляется, что подобный анализ подтвердит вышесказанные предположения. В то же время, не исключено, что, по мере дальнейшего роста литературно-художественной продукции, может произойти слияние этих периодов в единое целое.

## РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И АБХАЗСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО<sup>1</sup>

Общеизвестно, что XIX в. в истории взаимоотношений России и кавказских народов был непростым. На протяжении нескольких десятилетий Кавказ являлся театром военных действий. С одной стороны, эти события вели к трагическим последствиям – массовому и насилиственному переселению в Турцию и другие страны. Но, с другой стороны, данная эпоха бы ознаменована созданием условий для формирования у кавказских народов просветительских умонастроений. В начале просветительские идеи распространялись среди горцев медленно, однако со временем они оформились в мощное течение, благодаря чему произошли значительные изменения в культурно-исторической жизни народов. Не стала исключением и Абхазия, где просветительский процесс был вызван ее включением в российское цивилизационное пространство. Данное событие не было обойдено исследователями, которые на основе многочисленных фактов показали в своих работах характер и результаты этого процесса. Абхазский историк Г. А. Дзидзария, в частности, отмечает, что «для нарождавшейся здесь (в Абхазии. – В. А.), как и вообще на окраинах России, национальной интеллигенции на первых порах была особенно характерна просветительская деятельность, проявление просветительской идеологии»<sup>2</sup>.

Культурное влияние России выражалось в двух формах: вошедшие в состав империи народы изучались в историческом и этнографическом плане, и для них соз-

---

<sup>1</sup> Статья опубликована в сборнике «Русский язык в странах СНГ и Балтии». Международная научная конференция. Москва, 22–23 октября 2007 г. – М. : Наука, 2007.

<sup>2</sup> Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми : Алашара, 1979. С. 4

давалась письменность на национальных языках. В итоге это позволило народам оставаться в процессе истории и во многом решить проблему культурного отставания от цивилизованного мира.

Р. Ф. Юсуфов рассматривает процессы культурного возрождения присоединенных к России народов в русле «продолжения и развития европейского российского Просвещения». Он считает, что изучение истории, быта, нравов и духовной культуры присоединенных народов давало возможность «вывести общественное сознание этноса на уровень современного научного знания»<sup>1</sup>.

Благодаря этнографическим исследованиям удавалось сохранить совокупность знаний о народах и их историческом опыте, они же затем становились «источником развития национальной литературы»<sup>2</sup>.

Другой формой культурного взаимодействия, или, как об этом говорил П. К. Услар, «морального сближения с чужим народом, покоренным силою оружия или дипломатическими трактатами»<sup>3</sup>, было просвещение народов посредством создания условий для распространения грамотности (открытие церковно-приходских и министерских школ, духовных семинарий и различных специализированных училищ) и создания письменности на национальных языках (алфавитов, азбук, буквей, грамматик, переводных произведений и т. д.).

Здесь уместно вспомнить следующие слова В. Г. Белинского: «Письменность служит, хотя и не всегда, естественным переходом от словесности к литературе; ею иногда как бы оканчивается словесность и начинается литература. Письменность оказывает великую услугу сло-

<sup>1</sup> Юсуфов Р. Ф. История литературы в культурфилософском освещении. – М. : Наука, 2005. С. 368.

<sup>2</sup> Там же. С. 369.

<sup>3</sup> Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Сухум, 2002. С. 1. (Репринтное издание).

весным произведениям народа, освобождая их от непосредственной принадлежности лицам и избавляя от опасности погибнуть навсегда с лицами вследствие разных случайностей»<sup>1</sup>.

Далеко не все верили в то, что со временем народы, чьи история и культура изучались, для которых составлялись алфавиты, азбуки, смогут создать свои национальные литературы. Даже зачинатель абхазской письменности, автор первого абхазского алфавита и абхазской грамматики П. К. Услар писал: «Самостоятельной литературы они (горцы. – В. А.), по самому положению своему, иметь не могут и никогда иметь не будут. Пока они не в состоянии будут читать русских книг, им нечего читать, кроме переводов с русского. Выбор книг для переводов должен быть сделан с осмотрительностью. Каждая книга непременно должна заключать в себе новые полезные сведения»<sup>2</sup>.

И поэтому можно сделать вывод о том, что, исходя из целей, которые ставили перед собой пионеры распространения грамотности среди горцев Кавказа, возникновение национальных литератур является фактом неожиданным и, в определенной мере, побочным. Между тем, создание письменности для этих народов, которая должна была пройти ряд промежуточных этапов, объективно приводило к необходимости создания национальной литературы на этих языках.

Исторически сложилось так, что становление абхазской литературы сопровождалось процессом просвещения масс, созданием образовательных учреждений – церковно-приходских школ и светских учебных заведений. Процесс этот протекал далеко не безболезненно и одномоментно, поскольку проходил в условиях общественно-политической нестабильности. Но, несмотря на

<sup>1</sup> Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. С. 507.

<sup>2</sup> Услар П. К. Указ. соч. С. 27.

объективные препятствия, образование среди абхазского населения постепенно набирало силу.

Несомненно, что особая роль в дальнейшем развитии абхазского просветительства и в целом культуры принадлежит алфавиту и грамматике П. К. Услара и «Абхазской азбуке» (1865), созданной под руководством И. А. Бартоломея. Без этих книг невозможно представить дальнейшее усовершенствование абхазской письменности и продвижение на пути к созданию собственно художественной литературы. Появились они не случайно, а вследствие их острой необходимости для обучения абхазских детей в уже открывшихся школах.

До 1892 г. учащиеся школ Абхазии могли приобретать навыки письма и чтения на родном языке только по изданиям П. Услара, И. Бартоломея и переводу «Краткой священной истории». Перевод последней был осуществлен Обществом восстановления православного христианства на Кавказе и издан в Тифлисе в 1866 г. Г. А. Дзидзария, на основе исторических данных, показал значение бартоломеевского букваря для просвещения народных масс Абхазии. Он пишет: «В нашей специальной литературе нередко встречается мнение, что первый абхазский букварь не дошел до школ. Однако это не совсем верно. Тем более нельзя согласиться с утверждением, что этот учебник не получил практического применения ввиду отсутствия школ и учительских кадров...

На протяжении почти трех десятилетий он был первым и единственным абхазским учебником для учащихся и учащихся. Из оставшихся к началу 1867 г. 2 262 экземпляров абхазского букваря, например, было распространено («выдано по предписанию» и продано) 456. В 1868 г. только в Самурзаканской Абхазии, где в это время функционировало уже 11 школ, было получено официально 50 экземпляров этого учебника. В отчете «Общества вос-

становления православного христианства на Кавказе” за 1866 г. отмечалось, что в Абхазии “большая... часть детей учились только по азбуке русской и абхазской”, а в Самурзаканском округе, в частности, учащиеся, “знающие абхазский язык, выучились читать и писать по-абхазски и свободно рассказывают содержание статей, помещенных в абхазском букваре”...

В 1870-х и 1880-х гг. началась деятельность целой плеяды замечательных абхазских учителей со специальным образованием (Григорий Шервашидзе, Григорий Эмухвари, Виссарион Инал-ипа, Фома Эшба, Виктор Гарцкия, Давид Аджамов-Багратуни, Мелитон Бжания и др.).

Эти педагоги и другие представители абхазской интеллигенции, в том числе и Д. Гулиа, будучи сами учащимися, изучали родной язык по букварю Бартоломея<sup>1</sup>.

Проведение в жизнь мероприятий, связанных с проповеди, имело громадное значение для кавказских народов, позволивших впоследствии им не оказаться на задворках истории, а выступить в качестве субъекта на мировой культурной арене каждый со своим этническим лицом. «Объединение очагов становления письменности и художественной литературы (в каждом из них разыгрывалась своя драма индивидуализации человека), в единый и полицивилизационный процесс – общая тенденция всечеловеческой истории. И, наконец, главная особенность российского Просвещения – выход национальных литератур страны на всечеловеческий уровень через посредство русской литературы»<sup>2</sup>.

Таким образом, просветительство как культурное направление распространялось среди кавказских народов через российский культурный канал. Если на первых по-

<sup>1</sup> Дзидзария Г. А. И. А. Бартоломей и первая абхазская книга // Советская Абхазия. 1975, 6 августа.

<sup>2</sup> Юсуфов Р. Ф. Указ. соч. С. 395.

рах эту миссию непосредственно выполняли сами представители русской интеллигенции, то вскоре начинает прокладывать свой путь на ниве образования и просвещения первое поколение национальных кадров. Это давало его представителям возможность принятия цивилизации через русскую культуру, поскольку, как отмечал А. Дж. Тойнби, «в культурном плане Россия предлагает им кратчайший и самый легкий доступ в современный мир, и русский язык является лучшим инструментом для того, чтобы овладеть современными знаниями и идеями»<sup>1</sup>.

Следует отметить, что классическое европейское просвещение XVII–XVIII вв. и просветительство, распространявшиеся среди народов, вовлеченных в российскую цивилизацию, наряду с основополагающими, концептуальными сходствами, имеют и существенные различия. Европейское просвещение базировалось на иной историко-культурной основе, выдвигая на передний план «идеи буржуазной демократии, общественного прогресса, равенства, труда на благо общества, свободного развития личности»<sup>2</sup>, то есть европейское просвещение начинало свой новый путь не с нуля, а явилось естественной эволюцией очередного этапа духовного развития в общечеловеческом развитии. В этом плане оно является периодом «интенсивного влияния естествознания на гуманитарную мысль и обратного воздействия гуманитарной мысли на естествознание, в конечном итоге на деятельностные способности индивида, на сознательно-волевые качества инициативной личности. Организующее воздействие перешло в Новое время от религии к гуманитарному знанию»<sup>3</sup>. Оно пред-

<sup>1</sup> Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник / Пер. с англ. – М. : Рольф, 2002. С. 229.

<sup>2</sup> А. А., И. Е. Просвещение // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 307.

<sup>3</sup> Юсуфов Р. Ф. Указ. соч. С. 118.

ложило и осуществило реформирование сложившихся общественных взаимоотношений, включая весь комплекс отношений к окружающему миру, природе, религии, человеку и т. д. А просветительство, в которое были вовлечены народы России, прокладывало свой путь с нулевой отметки, с создания письменности, школ и пр. Богатейшее духовное наследие этих народов (фольклор, этические нормы морали) не могло априори воздействовать на решение просветительских задач на начальном этапе. Их влияние на культурное развитие народов стало возможным после прохождения “ученического” этапа, вслед за распространением письменности и грамоты среди населения.

Значительное воздействие на абхазское просветительство оказывала русская литература. В различных учебниках, хрестоматиях и других книгах для обучения были опубликованы произведения русской детской литературы в переводе. По сути, они являются первыми литературно-художественными текстами, зазвучавшими на абхазском языке. Высоко оценивая произведения, напечатанные в первой «Абхазской азбуке», изданной под руководством И. А. Бартоломея, Х. С. Бгажба пишет: «Абхазский перевод стоит на высоком уровне, он сделан тщательно и, как первый опыт, заслуживает внимания. При этом нужно заметить, что переводы составлялись с крайней осторожностью: трудные русские обороты избегались, каждая фраза, переведенная с русского на абхазский одним абхазцем, проверялась обратным переводом с абхазского на грузинский – другим переводчиком»<sup>1</sup>.

Первые произведения абхазской литературы были переводными. Национальная литература зарождалась в трех ипостасях: переводная, детская и религиозно-хри-

---

<sup>1</sup> Бгажба Х. С. Из истории абхазского письма // Труды. Книга первая. Этюды и исследования. – Сухуми : Алашара, 1987. С. 23–24.

стианская. Эти факторы взаимообусловлены и внутренне взаимосвязаны. Именно в таком синкретизме литература прошла свой более чем полувековой исторический путь (1860–1910-е гг.). И анализ начального этапа абхазской детской литературы свидетельствует о том, что рождение национальной литературы не может быть случайным и внезапным. Оно – исторически обусловленное явление, результат подвижнической работы определенной группы людей, которые осознали значимость просвещения для своего народа.

Рассказы и статьи, помещенные в азбуках, книгах для чтения и др., являются наказами о практической пользе и необходимости учебы, назиданием, как должен вести себя ученик в различных местах и как он должен относиться к своей первой задаче – учебе. Среди них есть небольшие дидактические рассказы, которые имеют признаки художественного повествования: они сюжетны и содержат диалог между персонажами. В частности, в основе одного из них лежит диалог отца с сыном.

Его содержание сводится к наставлению о необходимости учиться и проявлять послушание. Рассказ со схожим сюжетом был опубликован в 1861 г. в «Детском мире» К. Д. Ушинского под названием «Дети в роще». Притом, что обнаруживается некоторая разница в деталях, не-трудно установить, что абхазский текст является переводным. В finale дается моральный вывод: «Детям стало стыдно; они пошли в школу, и хотя пришли поздно, но учились прилежно»<sup>1</sup>.

Следующие за этими маленькими рассказами статьи непосредственно обращены к учащимся; в них говорится о том, каким должен быть хороший ученик. В этих

---

<sup>1</sup> Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. – М. : Педагогика, 1989. Т. 3. С. 23.

наставлениях подробно, в деталях, описано поведение примерного учащегося: как собираться в школу, какие принадлежности необходимо брать с собой, в каком виде они должны быть, как надо обращаться с книгами. В заключении даются советы – начинать свой день с мольбы к Богу, чтобы он увеличил познания, отмечается, что каждый учащийся должен заботиться о своем внешнем виде, который должен быть всегда опрятным, и что следует хорошо вести себя в классе и т. п. Статьи затрагивают практические вопросы, начиная от гигиены, педагогики и до духовных потребностей и, таким образом, служат своеобразным сводом правил поведения, которые должен соблюдать каждый учащийся.

При составлении букваря были использованы тексты из учебной литературы, предназначеннной для русских школ, хотя нельзя исключать и того, что некоторые из них могли быть написаны самими составителями.

Следующая часть книги состоит из переводов на абхазский язык произведений русской литературы. В ней мы встречаем такие произведения, как: «Бедняк», «Лягушка и Бык», «Орел и Куры», «Барс и Медведь», «Орел и Крот», «Хозяин и Собака», «Муха и Пчела», «Хвастливый заяц», «Орех и Арбуз», «Маленький вор», «Маленький лгун», «Добрый сын», «Нерадение», «Бедный мальчик».

Несложно установить, что 8 из 14 перечисленных произведений являются переводами басен И. А. Крылова, помещенных в «Детском мире» К. Д. Ушинского. В их числе «Фортуна и Нищий», «Лягушка и Вол», «Заяц на ловле», «Собака», «Орел и куры», «Орел и Крот», «Муха и Пчела». При переводе названия первых четырех произведений были изменены соответственно на «Бедняк», «Лягушка и бык», «Хвастливый заяц», «Хозяин и Собака». Изменения в заглавиях обусловлены стремлением переводчиков облегчить усвоение детьми содержания произведений. Поэ-

тому некоторые слова заменены более употребительными синонимами (вол – бык, нищий – бедняк),

Не случайным является сам факт обращения составителей и переводчиков произведений для азбуки к басням И. А. Крылова. Такие качества большинства его басен, как поучительность, познавательность при незамысловатости сюжета сделали их хрестоматийными практически с момента их публикации. Причем включение басен И. Крылова или же использование их в виде изложения сюжетной линии в прозе характерно было и для русской педагогики того периода. В частности, мы встречаем их в большом количестве в книгах К. Д. Ушинского, а также басни Эзопа в азбуке и книгах для чтения Л. Н. Толстого.

То, что зарождавшаяся абхазская литература часто обращалась к переводам басен Крылова, на наш взгляд, имело несколько причин: во-первых, сам жанр басни, как известно, относящийся к малой эпической форме, обладает дидактизмом и сатирическим содержанием, с «прямо сформированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл»<sup>1</sup>; во-вторых, обращение составителей учебников и хрестоматий именно к басням, созданным гением И. А. Крылова, были вызваны тем, что они несли в себе «целый нравственный кодекс, на котором воспитывались поколение за поколением»<sup>2</sup>. Поэтому они как ничто другое подходили к решению особых задач, отвечавших запросам детского воспитания. Ведь не случайно, отвечая на вопрос, что нужно читать детям, В. Г. Белинский писал: «Из сочинений, писанных для всех возрастов, давайте им “Басни” Крылова, в которых даже практические, житейские мысли облечены в такие плени-

<sup>1</sup> Гаспаров М. Л. Басня // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 46.

<sup>2</sup> Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 112.

тельные поэтические образы, и все так резко запечатлено печатию русского ума и русского духа»<sup>1</sup>.

Факты говорят и о том, что абхазская литература просветительского этапа была непосредственно связана с библейскими сюжетами и христианской моралью. Нет другой книги, вышедшей к этому времени, в которой не было бы материала, непосредственно не относящегося к христианской тематике. Вспомним полное название азбуки К. Мачавариани и Д. Гулиа – «Абхазская азбука. Молитвы, 10 заповедей и присяжный лист». Более того, в первом поэтическом сборнике Д. Гулиа «Стихотворения и частушки» имеется ряд произведений, которые в той или иной мере посвящены религиозной тематике («Нищий», «Молния», «Владимир», «Слово воскресшего», «Самое значимое из учений» и др.). Естественно, они по понятным причинам в советский период не вошли ни в одно из изданий писателя. А такие хрестоматийные произведения, как «Ходжан Большой», «Абрскил», в изданиях этого периода публиковались не полностью, а с сокращениями. Сокращениям подвергались именно те части текста, в которых звучала религиозная тема.

Свидетельством неразрывной связи в образовательном процессе религиозных и литературных произведений может служить следующий документ. В одном из номеров журнала Сухумской епархии «Сотрудник Закавказской миссии» напечатана статья «Школьный вечер в Поквешах». В ней читаем: «21-го ноября 1912 года в здании Поквешской школы Обществом восстановления Православного Христианства на Кавказе устроен был по инициативе школьного совета школьный вечер... Вечер открыт был пением народного гимна “Боже, Царя храни”, который, присутствовавшие, выслушали стоя. Во время

---

<sup>1</sup> Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 56.

исполнения гимна в волшебном фонаре были показаны портреты Их Императорских Величеств. Затем последовало исполнение религиозно-нравственного отделения вечера. Учениками старшего отделения школы были прочитаны и переданы народу на абхазском языке, сопровождаемые показыванием соответствующих картин истории: о жизни первых людей в раю, об изгнании их из рая, история Иосифа, Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение Господне, Страдания Господа Иисуса Христа, Воскресение и Вознесение Его. Затем были прочитаны в лицах и в одиночку детьми следующие стихотворения и басни: “Дружно”, “Любящий отец”, “Кому быть охотником”, “Не ел, а хвастает”, “Вечерняя заря весною”, “Моя родина”, “Грамотей”, “Птичка”, “Осиротевшая птичка”, “Лебедь, Щука и Рак”, “Песня земледельца”, “Песня птички”, “Шоссе и поселок”; затем в лицах: “Мать и дети”, “Волк и Журавль”, “Пойманная птичка”, “Крестьянин и Петушок”, “Любопытный”. На абхазском языке прочитаны были в лицах: “Волк и Ягненок”, “Козленок, Ягненок и Теленок”, “Зеркало и Обезьяна”, “Волк и Кот”, “Один идет, а другой за ним” (абхазская сказка). Особенное внимание присутствовавших, в этом отделении привлекли басни “Крестьянин и Работник”, “Котик и Петушок”, “Волк и Ягненок”, “Козленок, Ягненок и Теленок”. При чтении этих басен и рассказов, присутствовавшие не могли удержаться от смеха, на всех лицах выражалось искреннее удовольствие. Вечер закончился вторичным пением народного гимна<sup>1</sup>. Очевидно, что все перечисленные произведения взяты из школьных книг.

В книге Д. И. Гулиа и К. Д. Мачавариани «Абхазская азбука» (1892) были напечатаны четыре «рассказа-миниатюры». Исследователь абхазской детской литературы

<sup>1</sup> Ст. А. Школьный вечер в Поквешах // Сотрудник закавказской миссии. 1913, 1 апреля, № 7. С. 108–109.

Д. С. Джинджолия, указывая на их источники, утверждает, что рассказ о мальчике, попросившем отца купить очки, в ответ на что, отец приобрел сыну букварь, взят из книги Я. Гогебашвили (1876). Трудно с точностью определить, откуда заимствована эта вещь, ибо она встречается под названием «Детские очки» в книге К. Д. Ушинского «Вторая после азбуки книга для чтения» (1864). Учитывая, что педагогические книги К. Ушинского увидели свет раньше, чем Я. Гогебашвили издал свой грузинский букварь, то нельзя исключать того, что сам Гогебашвили мог заимствовать данный рассказ из книги Ушинского.

В основе сюжета другого рассказа – о змее, пожелавшей жить с крестьянином, но убитой последним, – безусловно, лежит басня И. Крылова «Крестьянин и змей».

Рассказы небольшие, состоят из трех-пяти предложений и повествуют об одном событии. Иногда это – описание происшедшего факта, иногда диалог двух персонажей. Тексты в соответствии с установкой, предъявляемой азбуке, дидактичны и развлекательны.

В «Абхазской азбуке и статьях для чтения и письма» (1906) было опубликовано 19 произведений, которые также относятся к детской художественной литературе. Два из них – «Что у тебя» и «Птичка» – являются первыми известными публикациями произведений в стихотворной форме. Остальные 17 произведений являются детскими рассказами. Можно с уверенностью утверждать, что рассказы «В школе и дома», «Горшок котлу не товарищ», «Спор животных» взяты из учебников К. Д. Ушинского, а «Добрый Ваня», «Семь прутьев» и «Лгун» – из русских книг для чтения Л. Н. Толстого, и, наконец, «Хвастливый заяц» и «Муха и Пчела» являются баснями И. А. Крылова, но взяты они из уже упомянутой «Абхазской азбуки» 1865 г. Основная текстовая часть крыловских басен в обеих книгах (1865 и 1906) совпадает, за исключением незна-

чительной редакции: например, во второй книге, в том месте, где звери обращаются к Зайцу, вместо слова “заяц” встречаем “косой”, и в обеих текстах отсутствует завершающая их часть, где выражен моральный вывод и дидактизм произведений.

Относительно качества переводов на абхазский язык произведений из книг К. Ушинского и Л. Толстого можно сказать, что они осуществлены адаптировано. В некоторых случаях изменены имена героев, сокращены тексты и т. д. В этой же азбуке мы также встречаем уже упоминавшиеся два рассказа-миниатюры из азбуки К. Мачавариани и Д. Гулиа.

Следующая книга, в которой были опубликованы переводные и оригинальные произведения, вышла в 1908 г. в Тифлисе под названием «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ», изданная Управлением Кавказского учебного округа. Составители учебника – А. И. Чукбар и Н. С. Патейпа ставили перед собой следующие задачи: «Прежде всего, дать учащимся в начальных училищах Абхазии материал, на котором они совершенствовались бы в беглости, выразительности и сознательности чтения... во-вторых, возбудить в народе интерес к школьному обучению... и, в-третьих, наконец, сообщить через посредство книжки полезные и необходимые для жизни сведения...»<sup>1</sup>.

Если сравнивать задачи, которые ставили перед собой комиссия под руководством И. Бартоломея, а затем К. Мачавариани и Д. Гулиа и составители азбук, изданных позже, то может показаться, что они не очень изменились – что во второй половине XIX в., и в начале XX в. решались одни и те же задачи. Однако, это не так. Во-первых, речь идет об абхазских школах, чис-

<sup>1</sup> Книга для чтения на абхазском языке, для абхазских училищ. – Тифлис : Типография Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1911 (изд. второе). С. 2.

ло которых к 1911 г. значительно увеличилось, и в них преподавался абхазский язык. В этом плане стоит обратить внимание на то, что данный учебник в отличие от предшествовавших был издан без параллельного перевода текстов на русский. Это говорит о том, что в абхазских школах преподавали учителя-абхазы, для которых не было надобности внутри одной книги параллельно размещать переводы текстов, поскольку они могли для сравнения использовать оригиналы учебных пособий, откуда они были переведены. Подтверждением тому может служить выход в свет учебника «Родная жизнь» на русском языке, составленного С. А. Алферовым и А. И. Чукбарам. В этой книге, как было отмечено Г. А. Дзидзария, «кроме ряда произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Жуковского, Никитина, Ушинского и др. (всего 23), почти весь остальной материал (84 статьи), значительная часть которого написана А. И. Чукбарам, составлен на местном материале»<sup>1</sup>.

Относительно источников «Книги для чтения...» и характера переводов произведений составители книги сообщают следующее: «Большинство статей I и II части взяты из книг: К. Э. Шельцеля – «Книга для чтения», ч. 1 и 2; из гр. Л. Н. Толстого «Новая азбука»; некоторые из этих статей представляют точный перевод русских статей, с изменением лишь собственных имен..., другие несколько изменены; для третьей части несколько статей было составлено переводчиками по плану, указанному собирателями статей, прямо на абхазском языке..., и, наконец, сказки записаны со слов народных рассказчиков по возможности с буквальной точностью»<sup>2</sup>.

Переводы на абхазский язык всех произведений осуществлены самими составителями, то есть А. Чукбарам и

<sup>1</sup> Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми : Алашара, 1979. С. 199.

<sup>2</sup> Книга для чтения... С. 3.

Н. Патейпа. Ими же написаны и некоторые оригинальные произведения. Всего в книге опубликовано 69 произведений различных жанров. При этом в прозе – 54 произведения, а в стихотворной форме – 15. Из 56 переведенных произведений из русской литературы 44 были прозаическими, а 12 – поэтическими. Оригинальных произведений опубликовано восемь, из них пять рассказов и три стихотворения. В учебнике также было опубликовано два фольклорных сюжета и три статьи. Как показывают приведенные количественные данные, впервые в абхазскую книгу включалось столь большое количество литературного материала.

Фольклорные материалы записаны братом Д. И. Гулиа – Иваном Гулиа (две сказки). Что касается оригинальных произведений, то они написаны Д. Гулиа – два стихотворения и три детских рассказа, Н. Патейпа и Д. Ладария по одному и две статьи написаны Д. Т. Мааном.

Как и в предыдущих книгах подобного типа, мы и здесь сталкиваемся с большим количеством переводов, сделанных не только из указанных в предисловии книг, но также и из книги К. Д. Ушинского. В числе переведенных произведений встречаются басни И. А. Крылова «Зеркало и Обезьяна», «Волк и Ягненок», «Две бочки», «Волк и кот», «Свинья под дубом». Переводы некоторых из них – «На мышку и кошку зверь», «Зеркало и Обезьяна», «Волк и Кот», «Свинья под дубом» – осуществлены в стихотворной форме. Нельзя не согласиться с оценкой, которую дал Г. А. Дзидзария качеству перевода этих произведений. Он пишет: «Это – первый профессиональный перевод на абхазский язык стихов великого баснописца»<sup>1</sup>.

Если мы ранее встречали переводы басен Крылова исключительно в прозаической форме, то здесь впервые мы имеем уже стихотворную форму, которая соответствует

<sup>1</sup> Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интелигенции. – Сухуми : Алашара, 1979. С. 199.

оригиналу. Несомненно, что это является новой для создававшейся литературы ступенью.

Следующей книгой, в которой были опубликованы литературные произведения, была «Абхазская азбука» А. М. Чочуа, изданная в Тифлисе в 1909 г. В азбуке было напечатано шесть дидактических рассказов: «Лгун», «Кадыр на дереве», «Отец и сыновья», «Хвастливый чурек», «Собака», «Два мальчика». В книге также размещены миниатюры: «Старик и садовник» и «Детские очки». Источником перевода рассказов «Лгун», «Отец и сыновья» послужили произведения из толстовских книг для чтения.

Таким образом, до выхода в свет первого поэтического сборника Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки» в 1912 г. в различных азбуках и других школьных учебниках было опубликовано свыше 100 детских произведений. Подавляющее большинство из них явились переводами басен И. А. Крылова и литературного материала, взятого из учебников и книг для чтения К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, К. Э. Шельцеля и др. В то же время были опубликованы и оригинальные произведения в виде нравоучительных, назидательных рассказов-очерков Д. И. Гулиа, Н. Патейпа, Н. Ладария, А. Чукбара и три стихотворных произведения Д. Гулиа.

Воздействие русской литературы на абхазское просветительство отражается и в первой абхазской газете «Апсны» (1919–1921). С самого начала в газете наиболее значимой проблемой было обозначено народное проповедование. В своих мемуарах редактировавший газету Д. И. Гулиа, говоря о целях и задачах газеты, пишет: «Абхазская пресса возникла только после 1917 года. Первая газета «Апсны» («Абхазия») стала выходить с 1919 года при меньшевиках. Мое участие в этой газете выразилось в ее редактировании.

Газета эта, можно сказать, была по преимуществу литературной, где помещали молодые поэты свои произведения: стихи, рассказы, пьесы и др. Такой характер ей был придан, чтобы она не сделалась орудием меньшевиков...»<sup>1</sup>.

Нами выявлен 81 номер газеты из 85 вышедших. В них было опубликовано 117 поэтических произведений (113 на абхазском и четыре на русском языках), свыше 40 прозаических произведений и пять – драматических. Если брать во внимание, что формат самой газеты не отличался большим размером, то становится ясно, что такое количество (свыше 150) художественных произведений, несомненно, позволяет нам говорить о том, что художественная литература в ней была представлена довольно широко.

Опубликованные в газете «Апсны» 35 произведений малой прозы по своим историко-генетическим и контакто-типологическим характеристикам можно классифицировать на три основные группы: произведения, сюжеты которых основаны на авторском вымысле; произведения, в основе которых лежат фольклорные мотивы и сюжеты; и, наконец, переводные произведения.

Авторами или переводчиками произведений выступали представители двух поколений: старшего, занятого в основном преподавательской и иной просветительской деятельностью (Д. Гулиа, С. Чанба, П. Шакрыл, Н. Патейпа, М. Булия), а также общественной деятельностью (З. Бения, Б. Хаджимба, Е. Ачба, Ш. Емхая, М. Агрба); и младшего – учащимися различных учебных заведений (М. Лакербай, М. Хашба, М. Чалмаз, Д. Дарсалия, Е. Маан, Е. Чачхалия, Т. Лагулаа, И. Гадлия, Л. Шамба, Н. Кокоскери и др.).

<sup>1</sup> Гулиа Д. И. Несколько слов об абхазской литературе. (Воспоминания) // Сочинения. Стихи, рассказы, фольклорные и этнографические записи, переводы, статьи, учебники, письма. – Сухум : Алашарбага, 2003. С. 416.

Не все перечисленные из обеих групп авторы были профессиональными писателями. А к этому моменту лишь Д. Гулиа, С. Чанба и П. Шакрыл имели определенный индивидуальный творческий опыт. Отсюда и проистекает особенность произведений почти всех художественных произведений, в том числе и малой прозы – дидактизм с ярко выраженной нравоучительной направленностью. В этом смысле все они продолжают предыдущий, начальный этап абхазской литературы.

Безусловно, и после установления советской власти в Абхазии просветительские тенденции в различных сферах духовной жизни народа имели дальнейшее развитие. Но это было уже следующим этапом его культурного развития. Учитывая важные выводы И. С. Брагинского о том, что «вненационального просвещения нет, и не было» и, что оно «не только литературное явление, но особая эпоха в истории культуры»<sup>1</sup>, можно говорить и о других сторонах, например, о воздействии русской литературы на зарождение и развитие абхазского театрального и музыкального искусств. Но это уже тема другого исследования. Подводя итоги, заметим, что на заре возникновения школьного образования в Абхазии и затем зарождения абхазской художественной литературы роль русской литературы, вначале – детской, дидактической, а затем и классической, была весьма значительной.

---

<sup>1</sup> Брагинский И. С. К вопросу о национальном своеобразии эпохи Просвещения: Вместо послесловия // Просветительство в странах Востока. Сб. статей. – М. : Наука, 1973. С. 304, 309.

## ОСОБЕННОСТИ КАВКАЗСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА XIX–XX вв.<sup>1</sup>

### *Аннотация:*

В статье в сопоставительном плане рассматривается история кавказского просветительства XIX–XX вв., которое, по мнению автора, при всех специфических особенностях каждой национальной версии имело и общие генетические, и типологические черты. Утверждается, что в ранних учебных книгах для детей содержатся литературные произведения, которые и стали первой ступенью в истории возникновения и формирования национальных литератур.

### *Ключевые слова:*

Просвещение, просветительство, культурное взаимовлияние, распространение знаний, создание письменности, детская литература.

В научной литературе встречаются два термина – «Просвещение» и «Просветительство», которым придается синонимический характер употребления. Согласно авторитетным энциклопедическим изданиям<sup>2</sup>, термин «Просвещение» использовался в европейских языках – немецком, английском, французском, испанском и др. Он обозначал идеино-философское и культурное движения в

<sup>1</sup> Статья опубликована в научном журнале «Вестник Адыгейского университета». Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 10. – Майкоп, 2008.

<sup>2</sup> См.: Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983 С. 540; Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М. Т. 6: Советская энциклопедия. М., 1971. С. 42; Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 307; Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : НПК «Интелвак». С. 823.

странах Запада с конца XVII до начала XIX в. Утвердился же данный термин и окончательно вошел в научный оборот после публикации известной статьи И. Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?»<sup>1</sup>

В русском языке оба слова происходят от одного корня – «свет» и терминологически обозначают интеллектуальное движение, имевшее место в истории разных стран и народов, в котором отчетливо просматривается повышенный интерес к образованию, воспитанию и их распространению среди широких масс. Все просветительские учения и идеи, как отмечал Н. А. Айзенштейн, типологически в основном сходны «прежде всего своей особой концепцией исторического прогресса»<sup>2</sup>.

Поскольку данное явление носит практически обще-мировой цивилизаторский характер, оно даже при самых общих исходных принципах представляет собой довольно пеструю картину, вытекающую из различия национальной жизни: в воззрениях, в подходах, в стоящих перед каждым народом исторических задачах и, в конечном счете, в результатах, не говоря уже о том, что оно в разных частях света протекало хронологически в разные эпохи.

Как известно, Просвещение не является только литературным явлением. Оно как философское, культурное и литературное явление возникло в странах Западной Европы. Его центр перемещался из одной страны в другую, охватывая большие пространства и вовлекая в процесс преодоления традиционного средневекового мировоззрения все новые и новые народы. Затем просветительские идеи получили широкое распространение по всему миру, проявляя себя в различных странах с неидентичным культурно-историческим опытом и укладом. Данный процесс не носил синхронного характера и протекал разновременно.

<sup>1</sup> Кант И. Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 27.

<sup>2</sup> Айзенштейн Н. А. К вопросу о просветительстве в Турции // Просвещение в литературах Востока. – М. : Наука, 1973. С. 11.

Как пишет по этому поводу Д. С. Комиссаров: «Просветительское движение на Востоке в целом, ... не только отличается от Просвещения на Западе, которое, как известно, также не было однородным, но в разных регионах имеет свои специфические черты. В одних странах просветительство развивалось интенсивно, в других этот процесс в силу особых обстоятельств оказался замедленным; в одних странах просветительские реформы привели к более глубоким преобразованиям, в других они внесли лишь незначительные изменения в структуру общества и литературу. Но типологическое единство несомненно»<sup>1</sup>.

Когда И. Кант отвечал на поставленный вопрос, то он в сущности Просвещения видел не просто распространение знаний, а гораздо большее – развитие человеческого разума вообще и большую степень гражданской свободы. В этой связи он утверждает следующее: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век просвещения. Еще много недостает для того, чтобы люди, при сложившихся в настоящее время обстоятельствах, в целом были уже в состоянии или могли оказаться в состоянии надежно и хорошо пользоваться собственным рассудком в делах религии без руководства со стороны какого-то другого. Но имеются явные признаки того, что им теперь открыта дорога для совершенствования в этом, препятствий же на пути к просвещению или выходу из состояния несовершеннолетия, в котором люди находятся по собственной вине, становится все меньше и меньше»<sup>2</sup>.

Несомненно, что когда мы говорим о кавказском Просветительстве, мы имеем несколько иное состояние, чем то, о чём здесь говорит философ. В свое время академик Н. И. Конрад, для более точной и верной идентификации

<sup>1</sup> Комиссаров Д. С. От составителя // Просветительство в странах Востока. – М. : Наука, 1973. С. 5–6.

<sup>2</sup> Кант И. Указ. соч. С. 33.

совокупности просветительских проявлений и повлекших за ними результатов, предложил различать два явления и соответствующие им термины – «просвещение» и «просветительство»<sup>1</sup>. К первому он относил классическое европейское Просвещение, а ко второму – весь арсенал просветительских проявлений и культурные процессы, вызванные, прежде всего, национально-освободительным движением, реформами восточных стран и народов.

Кавказское просветительство по своему характеру больше подходит ко второму типу, хотя и оно внутри себя обладает целым рядом специфических особенностей. Европейское Просвещение и Просветительство у народов, вовлеченных в российское цивилизационное поле, наряду со сходствами концептуального характера, имеют существенные различия. В свою очередь, и на Кавказе у одних народов (армян, грузин, азербайджанцев и в определенной степени у народов Дагестана) имелся богатый опыт письменно-литературной традиции, тогда как другим предстояло пройти этот путь, осуществить прорыв, предварительно создав письменность на родных языках. В этой работе речь будет идти о просветительстве в литературах, получивших название – младописьменных.

Европейское Просвещение базировалось на богатых историко-культурных традициях и выдвигало на передний план «идеи демократии, общественного прогресса, равенства, труда на благо общества, свободного развития личности»<sup>2</sup>. То есть, оно начинало свой новый путь не с нулевой отметки, а являлось продолжением уже имевшегося культурного наследия, хотя зачастую отношение к ней было нигилистическим. Но тем самым, оно претворяло очередной этап духовного развития в общечеловеческом прогрессе. Европейское Просвещение предложило и

<sup>1</sup> См. об этом: Айзенштейн Н.А. Указ. соч. С. 11.

<sup>2</sup> Володин А. И. Просвещение // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 307.

во многом осуществило реформу общественных взаимоотношений, включая и весь комплекс отношений к окружающему миру, природе, обществу, религии, личности.

Для многих кавказских народов стартовой площадкой Просветительства стало создание письменности и алфавитов, издание букварей, различных книг для чтения и хрестоматий, открытия школ. Имевшаяся в культурном арсенале богатая народная литература не могла на этом начальном этапе Просветительства априори воздействовать на решение поставленных задач, хотя бы потому, что в этой сфере действовали лишь только одиночки. Благотворное влияние фольклора становится возможным после прохождения «ученического» этапа, вслед за распространением письменности и грамоты среди населения на национальных языках.

Просветительство у народов Северо-Кавказского региона и Абхазии характеризуется следующими особенностями: во-первых, – это создание письменности и сети учебных заведений (школ, училищ) для обучения на родных языках, издание учебно-педагогической литературы (букварей, учебников, хрестоматий); во-вторых, – изучение истории, культуры, этнографии и создание собственно художественных произведений. Таким образом, исследования просветительских проблем XIX в. позволяют нам говорить о новом качестве культурного взаимовлияния России и кавказских народов. С самого начала этого культурного взаимообмена в нем принимали участие не только деятели русской культуры, но и представители коренных народов, как правило, в большинстве своем получившие образование в российской образовательной среде. Главным же итогом этого взаимовлияния стало, как отмечал Р. Ф. Юсуфов, то, что оно позволило «вывести общественное сознание этносов на уровень современного научного знания»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Юсуфов Р. Ф. История литературы в культурфилософском освещении. – М. : Наука, 2005. С. 368.

Нельзя сказать, что кавказское просветительство является малоизученной темой. Имеется целый ряд разысканий, специально посвященных данной кавказоведческой отрасли. В особенности это касается адыгского Просветительства, которое исследовано в работах А. Х. Хакуашева, Р. Х. Хашхожевой, Н. М. Шикова, Ш. Х. Хута, З. М. Налоева и др. Проблемы регионального и национального просветительства в различных аспектах освещены в трудах Г. Г. Гамзатова, Н. Г. Джусойты, Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, Ш. Х. Салакая, В. Б. Тугова, А. И. Караевой и др.

Однако, на наш взгляд, в этом вопросе еще рано ставить точку, ибо остаются еще немало вопросов, которые ждут своего ответа. В первую очередь, это относится к материалам, которые за весь советский период так и не были опубликованы, а тем более не изучены по идеологическим соображениям. Как известно, господствовавшая тогда коммунистическая идеология в силу своего воинствующего атеистического подхода замалчивала письменные памятники и материалы, в которых была отражена религиозная тематика. С другой стороны, остаются невыясненными вопросы, связанные с общими закономерностями просветительства как явления; не исследованы до конца вопросы генетических и типологических связей между национальными версиями просветительства.

Раскрывая характер адыгского просветительства, А. Х. Хакуашев заключает следующее: «Развитие просветительского движения адыгского народа в первой половине XIX в. шло по двум направлениям. Деятели первого направления (Ш. Ногмов, Н. Шеретлук и У. Берсей) свою просветительскую деятельность строили на основе родного языка. Своей главной задачей они считали создание национальной письменности, организацию школьного дела, широкое просвещение народных масс, научную разработку актуальных проблем языка, истории и фольклор-

ра, переводы художественных произведений других народов на родной язык, развитие культуры и литературы своего народа...

Второе направление, представленное деятельностью С. Казы-Гирея, Хан-Гирея и С. Адиль-Гирея, развивалось на инонациональной основе, главным образом на русском языке...»<sup>1</sup>.

Уместно заметить, что данный вывод является очень точным и во многих отношениях соответствует картине других национальных разновидностей просветительства. Мы разделяем точку зрения М. Ш. Кунижева об «общеадыгском просветительском движении»<sup>2</sup>, но с определенными оговорками. Конечно же, этническое родство, языковое единство позволяло людям, владевшим грамотой, без труда читать и понимать содержание книг, независимо от того, кем являлся автор книги – адыгейцем, кабардинцем или черкесом. В то же время, необходимо заметить, что у адыгских народов литературы на родных языках зародились не одновременно, а на разных исторических этапах. Так, несмотря на то, что первые опыты адыгейской литературы приходятся на середину XIX в. («Букварь черкесского языка», изданный в 1853 г. в Тифлисе Умаром Берсеем), реальное развитие она получает лишь после 1917 г. Литература на черкесском языке также зарождается в 20-х гг. прошлого столетия и связана она с созданием новой письменности, выходом в свет первых буквей, учебников и хрестоматий и началом издания газеты «Черкесская жизнь»<sup>3</sup>.

Несколько иную картину мы наблюдаем в отношении зарождения кабардинской литературы. Если в Адыгее и

<sup>1</sup> Хакуашев А. Х. Адыгское просветительство. – Нальчик : Эльбрус, 1978. С. 256–257.

<sup>2</sup> Кунижев М. Ш. Адыгейская литература // Литература народов России. XX век. Словарь. – М. : Наука, 2005. С. 18.

<sup>3</sup> Темирова Р. Х. Черкесская литература // Литература народов России. XX век. Словарь. – М. : Наука, 2005. С. 324.

Черкесии предпринятые попытки по созданию письменности, изданию букварей не привели, в силу различных причин, к зарождению литературы, то в отношении Кабарды, мы имеем другой пример. Здесь указанные выше два направления просветительства удалось объединить в единое целое. Изданные К. Атажукиным, в 1865 г. «Кабардинская азбука», а затем и книги для чтения<sup>1</sup>, получили довольно широкое по тем временам распространение и, более того, дали новый импульс просветительству, позже получившему название баксанского культурного движения. «Созданные баксанскими просветителями учебники содержат передовые для своего времени идеи, – пишет Ю. М. Тхагазитов, – утверждают гуманизм, идеи патриотизма и общечеловеческого братства (общность адыгов с греками, хеттами и др.), то есть людьми разных национальностей и разных вероисповеданий, разновременных цивилизаций, общность нравственных максим, отличающихся их общечеловеческой направленностью»<sup>2</sup>.

Для наглядности продолжим обзор просветительского материала у других кавказских народов. Практически схожую картину мы видим и в отношении абазинской литературы, которая также зародилась в 20–30-х гг. XX в. Причем, первые абазинские писатели «начинали писать на черкесском языке, а с введением абазинской письменности обратились к родному языку»<sup>3</sup>.

Один из ее исследователей, В. Б. Тугов, говоря о первых шагах абазинской литературы, пишет: «Молодая литература зарождалась не только на страницах газеты, но

<sup>1</sup> Кашихожева Р. Х. Поиски и находки. Избранные статьи. – Нальчик : Эльбрус, 2000. С. 10.

<sup>2</sup> Тхагазитов Ю. М. Эволюция художественного сознания адыгов. (Опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). – Нальчик : Эльбрус, 1996. С. 108.

<sup>3</sup> Бигуаа В. А. Абазинская литература // Литература народов России. XX век. Словарь. – М. : Наука, 2005. С. 4.

и в первых букварях и учебниках. Первые автодидакты, безусловно, опирались на опыт русских авторов, но соотносили материал с бытом и жизнью своего народа, с особенностями природы, с национальным характером мышления детей. А в этом у них не было предшественников, как и не было литературных традиций. Создатели букварей, учебников и учебных пособий, строя книги на местном материале, накапливали известный литературный опыт: им приходилось прибегать к собственному творчеству или обрабатывать фольклор. Буквари и учебники

Т. Табулова почти целиком исходили из местного материала, были доступны и понятны детям...»<sup>1</sup>

При анализе культурной предыстории осетинской литературы Н. Г. Джусойты выделяет наиважнейшие факторы, способствовавшие возникновению национальной литературы. Таковыми он определяет: «распространение христианства в Осетии, создание школ для подготовки национальных кадров христианского богослужения, создание церковной переводной литературы на осетинском языке и, наконец, привлечение представителей осетинской феодальной знати на службу в русской армии. Второй ряд факторов, – продолжает он, – это распространение школьного образования (отчасти на родном языке), научный интерес к истории, языку, этнографии и фольклору осетинского народа»<sup>2</sup>.

В истории абхазского просветительства мы наблюдаем во многом сходные явления, хотя оно имеет и некоторые отличительные особенности. В 1865 г. выходит первая «Абхазская азбука», подготовленная комиссией под руководством ученого-нумизматом, лингвистом и генерала

<sup>1</sup> Тугов Б. В. Очерки истории абазинской литературы. – Черкесск : Кара-чаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1970. С. 73–74.

<sup>2</sup> Джусойты Н. Г. История осетинской литературы. В 2 книгах. Книга первая (XIX век). – Тбилиси : Мецниереба, 1980. С. 27–28.

И. А. Бартоломея, которая содержит и первые собственно литературные опыты. В 1892 г. К. Мачавариани и Д. Гулиа выпускают в свет «Абхазскую азбуку. Молитвы. 10 заповедей и Присяжный лист», в 1906 г. Ф. Эшба издает «Абхазскую азбуку и статьи для чтения и письменных работ», в 1908 г. печатается «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ», составленная А. Чукбаром и Н. Патейпой, которая переиздается в 1911 г., А. Чочуа в 1909 г. издает свою новую «Абхазскую азбуку», которая в доработанном виде переиздается в 1914 г. Данный перечень можно продолжить и дополнить и другими книгами, изданными не только на абхазском, но и на русском языке. Как видно из приведенных примеров, каждая из национальных литератур имеет свою хронологическую последовательность. Одни литературы возникают уже в XIX в., другие позже – в 20–30-х гг. XX в. При этом следует заметить, что между выходом первой книги и возникновением литературы на том или ином национальном языке, проходят различные отрезки времени. В одних случаях они не столь значительны, в других же – этот срок охватывает почти вековой промежуток.

Из обзора начального этапа «новописьменных» кавказских литератур можно сделать следующие выводы: несмотря на некоторые отличительные, специфические в каждом отдельном случае условия и особенности в указанных регионах – Абхазии, Адыгее, Кабарде, Осетии, Черкесии, – явственно выступают набирающие силы идеи просвещения. Для реализации задач, которые ставило просвещение, создаются письменность на национальных языках, азбуки, книги для чтения, переводы религиозных книг, пишутся грамматики этих языков, появляются художественные переводы (в основном для детей), записываются фольклорные произведения, появляются первые оригинальные произведения художественной литературы, также преимущественно для детей.

Теперь остановимся на материале, который публиковался в различных книгах – азбуках, хрестоматиях и пособиях для чтения. Как и подобает аналогичным изданиям, в них наряду с собственно азбучным материалом, печатались дидактические тексты, предназначенные для обучения и воспитания детей. Среди них мы находим достаточно большое количество произведений басенного жанра. Такие примеры мы встречаем в абхазской просветительской литературе, в адыгской, в осетинской, абазинской, карачаевской и т. д.

Приведем несколько примеров. По наблюдению Ш. Хута в «Букваре черкесского языка» У. Берселя опубликовано «12 басен на адыгейском языке, написанные им, а также арабские варианты 8 басен в переложении на адыгейский язык и список слов, встречающихся в первых четырех баснях»<sup>1</sup>.

Такие же примеры имеют место в осетинской литературе. Как отмечает Н. Г. Джусойты, в книгу основоположника осетинской литературы К. Хетагурова «Осетинская лира» («Ирон фандыр», 1899) вошли три басни Крылова – «Гуси», «Волк и Журавль», «Ворона и Лисица», – представляющие «вольные переложения одноименных басен Крылова»<sup>2</sup>.

Примеры переводов басен И. Крылова мы встречаем и в зарождавшейся карачаевской литературе<sup>3</sup>. Содержательные качества басни, отмеченные еще В. Белинским, – «житейская и обиходная мудрость, уроки повседневного опыта в сфере семейного и общественного быта»<sup>4</sup> – как нельзя лучше подходят образовательному процессу. И потому они неизменно являются обязательной состав-

<sup>1</sup> Хут Ш. Х. Первые шаги письменной адыгейской литературы // История адыгейской литературы : в 3 т. – Майкоп : Меоты, 1999. Т. 1. С. 163.

<sup>2</sup> Джусойты Н. Г. Указ. соч. С. 277.

<sup>3</sup> Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. – М. : Наука, 1966. С. 54.

<sup>4</sup> Белинский В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 395.

ной частью школьных учебников. Из сказанного вытекает, что младописьменные литературы свои первые шаги делали именно в связи с процессом просвещения и первые литературные произведения появлялись в книгах, предназначенных для обучения. В этой связи вряд ли можно согласиться с довольно распространенным мнением, согласно которому детская литература воспринимается как некое второстепенное явление в общелитературном процессе. Еще хуже, как верно отмечают авторы книги «Детская литература» И. Арзамасцева и С. Николаева, когда некоторые исследователи и критики, отказывают ей в праве на искусство слова, ссылаясь «на ее невысокий, по их мнению, художественный уровень»<sup>1</sup>.

Стало быть, детскую литературу в новых литературах необходимо рассматривать в качестве начального этапа национальных литератур вообще. Она стала тем основанием, на котором сумела сформироваться та или иная национальная литература, ибо, как правило, первые детские книги – это «сочинения учебного моралистического содержания: азбуки, буквари, энциклопедии, правила поведения в обществе и т. п.»<sup>2</sup>.

Следовательно, некоторая недооценка памятников детской литературы вообще и в особенности для младописьменных литератур может привести к неверному пониманию их историй, этапов и тенденций развития.

В заключении, для подтверждения данного вывода приведем известную мысль В. Г. Белинского, который, рассуждая о закономерностях осуществления того или иного национально значимого явления, писал: «О осуществление идеи в факте имеет свои непреложные законы, из которых главнейший – последовательность и постепенность.

<sup>1</sup> Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательский центр Академия, 2005. С. 17.

<sup>2</sup> Мотяшов И. П. Детская литература // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 91.

Ничто не является вдруг, ничто не рождается готовым; но все, имеющее идею своим исходным пунктом, развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве... Тот же закон существует и для искусства. У искусства есть свой вечный, – продолжает Белинский, – неизменный идеал совершенства, составляющий предмет эстетики, как науки изящного; но искусство не вдруг, а постепенно достигает своего идеала, – и история искусства есть картина моментов его развития»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 6. С. 7–8.

## О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ АБХАЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ<sup>1</sup>

Вопросы возникновения абхазской письменности и национальной художественной литературы освещались в целом ряде исследований<sup>2</sup>. В них, как и в обобщающих работах по истории абхазской литературы, последовательно утверждается мысль о том, что она «с самого начала своего зарождения творчески питалась из источников русской классической и советской литературы, училась у нее. Одним из источников, питавших абхазскую литературу, была и грузинская литература. Но главную роль в зарождении абхазской литературы сыграла сама абхазская жизнь с ее национальными традициями, песнями, сказками, легендами и преданиями»<sup>3</sup>.

Несомненно, перечисленные факторы – фольклор, русская и грузинская литературы на разных этапах, в той или иной степени сыграли определенную роль в становлении абхазской литературы. Однако, на наш взгляд, они не объясняют причину и характер появления на исторической сцене самой национальной литературы. Поскольку абхазский фольклор, русская и грузинская литературы существовали задолго до того, как появились первые

<sup>1</sup> Статья была опубликована в сборнике «Международные Ломидзевские чтения. Изучение литературы и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития». Материалы Международной конференции 28–30 ноября 2005 г., г. Москва. – М. : ИМЛИ РАН, 2008.

<sup>2</sup> См.: Делба М. К. Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулия. Сухуми: ИАК АН СССР, 1937; Бгажба Х. С. Очерки об абхазской литературе. – Сухуми : АбГИЗ, 1940; Инал-ипа Ш. Д. Из истории абхазской литературы. Издание второе, дополненное и исправленное. – Сухуми : Абгосиздат, 1961 (на абх. яз); Абхазская литература (краткий очерк). – Сухуми, 1968; Очерки истории абхазской литературы. – Сухуми : Алашара, 1974; История абхазской литературы. Книга первая. – Сухуми, 1986 (на абх. яз); Бгажба Х. С. Труды. Книга первая. Этюды и исследования. – Сухуми, 1987 и др.

<sup>3</sup> Очерки истории абхазской литературы. – Сухуми : Алашара, 1974. С. 3–4.

литературные произведения индивидуальных авторов на абхазском языке, но тогда они никак не стимулировали ее зарождение.

По этому поводу В. В. Кожинов отмечал, что «литература и фольклор – разные стихии. Они могут развиваться в теснейшем взаимодействии, но могут иметь и более или менее независимое развитие. И уж, во всяком случае, устное народное творчество не может непосредственно “превратиться” в литературу»<sup>1</sup>.

Исходя из такой аргументации, перечисленные факторы могли стать питательной почвой лишь тогда, когда появились более или менее подходящие историко-культурные условия для возникновения абхазской художественной литературы. В этом смысле наиважнейшим шагом в зарождении абхазской литературы следует считать создание самой абхазской письменности в начале 60-х гг. XIX столетия. Это было изначальным и необходимым условием появления и литературы.

Закономерно, что становление абхазской литературы сопровождалось процессом просвещения масс, созданием образовательных учреждений – церковно-приходских школ и светских учебных заведений. Процесс этот протекал далеко не безболезненно, поскольку проходил в условиях политической нестабильности и сложнейших общественно-политических отношений между кавказскими народами и двумя державами – Россией и Турцией. Но даже, несмотря на такие объективные препятствия, образование среди абхазского населения постепенно набирало силу, число овладевших грамотой увеличивалось. О том, что книги П. Услара и особенно И. Бартоломея непосредственно сыграли в этом процессе исключительную роль, говорят выявленные и опубликованные А. П. Дудко

---

<sup>1</sup> Кожинов В. В. Современная жизнь традиций. Размышления об абхазской литературе // Дружба народов, 1977. № 4. С. 251.

архивные документы. Он, в частности, пишет, что «некоторые ученики как Окумской, так и других Самурзаканских школ, знающие абхазский язык, выучились читать и писать по-абхазски и свободно рассказывают содержание статей, помещенных в абхазском букваре. В остальной части Абхазии также изучался детьми абхазский язык. В том же отчете указывается, – продолжает А. Дудко, – что в школах остальной Абхазии дети читают по-русски и по-абхазски, и что они изучали абхазскую и русскую азбуку»<sup>1</sup>.

Поскольку речь идет о 80-х гг. XIX в., то очевидно, что А. Дудко имел в виду именно азбуку, созданную комиссией И. Бартоломея, ибо другой абхазской азбуки не было. Поэтому, когда говорим о зарождении абхазской литературы, отправной точкой являются книги П. Услара и И. Бартоломея, ибо без них невозможно представить какое-либо дальнейшее усовершенствование абхазской письменности и продвижение на пути к созданию абхазской художественной литературы.

В своей работе «Пути развития абхазской детской литературы во взаимодействии с русской советской детской литературой» Д. С. Джинджолиа справедливо пишет об основоположнике абхазской литературы Д. И. Гулиа: «Начиная с юношеских лет, работая преподавателем абхазского языка, создавая для детей стихи, рассказы, он, по сути, становится детским писателем раньше, чем автором книг для взрослого читателя»<sup>2</sup>.

Стало быть, говоря о начальном этапе абхазской литературы, необходимо учитывать и те детские произведения Д. И. Гулиа, которые он печатал в различных школьных учебниках еще до выхода в свет его первого сборника стихов в 1912 г.

<sup>1</sup> Дудко А. П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.). – Сухуми : Абгосиздат, 1956. С. 54–55.

<sup>2</sup> Джинджолиа Д. С. Пути развития абхазской детской литературы во взаимодействии с русской советской детской литературой. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1991. С. 9.

Об этом еще раньше писал и Г. А. Дзидзария: «... стихи основоположника абхазской литературы впервые увидели свет не в 1912 году, когда вышел его сборник стихов, как это долго утверждалось, а гораздо раньше»<sup>1</sup>. На первых публикациях Д. Гулиа мы подробнее остановимся ниже. Вместе с тем необходимо сказать и о том, что произведения для детей писались и переводились на абхазский язык преимущественно из русской литературы и другими деятелями – А. Чукбар, Н. Патейпа, Д. Ладария и др.

Здесь вполне уместно вспомнить следующие слова В. Шкловского: «Очень часто новая литература притворяется детской литературой»<sup>2</sup>. Для подтверждения верности этого наблюдения обратимся к «Абхазскому букварю», составленному под руководством И. Бартоломея. Анализируя его структуру, Х. С. Бгажба писал: «“Абхазский букварь” И. Бартоломея, составленный на трех языках (абхазском, русском и грузинском), не походит на обычные буквари. Он не иллюстрирован, буквы последовательно не изучаются. Сначала даются краткие сведения о произношении собственно абхазских согласных. Затем идет лексический материал из односложных, двусложных, трехсложных и многосложных слов, материал для чтения: фразы, легкие детские рассказы, басни и небольшие извлечения из ветхозаветной книги»<sup>3</sup>.

Как видим, первые произведения абхазской литературы были переводными. Однако, при этом никем из исследователей не было сделано попытки более детального анализа этих произведений.

Абхазская литература зарождалась в трех ипостасях: как переводная, как детская и как религиозно-христианская. Все перечисленные факторы взаимообусловлены и внутренне взаимосвязаны. Именно в таком синкретиз-

<sup>1</sup> Дзидзария Г. А. Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции. – Сухуми, 1979. С. 199.

<sup>2</sup> Шкловский В. Б. О теории прозы. – М. : Советский писатель, 1983. С. 315.

<sup>3</sup> Бгажба Х. С. Указ. соч. С. 23.

ме литература прошла свой более чем полувековой путь (1860–1910-е), целенаправленно преодолевая отставание в деле просвещения абхазского общества. И анализ начального этапа абхазской детской литературы наглядно свидетельствует о том, что такое значительное в жизни народа событие, каким является рождение национальной литературы, не может быть случайным и внезапным. Это – исторически обусловленное явление, результат подвижнической работы определенной группы людей, которые осознали значимость просвещения для своего народа.

В небольшом предисловии к «Абхазскому букварю», написанном руководителем комиссии И. Бартоломеем, дана краткая справка об истории его создания и названы имена тех, кто был причастен к его составлению. Он пишет: «Букварь этот составлен в 1862 г. комиссией, состоявшей под председательством моим из членов: Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Тригорова, при содействии природных абхазцев: священника Иоанна Гегия, прапорщика Георгия Курцикдзе и дворянина Симеона Эшба. Абхазский текст пересмотрен и исправлен в 1865 г. князем Константином Георгиевичем Шервашидзе, а в 1864 г. князем Григорием Александровичем Шервашидзе, по предложению которых, бзыбское произношение, сначала принятое в букваре, заменено общеабхазским. Причем, комиссия пришла к убеждению, что составленная генерал-майором Усларом азбука более соответствует точному выражению абхазского языка, чем первоначально составленная самой комиссией»<sup>1</sup>.

Как видим, в данном пояснении нет ни слова о структуре букваря, о том, откуда переведены художественные произведения и кто является автором назидательных статей и рассказов о пользе образования, помещенных в нем. Между тем, они занимают заметное место – 51 страницу

<sup>1</sup> Абхазский букварь. Апшшәа нбан. Составлен под руководством И. Бартоломея. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1865. С. 1.

из 188 страниц книги. Здесь напечатаны два дидактических рассказа и две статьи, 14 переводных произведений и 4 наставления христианско-религиозного толка. Дидактические рассказы, статьи и нравоучительные наставления не озаглавлены, тогда как каждое из переводных произведений имеет заглавие.

Рассказы и статьи повествуют о практической пользе и необходимости учебы, объясняют, как должен вести себя ученик в различных местах, как он должен относиться к своей первой задаче – учебе. Первые два рассказа имеют признаки художественного повествования: они сюжетны и содержат диалог между персонажами.

Следующие за этими маленькими рассказами статьи непосредственно обращены к учащимся. В этих наставлениях, в деталях дано описание поведения примерного учащегося: как собираться в школу, какие принадлежности необходимо брать с собой, в каком виде они должны быть, как надо обращаться с книгами. Также дается совет ученикам – начинать свой день с молитвы, обращенной к Богу, чтобы Он увеличил их познания, и т. п. То есть эти статьи затрагивают практические вопросы, начиная от гигиены, педагогики и до духовных потребностей и, таким образом, служат своеобразным сводом правил поведения, которые должен соблюдать учащийся.

Следующая часть книги состоит из переводов на абхазский язык произведений русской литературы. В ней мы встречаем такие произведения, как: «Бедняк», «Лягушка и Бык», «Орел и Куры», «Барс и Медведь», «Орел и Крот», «Хозяин и Собака», «Муха и Пчела», «Хвастливый заяц», «Орех и Арбуз», «Маленький вор», «Маленький лгун», «Добрый сын», «Нерадение», «Бедный мальчик».

Примечательно, что ни в одном случае не указан автор переводимого произведения. Но подобные явления в школьных книгах были скорее характерными, нежели

исключением. Причина этого, на наш взгляд, кроется в стремлении составителей книг не загромождать учебный материал перечнем имен и фамилий, поскольку целью этих книг было – дать азы для усвоения навыков чтения. И для достижения этой цели составители таких учебников пренебрегали понятием авторского права.

Нами установлено, что 7 из 14 перечисленных выше произведений являются переводами басен И. А. Крылова. Это – «Фортуна и Нищий», «Лягушка и Вол», «Заяц на ловле», «Собака», «Орел и Куры», «Орел и Крот», «Муха и Пчела». При переводе названия первых четырех произведений были изменены соответственно на – «Бедняк», «Лягушка и Бык», «Хвастливый заяц», «Хозяин и Собака». Изменения в заглавиях обусловлены стремлением переводчиков облегчить усвоение содержания произведений учащимися.

Не случаен сам факт обращения составителей и переводчиков произведений для азбуки к басням И. Крылова. Такие содержательно-формальные качества, какими обладают большинство его басен, как поучительность, познавательность при незамысловатости сюжета, сделали их подлинно хрестоматийными. Причем включение басен Крылова или же использование их в виде изложения сюжетной линии в прозе характерно было и для русской педагогики того периода. В частности, мы встречаем их в большом количестве в книгах К. Д. Ушинского, азбуке и книгах для чтения Л. Н. Толстого.

Характерной особенностью перевода на абхазский язык встречающихся в «Абхазской азбуке» 1865 г. басен И. Крылова является то, что они осуществлены исключительно в прозаической форме. Это важно еще и потому, что этим фактом опровергается принятие до сих пор положение о том, что абхазская литература начинается якобы с поэзии.

На самом же деле, среди произведений, которые содержатся в различных школьных учебниках до 1906 г., мы не встречаем ни одного стихотворного. Исключение составляют лишь два стихотворения, опубликованные в изданной в 1906 г. «Абхазской азбуке и статьях для чтения и письменных работ». Первое стихотворение «Птичка» является переводом детского стиха В. Жуковского, другое – «Что у тебя?», скорее всего, также является переводным, поскольку имеется и русский текст, хотя источник нам не удалось установить. Мы полагаем, что появление на начальном пути зарождения национальной литературы именно прозаической формы имеет свое обоснование. При всем богатстве и жанровом разнообразии абхазского фольклора самым распространенным все-таки был жанр устного рассказа. Объясняется это тем, что «устный рассказ быстро и оперативно откликается на актуальные с точки зрения народа темы и события» и при этом он «не претендует на художественное обобщение»<sup>1</sup>.

Поэтому и переводимые с русского языка произведения, будь то литературная басня или произведения церковно-учительной литературы, излагались в форме рассказа, по стилю очень близкого к устному. Данный вывод позволяет устраниТЬ, как было уже сказано, широко распространенное мнение о первичности стихотворной, поэтической формы на начальном этапе абхазской литературы.

Что касается возникновения поэтической формы в абхазской литературе, то очевидно, что авторы первых стихотворений «стремились к некоторой необычности и нестандартности по отношению к ораторской и разговорной речи»<sup>2</sup>. Иначе говоря, стихотворная форма в оригинальных произведениях абхазской литературы появляется как своего рода оппозиция по отношению к прозе.

<sup>1</sup> Зухба С. Л. Типология абхазской несказочной прозы. – Майкоп : Меты, 1995. С. 291, 193.

<sup>2</sup> Авидзба В. Ш. Абхазский роман. – Сухум : Алашара, 1997. С. 32

А до этого исторического момента литературная работа на абхазском языке шла почти исключительно в форме прозы, и она должна была проделать еще длинный, почти полувековой путь своего созревания.

В 1892 г. К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа издают книгу под названием «Абхазская азбука. Молитвы, 10 заповедей и присяжный лист». В кратком предисловии к книге, сделанном ее авторами, мы читаем: «По мере знакомства ученика с буквами, мы даем для письма и чтения сначала отдельные слова, затем фразы, потом употребительнейшие пословицы и поговорки, и, наконец, цельные рассказы. Молитвы дадут прекрасный материал для чтения и научат абхазских детей молиться Богу на их родном языке»<sup>1</sup>.

В этой книге напечатаны четыре «рассказа-миниатюры», которые подробно рассмотрены в упоминавшейся выше диссертационной работе Д. С. Джинджолиа. Правда, при этом она, указывая на их источники, утверждает, что рассказ о мальчике, попросившем отца купить очки, а в ответ получившем букварь, взят из книги Я. Гогебашвили (1876). Трудно, с абсолютной точностью определить, откуда взят сюжет этого рассказа, но необходимо отметить, что он встречается под названием «Детские очки» в книге К. Д. Ушинского «Вторая после азбуки книга для чтения», изданной в 1864 г. То есть, педагогические книги К. Ушинского увидели свет задолго до появления грузинского букваря Я. Гогебашвили, и потому нельзя исключить возможности того, что данный рассказ был переведен из книги Ушинского.

В основе сюжета другого рассказа – о змее, которая пожелала жить вместе с крестьянином, но была им убита, – безусловно, лежит басня И. Крылова «Крестьянин и Змей». Рассказы эти невелики по объему, состоят из 3–5

---

<sup>1</sup> Абхазская азбука. Молитвы, 10 заповедей и присяжный лист. Составлен К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулия. – Тифлис, 1892. С. 1.

предложений и повествуют об одном событии. Иногда это описание произошедшего факта, иногда – диалог двух персонажей. Тексты дидактичны и развлекательны.

В 1906 г. издается «Абхазская азбука и статьи для чтения и письменных работ». В книге не указаны авторы. «Первый ее раздел состоит из первой части букваря Мачавариани и Гулиа (1–25 с.), а второй – из маленьких статей, предназначенных для чтения и письменных работ (25–59 с.), составленных Ф. Х. Эшбой»<sup>1</sup>. О том, что в качестве соавтора этой азбуки, а именно составителем и автором рассказов и статей, помещенных в книге, был один из пионеров абхазского просвещения Ф. Х. Эшба, указывает и Г. А. Дзидзария<sup>2</sup>.

В этой азбуке опубликовано 19 произведений, которые могут быть отнесены к детской художественной литературе. Два из них «Что у тебя?» и «Птичка» – первые известные нам публикации произведений в стихотворной форме. Остальные 17 произведений – это детские рассказы. С большой долей вероятности можно утверждать, что рассказы «В школе и дома», «Горшок котлу не товарищ», «Спор животных» взяты из учебников К. Д. Ушинского, а «Добрый Ваня», «Семь прутьев» и «Лгун» – из книг для чтения Л. Н. Толстого, наконец, «Хвастливый заяц» и «Муха и Пчела» являются баснями И. А. Крылова, но взяты они из «Абхазской азбуки» 1865 г.

Относительно качества переводов произведений, взятых из книг К. Ушинского и Л. Толстого, можно сказать, что они осуществлены достаточно вольно: изменены имена героев, сокращен текст и упрощен сюжет и т. д. В этой же азбуке мы также встречаем уже упоминавшиеся два рассказа-миниатюры из азбуки К. Мачавариани и Д. Гулиа.

<sup>1</sup> Конджария В. Х. Из истории развития абхазского литературного языка. – Сухуми : Алашара, 1984. С. 9.

<sup>2</sup> Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 110.

Следующая книга, в которой были опубликованы переводные и оригинальные произведения, вышла в 1908 г. в Тифлисе под названием «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ» («Апсуса шәкәы апсуаа рышколқәа рзы»), изданная Управлением Кавказского учебного округа. К сожалению, не удалось обнаружить первое издание этой книги, и потому мы пользуемся вторым изданием, вышедшим в 1911 г. Но поскольку оно сопровождено предисловием к первому изданию, мы можем говорить о том, что содержательная часть второго издания не претерпела какие-либо изменения.

Стоит несколько подробнее остановиться на предисловии, которое несет необходимую информацию о целях, структуре книги и источниках публикуемых в ней произведений.

Так, составители учебника ставили перед собой следующие задачи: «Прежде всего дать учащимся в начальных училищах Абхазии материал, на котором они совершенствовались бы в беглости, выразительности и сознательности чтения.., во-вторых, возбудить в народе интерес к школьному обучению... и, в-третьих, наконец, сообщить через посредство книжки полезные и необходимые для жизни сведения...»<sup>1</sup>.

В данном учебнике, в отличие от предшествовавших, не были включены параллельные тексты на русском языке. Это говорит о том, что в функционировавших абхазских церковно-приходских и земских начальных школах преподавали учителя абхазы, для которых не было необходимости иметь перевод текстов внутри одной книги, поскольку они могли для сравнения использовать оригиналы учебных пособий, откуда они были переведены. Подтверждением тому может служить выход в свет учеб-

---

<sup>1</sup> Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ. 2-е издание. Составлен А. Чукбарам и Н. Патейпа. – Тифлис : Типография Канцелярии Его Императорского Величества на Кавказе, 1911. С. 2.

ника на русском языке под названием «Родная жизнь. Книга для чтения в старших отделениях начальных школ, в которых обучаются дети абхазцы», составленного С. А. Алферовым и А. И. Чукбарам. В этой книге «кроме ряда произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Жуковского, Никитина, Ушинского и др. (всего 23), почти весь остальной материал (84 статьи), значительная часть которого написана А. И. Чукбарам, составлен на местном материале»<sup>1</sup>.

Несмотря на то, что на титульном листе книги не указаны фамилии составителей, доподлинно известно, что ими являлись А. И. Чукбар и Н. С. Патейпа. Подтверждением служит то обстоятельство, что перевод и изложение в обработке большинства произведений на абхазском языке осуществлено ими. На это есть указание в оглавлении, где название каждого произведения сопровождено фамилией автора, или переводчика. Ими также написаны и некоторые оригинальные произведения. Добавим к сказанному, что составители как переведенные, так и оригинальные произведения определяют термином «статья». Мы же в своем обзоре, квалифицируя их жанровую природу, исходим из наличия или отсутствия элементов художественности – наличия вымышленных героев, их диалогов, сюжета и т. д.

Всего в книге опубликовано 69 произведений различных жанров. Переводы принадлежат перу А. Чукбара (29 произведений) и Н. Патейпа (26 произведений). Фольклорные сказания записаны братом Д. И. Гулиа – Иваном Гулиа (2 сказки). Что касается оригинальных произведений, то они написаны Д. Гулиа – 3 стихотворения и 3 детских рассказа, Н. Патейпа и Д. Ладарии по одному рассказу и две статьи написаны Д. Т. Мааном.

Как и в предыдущих книгах подобного типа, мы и здесь сталкиваемся с большим количеством переведенных про-

<sup>1</sup> Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 199.

изведений, взятых не только из указанных в предисловии книг, но также из книги К. Д. Ушинского. В числе переведенных произведений встречаются басни И. Крылова «Зеркало и Обезьяна», «Волк и Ягненок», «Две бочки», «Волк и Кот», «Свинья под дубом». Переводы некоторых из них – «На Мышку и Кошку зверь», «Зеркало и Обезьяна», «Волк и Кот», «Свинья под дубом», осуществлены в стихотворной, поэтической форме. Нельзя не согласиться с оценкой, которую дал Г. А. Дзидзария качеству перевода этих произведений. Он пишет: «Это – первый профессиональный перевод на абхазский язык стихов великого баснописца»<sup>1</sup>.

Если ранее мы встречали переводы басен И. Крылова исключительно в прозаической форме, то здесь впервые имеем уже стихотворную форму, которая соответствовала оригиналу. Несомненно, что это является новой для создававшейся литературы ступенью.

В то же время в этой книге опубликованы первые оригинальные стихи Д. И. Гулиа «Весна», «Двое не могли идти, третий не догонял», «Какое милое существо!», его же рассказы «Необходимо учиться», «Неученый сын», «Как жить», а также рассказы Н. Патейпа «Шелководство» и Д. Ладария «Хорошее вино».

Последние произведения представляют собой развернутое повествование. И хотя в них явственно проступает публицистическое начало, элементы художественности также налицо. В них действуют вымышленные герои, которые рассуждают о преимуществах просвещения, новых, имеющих утилитарное значение видов деятельности, о принципиально ином отношении к ведению домашнего хозяйства. Тем не менее, есть основания признать эти произведения художественными, ибо они являются плодом вымысла авторов. Эти произведения по своей жанровой

---

<sup>1</sup> Там же. С. 199.

принадлежности занимают некое промежуточное положение между рассказом и очерком. В них обнаруживается и образное отражение современной авторам действительности в сочетании с попыткой публицистического описания некоторых нравов общества.

Следующей книгой, в которой были опубликованы литературные произведения, была «Абхазская азбука» («Аҧсуа нбан») А. М. Чочуа, изданная в Тифлисе в 1909 г. В азбуке было напечатано 6 дидактических рассказов: «Лгун», «Кадыр на дереве», «Отец и сыновья», «Хвастливый чурек», «Собака», «Два мальчика». Помимо них, в книге также размещены миниатюры «Старик и садовник» и «Детские очки». Источником перевода рассказов «Лгун» и «Отец и сыновья» послужили произведения, помещенные в толстовских книгах для чтения.

Таким образом, до выхода в свет первого поэтического сборника Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки» в 1912 г. в различных азбуках и других школьных учебниках было опубликовано свыше ста детских произведений. Они послужили тем фундаментом, на котором выросла абхазская литература, и потому очень важно сделать более детальный анализ литературного процесса в этот период. Наряду с этим был осуществлен перевод целого ряда христианских книг, которые также требуют специального изучения. Это даст возможность определить движущие силы и характер развития абхазской литературы на начальном этапе ее развития.

## М. ХАШБА: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА<sup>1</sup>

*Единственным абхазским писателем, чье литературное творчество хронологически совпадает с советской эпохой, пожалуй, был М. Л. Хашба. Его литературный дебют приходится на конец 1910-х гг. и завершается в начале 90-х гг. прошлого столетия. Он был свидетелем и участником многих исторических событий советской эпохи, ставших переломными. В его творчестве в той или иной степени отразилась суть происходивших преобразований: социально-экономической, идеологической, культурной, нравственной и т. д. Поэтому исследование его жизненного пути и творческого наследия представляет несомненный интерес.*

Мушни Лаврентьевич Хашба родился 23 апреля (по старому стилю) 1903 г. в селе Пакуаш Кодорского участка (ныне Очамчырский район) Абхазии. В 1911 г. он был принят в местную церковно-приходскую школу. В те времена в этом учебном заведении работали известные во всей Абхазии педагоги, снискавшие славу народных учителей: П. Чарая, А. Чкотуа, Т. Хашба, М. Кецбая и др. Это обстоятельство, как впоследствии будет отмечено будущим писателем, самым благоприятным образом отразилось на успешном приобретении навыков свободно читать и писать на родном – абхазском и на русском языках. Свидетельством качественного обучения учащихся в Пакуашской церковно-приходской школе может служить то, что многие ее выпускники смогли продолжить свое образование, а некоторые из них пробовали свои силы и на

<sup>1</sup> Статья опубликована в сборнике «Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор» По материалам Международной научной конференции. 22–26 октября 2003 г., Республика Абхазия, г. Сухум. – Сухум : АБИГИ, 2012.

литературной ниве. Они публиковали в газете «Апсны» различные материалы: публицистические статьи, корреспонденции, стихотворения, короткие рассказы, записи фольклорных произведений. Поскольку имена этих авторов забыты, или почти забыты, считаем уместным хотя бы перечислить их. Это – Омар Чачаа, Моисей Булиа, Теда Хашба, Михаил Логуа, Михаил Салия, Мария Чачхалиа, Бабочка Хашба (младшая сестра М. Л. Хашбы), Матрона Цурцумия, Михаил Кучберия, Ольга Хашба и др. Наряду с работой, непосредственно связанной с обучением учащихся, в школе организовывались и другие культурные мероприятия, на которые приглашалось и взрослое население села. Об одном из таких мероприятий писала газета «Сотрудник закавказской миссии». В статье «Школьный вечер в Поквешах» читаем: «Приглашенные на вечер начали собираться с 4-х часов дня. К шести часам школьное здание было уже полно народом, и начался вечер. Вечер открыт был пением народного гимна “Боже Царя Храни”, который присутствовавшие выслушали стоя. Во время исполнения гимна в волшебном фонаре были показаны портреты Их Императорских Величеств. Затем последовало исполнение религиозно-нравственного отделения вечера. Учениками старшего отделения школы были прочитаны и переданы народу на абхазском языке сопровождаемые показыванием соответствующих картин истории: о жизни первых людей в раю, об изгнании их из рая, история Иосифа, Рождество Христово, Крещение Господне, Страдания Господа Иисуса Христа, Воскресение и Вознесение Его. Затем были прочитаны в лицах и в одиночестве детьми следующие стихотворения и басни: “Дружно” (стих, читано в лицах), “Любящий отец” (в лицах), “Вечерняя заря весною”, “Моя родина” (статья), “Грамотей” (в лицах), “Птичка”, “Осиротелая птичка” (в лицах), “Лебедь, Щука и Рак” (в лицах), “Песня земледельца”, “Песня птички”

(в лицах), “Шоссе и проселок”; затем в лицах: “Мать и дети”, “Волк и Журавль”, “Пойманная птичка”, “Крестьянин и Работник”, “Стрекоза и Муравей”, “Квартет”, “Котик и Петушок”, “Любопытный”. На абхазском языке прочитаны были в лицах басни: “Волк и Ягненок”, “Козленок, Ягненок и Теленок”, “Зеркало и Обезьяна”, “Волк и Кот”, “Один идет, а другой за ним” (абхазская сказка). Особенное внимание присутствовавших в этом отделении привлекли басни: “Крестьянин и Работник”, “Котик и Петушок”, “Волк и Ягненок”, “Козленок, Ягненок и Теленок”. При чтении этих басен и рассказов присутствовавшие не могли удержаться от смеха, на всех лицах выражалось искреннее удовольствие. Вечер закончился вторичным пением народного гимна<sup>1</sup>.

О том, что описанное выше событие не было единственным, а носило систематический характер, писал позже в своих мемуарах и сам писатель. «По инициативе Петра Чарая, здесь (в школе. – В. А.) изначально был организован литературный кружок, куда была вовлечена вся школа. В этом кружке силами учеников проводились литературные утренники. Во время их проведения часто инсценировались басни И. А. Крылова “Волк и Кот”, “Обезьяна и Очки”, “Волк на пасарне”, “Квартет” и т. д. В инсценировках участвовали, как правило, все учащиеся, которые исполняли одну-две роли. Не было случая, чтоб кто-либо из нас оставался без поручения, не занятый ничем»<sup>2</sup>.

Мушни Хашба проходил «свои университеты» в период, когда абхазские школы начинали снабжаться различными учебниками и учебными пособиями. В них, наряду с оригинальными произведениями детской литературы, большое место занимали произведения для детей, напи-

<sup>1</sup> Ст. А. Школьный вечер в Поквешах // Сотрудник Закавказской миссии. 1913. № 7, 1 апреля. С. 109.

<sup>2</sup> Хашба М. Л. В дни весенние. Воспоминания. Издание второе, дополненное. – Сухуми : Алашара, 1977. С. 14 (на абх. яз.).

санные выдающимися русскими писателями. В ту пору чаще других на абхазский язык переводились произведения детской литературы из «Новой Азбуки» Л. Н. Толстого, «Родного слова» К. Д. Ушинского и других учебных пособий, а также басни И. А. Крылова.

К примеру в учебнике «Книга для чтения для абхазских училищ», мы встречаем басни И. Крылова: «Зеркало и Обезьяна», «Волк и Кот», «Свинья под дубом» в переводе А. Чукбара, «Волк и Ягненок», «Две бочки» в переводе Д. Ладария, «На Мышку и Кошку зверь» в переводе Н. Патейпа и др., а также короткие рассказы: «Прохожий», «Скворец», «Богач и Бедняк» и т.д. в переводах тех же авторов. Это – наглядное свидетельство того, как русская литература оказывала существенное и благотворное влияние на становление молодой абхазской литературы, в том числе и на раннее творчество самого М. Хашба. Характер этого влияния был обусловлен дидактической, нравоучительной направленностью переводимых произведений. Абхазская литература на заре своего возникновения играла прикладную просветительскую роль, выполняя педагогические, воспитательные функции. Это исходило из самой потребности развития школьного образования. То есть, из необходимости создания учебников для абхазских школ и соответственно – создания произведений для детей, продиктованного самой исторической реальностью. Стало быть, доминирующей ее функцией была воспитательная. И это как раз тот случай, когда меткое наблюдение В. Шкловского о том, что «очень часто новая литература притворяется детской литературой»<sup>1</sup>, находит свое подтверждение.

М. Хашба был любознательным учеником. Он живо и легко схватывал все новшества, которые он получал в

---

<sup>1</sup> Шкловский В. Б. О теории прозы. – М. : Советский писатель, 1983. С. 315.

тех учебных заведениях, где обучался. Между тем времена были нелегкие, и не раз над юношой надвигалась опасность вынужденного отлучения от учебы. Тем более, что отец М. Хашба умер рано (1917), когда мальчику шел пятнадцатый год. На плечи матери полностью легли заботы, связанные с воспитанием и обучением детей (в семье их было четверо).

В 1915 г. М. Хашба поступает в Очамчирское высшее начальное училище. Годы учебы в училище совпали с суровыми годами Первой мировой войны. Война ухудшила экономическое положение гражданского населения. И М. Хашба в 1917 г. пришлось на некоторое время прервать учебу из-за материальных затруднений. Мать не смогла обеспечить его школьной формой (а отец мальчика в это время был арестован царскими чиновниками). Его спасла свершившаяся в России революция, после которой ему удалось окончить училище и в 1918 г. поступить в Сухумскую учительскую семинарию. Здесь он оказывается в кругу будущих писателей – И. Когония, И. Папаскир, Д. Дарсалиа и др. А преподавали в семинарии известнейшие педагоги того времени во главе с Д. И. Гулиа, который прививал семинаристам интерес к художественному слову, к литературе. В разные годы в семинарии работали также Г. Барач, С. П. Басария, П. С. Шакрыл.

В 1918–1921 гг. в Абхазии господствовала грузинская меньшевистская власть, которая оккупировала страну и проводила националистическую политику. В этой связи необходимо напомнить о том, что в г. Сухуме учительская семинария в то время была одним из немногих, если не единственным учебным заведением, в котором могли обучаться абхазские дети, а прославленная Горская школа была закрыта. Несмотря на неволю, в которой находился абхазский народ, молодые семинаристы с оптимизмом смотрели на его будущее. Этот оптимизм заключался в

участии и осуществлении многих начинаний, которые противостояли силам, стремившимся подавить волю народа. Одним из таких направлений было обращение к литературному творчеству. Семинаристами был создан литературный кружок, в котором они знакомились с произведениями друг друга и лучшие, на их взгляд, стихотворения и рассказы печатались в издаваемом рукописном журнале «Утренняя звезда». Именно в эти годы и начал писать свои первые произведения М. Хашба. Начал он свой путь в литературу с поэзии. Ранние его стихи представляли собой переложения из абхазского фольклора, зачастую подражание произведениям писателей старшего поколения (Д. Гулиа, С. Чанба), или же – являлись вольными переводами из русской литературы (И. А. Крылов).

Будучи 16-летним юношей-семинаристом, М. Хашба публикует свое первое стихотворение в издававшейся тогда абхазской газете «Апсны» (№ 21) под названием «Абхазы». Всего в вышедших 85 номерах этой газеты (выходила с 1919 по 1921 гг.) М. Хашбой опубликовано пятнадцать стихотворений, один рассказ, две статьи, одна пьеса и одно записанное им фольклорное произведение.

После установления советской власти объективно улучшились дела в сфере образования. Новая власть для укрепления своей идеологии была заинтересована в том, чтобы широкие массы овладели грамотой. В 1923 г. М. Хашба закончил учебу в семинарии и в том же году берется за весьма ответственное дело – на некоторое время, становится редактором абхазской газеты «Апсны капш» («Красная Абхазия»). Проработав в этом качестве более года, проявив при этом незаурядные способности журналиста, он направляется руководством Абхазии на учебу в Москву, в Государственный институт журналистики. Он обучался в этом высшем учебном заведении с 1924 по 1927 г. Находясь в столице, М. Хашба оказался под впечатлением масштабных

революционных преобразований, и неудивительно, что он безоговорочно принял идеи революции. Конечно же, годы, проведенные в Москве, стали для молодого журналиста и писателя годами возмужания и профессиональной зрелости. Тогда в институте с ним учились молодые поэты Иосиф Уткин, Иван Молчанов; журналисты Павел Мануйлов и Петр Белянский, которые позднее стали известными всей стране. В Москве будущий писатель штудирует труды властителей дум эпохи – классиков марксизма-ленинизма, что, несомненно, повлияло на эволюцию его взглядов и умонастроение, которые были им приобретены в условиях Абхазии. Заметное влияние марксизма, приверженность к идее социализма и материалистическое понимание истории отчетливо чувствуется во всем дальнейшем творчестве М. Хашба. В его художественных произведениях и публицистических статьях уже не встретишь тему, посвященную богу, что имело место в некоторых ранних произведениях. Можно с уверенностью утверждать, что именно здесь завершается процесс формирования общественно-политических взглядов писателя.

Завершив учебу в ГИЖе, М. Хашба возвращается в Абхазию; он вновь начинает работать в газете «Апсны капш», занимая должности заместителя редактора (1927–1932), затем ответственного редактора (с 1932).

Журналистская деятельность М. Л. Хашба заслуживает самой высокой оценки. Помимо привычной, повседневной работы редактора он неустанно занимался вопросами создания и укрепления материально-технической базы издательства. В частности, благодаря его усилиям был получен линотип, на котором установили абхазскую клавиатуру. Эту сторону деятельности М. Хашба затрагивает в своей книге один из его сподвижников и коллег М. С. Шалашников, который в 30-х гг. прошлого века долгое время редактировал газету «Советская Абхазия».

Он вспоминает: «Обычно встречи происходили в кабинете тогдашнего ответственного редактора газеты “Апсны капш” Мушни Лаврентьевича Хашба. Хашба звонил мне и говорил: “Заходи, Миха! У меня сидят Самсон Яковлевич Чанба и Дмитрий Иосифович Гулиа”. Я торопился повидать уважаемых товарищей, потому что всегда дорожил их советами. Одна из таких встреч запомнилась особенно... Поводом для встречи послужило то, что М. Хашба получил из Москвы первые матрицы абхазского шрифта для линотипа. Это было знаменательное событие не только в истории абхазской полиграфии, но и всей духовной жизни республики»<sup>1</sup>.

Подтверждением значимых достижений М. Хашба в этой области служит и оценка, данная Ш. Д. Инал-ипа, который отмечает: «Исключительны заслуги М. Л. Хашба в расширении, модернизации и совершенствовании полиграфической базы в нашей республике. Его пытливому уму и изобретательности мы обязаны преодолением многих препятствий на пути к механизации набора абхазского текста. Ценой больших усилий ему удалось приобрести «умную», весьма дорогую и сложную наборную машину-линотип»<sup>2</sup>.

Журналистикой М. Хашба занимался практически на протяжении всей своей активной деятельности. До 1945 г. он являлся бессменным ответственным редактором газеты, затем редактором журналов «Алашара» (1955–1963) и «Амцабз» (1957–1975). Он также являлся инициатором многих литературных периодических изданий, выходивших в 20–30-х гг. Это и поэтические сборники «Созвездие», и литературно-художественный журнал «Апсны капш».

<sup>1</sup> Шалашников М. С. Потомки Абрскила. Воспоминания. Издание 2-е, дополненное. – Сухуми : Алашара, 1986. С. 55.

<sup>2</sup> Инал-ипа Ш. Д. Страницы абхазской литературы. (Статьи, очерки, выступления). – Сухуми : Алашара, 1980. С. 173.

Другой важной стороной биографии М. Л. Хашба являлась работа на важных государственных постах. С 1928 г. он входил в состав ЦИКа Абхазии; в 1938–1957-х гг. был секретарем Президиума Верховного Совета Абхазии, а в 1963–1971-м – председателем Верховного Совета Абхазии. М. Л. Хашба по совместной работе хорошо знал многих государственных деятелей и представителей творческой интеллигенции той поры: Н. А. Лакоба, А. М. Чочуа, Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, С. П. Басария и мн. др.

При всей многогранности деятельности М. Л. Хашба, основным делом его жизни можно считать литературу, ибо именно в этой сфере он проявил себя и свой талант наиболее полно. После упомянутых выше публикаций М. Хашба в 1924 г. издает бытовую комедию «Коротание ночи», а в конце 20-х гг. публикует свои рассказы. Появление этих произведений придало новый импульс развитию абхазской литературы, особенно прозы. Нужно сказать, что именно в малой прозе созданы самые значительные произведения писателя. В наследии М. Хашбы нет произведений, относящихся к крупным эпическим жанрам – повести и роману, хотя более поздние его произведения – авторские сказки – зачастую достигают до ста и более страниц.

В абхазской литературе стал заметным событием выход ранних рассказов М. Хашбы. В 1928 г. в серии библиотечки газеты «Апсны капш» был издан рассказ «Расскажи-ка, писарь, что это за кампания», а на следующий год сборник «Алло», куда, помимо этого произведения, вошли однотипный рассказ «Алло», «Я говорил, что Ацуныхва ни к чему, но...» и «Почему я должен обижать тебя». За исключением последнего рассказа, который стоит несколько особняком и имеет «фольклорные истоки»<sup>1</sup>, в остальных

---

<sup>1</sup> Очерки истории абхазской литературы. – Сухуми : Алашара, 1974. С. 55.

произведениях, вошедших в сборник, отчетливо ощущается, что автор является приверженцем концепции возможности и даже необходимости глобального переустройства мира и связанных с ней социальных преобразований. Художественное осмысление эпохи, именовавшейся «эпохой великого перелома», в русской советской литературе к этому времени уже имело определенные традиции, однако для абхазской прозы отображение коллизий новой жизни носило не только печать актуальности, но было поистине новаторским. И этот новый шаг в развитии абхазской прозы был сделан М. Л. Хашба. Трудно не согласиться с мнением В. А. Бигуаа, когда он пишет, что: «воссоздавая картину быта абхазской деревни того времени в соответствии с принципами “социалистического реализма” М. Хашба впервые в абхазской литературе создал образ “кулака”, то есть зажиточного крестьянина Бадры, выступающего со своими единомышленниками – Калашом, сельским попом и другими против мероприятий советской власти»<sup>1</sup>.

Хашба своими рассказами осуществил резкий поворот тематической направленности и идеально-художественного содержания в сторону изображения современной действительности. Реалии действительности, обусловленные коммунистической идеологией, – тотальное переустройство общественной жизни, предполагали не только изменения в социально-хозяйственной сфере, но и в общественном сознании. В этом смысле рассказы М. Хашбы несут в себе некий отпечаток пропагандистской направленности и декларативности. Вместе с тем, нужно отдать должное писателю в том, что он, благодаря новаторским поискам, сумел создать художественно правдоподобные образы и в целом картину жизни абхазского крестьянства. Для этого онши-

<sup>1</sup> Бигуаа В. А. Абхазская повесть. История формирования и развитие жанра. Поэтика // Абхазская литература в историко-культурном контексте. Исследования и размышления. – М. : Интеллект, 1999. С. 190.

роко использует элементы комизма, причем самые разные его оттенки. Смех, невольно возникающий при чтении этих произведений, вызван авторским юмором, иронией, насмешкой, каламбуром и сатирой.

Дело в том, что декларируемые автором новации общественного устройства противопоставлены веками складывавшимся традициям народа: его обычаям, его мировоззрению и привычкам. Причем это противопоставление носит контрастный, непримиримо противоборствующий характер, хотя в этих произведениях пока еще напрямую не встречаем понятий «классовая борьба» и «классовый враг». При этом все же очевидно, каким персонажам отдает свое предпочтение автор. Это люди новой идеиной закалки, стоящие за радикальные общественные изменения. Соответственно, остальные персонажи даны как сила, препятствующая дальнейшему прогрессу, и поэтому они высмеиваются в произведениях («Алло», «Расскажи-ка, писарь, что это за кампания»...). В то же время сатирическому изображению подвергаются не только представители старшего поколения, но и люди, которых выдвинуло новое время (Дзадз в «Я говорил, что Ацуныхва ни к чему, но...», Андрей Шарба в «Расскажи-ка, писарь...»).

Безусловно, исторически неизбежное разложение патриархальной культуры абхазского общества протекало болезненно. Однако причиной многих потрясений как раз и стал, во многом, насильственный характер предпринятых тогда мер. Ибо проводимые мероприятия – борьба с религией, создание коллективных хозяйств и многое другое – осуществлялись не по убеждению людей, а директивно и планово, по заданию высших партийных инстанций. Осуществлялись же эти мероприятия в очень короткие и сжатые сроки. Поэтому вполне естественно, что люди не могли и не хотели, отбросив в сторону привычный образ жизни, безоговорочно принять навязываемые им новые

порядки и потому старались оказать пассивное или активное сопротивление. В соответствии с новой коммунистической доктриной такие люди должны были оказаться во враждебном лагере, и называли их не иначе как кулаками и классовыми врагами, со всеми вытекающими отсюда последствиями, идущими под флагом беспощадной классовой борьбы и ликвидации кулачества как класса.

Как известно, эта тема в литературе 20–30-х гг. занимала значительное место, а зачастую бывала и главенствующей. При этом в большинстве произведений понятие «кулак» и его последующая оценка носили исключительно отрицательный смысл, являясь практически ругательным. Весьма аргументированы соображения В. Кожинова, в которых дается анализ исторических форм данного понятия. Он пишет: «Нельзя не упомянуть о том, что проблема “кулака” исключительно сложна. Из “Толкового словаря” Владимира Даля можно узнать, что этим словом обозначался “перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером”. То есть речь шла о людях, которые не только ничего не производили, но даже не имели своих денег; сегодня мы назвали бы таких людей «спекулянтами». Сложными путями слово “кулак” к 1920 гг. кардинально изменило свое значение; им стали обозначать крепкого хозяина... А заряд законной ненависти в слове остался...

И нелегко теперь понять, – продолжает исследователь, – почему многие писатели 20–30-х гг. воспринимали этих людей в виде неких чудовищ и считали вполне уместным палить из трехдюймовок по деревням. Главное тут ведь даже не в самом по себе применении винтовок или артиллерии против людей, не желающих, допустим, отдать хлеб. В конце концов, только серьезное и глубокое исследование конкретных обстоятельств, способно ответить на

вопрос, было то или иное из подобных явлений выражением абсолютной необходимости, либо результатом безответственного произвола. Главное в другом – в самом понимании и оценке таких явлений писателями. Вот здесь, как мне представляется, двух мнений быть не может<sup>1</sup>.

Справедливости ради нужно отметить, что в Абхазии процесс коллективизации протекал не так грубо и жестоко, как это имело место во многих других регионах СССР. Антиколхозные выступления в Абхазии не были значительными и долгими, а их последствия репрессивными в отношении их предводителей и организаторов. Но, несмотря на это, в абхазской художественной литературе той эпохи «антикулацкая» тема заняла одно из ведущих мест. Конечно, тут сказались в определенной степени и отсутствие литературного опыта, и то обстоятельство, что освещавшие эту тематику поэты и писатели (в основном молодые) были выпестованы новой коммунистической идеологией<sup>2</sup>.

В то же время этих авторов, в том числе и М. Хашба, нельзя упрекнуть в сознательно преднамеренном искажении действительности. Наоборот, они были глубоко убеждены в исторической верности и перспективе предлагаемых и осуществляемых мер. И вера в возможность построения коммунистического, на их взгляд, справедливого общества подобными способами было заблуждением, но искренним. Ведь в реальности, как отмечает К. Г. Юнг, «каждое время имеет свою однобокость, свои предубеждения и свою душевную жизнь»<sup>3</sup>.

Абхазские писатели (и не только) не были исключением, тем более что такому заблуждению способствовали

<sup>1</sup> Кожинов В. В. Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. – М. : Молодая гвардия, 1990. С. 41–42.

<sup>2</sup> Авидзба В. Ш. Абхазский роман. – Сухум: Алашара, 1997. С. 48.

<sup>3</sup> Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. – М. : Издательство политической литературы, 1991. С. 114.

сами жизненные реалии: абхазских писателей не могли не поражать масштабы происходивших изменений и связанный с ними энтузиазм масс. Разглядеть же за внешними проявлениями суть многих глубинных процессов было делом сложным, и они этого не сумели. Но ведь и сегодня многое остается неясным и потому давать ту или иную оценку этой эпохе остается весьма проблематичной.

Ведь советская эпоха в истории носит отнюдь не только мрачный оттенок. В действительности этот период характеризуется грандиозными по своей значимости историческими событиями, которые самым благоприятным образом оказались на всех сторонах жизни – экономике, образовании, культуре, искусстве и т. д. Поэтому прав Ю. М. Тхагазитов, когда пишет: «Советская эпоха была сложнейшим, внутренне глубоко противоречивым и многогранным целым, подлинную сущность и неоднозначность которого еще долго будет стремиться постичь и духовно преодолеть человечество»<sup>1</sup>.

Необходимо учитывать, как пишет В. А. Бигуаа, что «многие мастера слова искренне верили в “новую жизнь”, хотя часто и заблуждались. Большое место имело и романтическое отношение к действительности. Они считали, что именно победа социализма приведет к торжеству правды, добра, социальной справедливости и т. д. Тем более это было характерно для писателей – представителей малочисленных народов Кавказа, которые получили возможность всесторонне развивать национальную культуру в советское время. Они поверили и в лозунг большевиков – “право нации на самоопределение”, и в идею свободного развития каждого народа. И за честное служение социализму (что означало, по их убеждению, служение народу) часть писателей пострадала, она была репрессирована,

<sup>1</sup> Тхагазитов Ю. М. Поэт и время // Али Шогенцуков. Стихотворения. Поэма. Роман в стихах. – Нальчик : Эльбрус, 2000. С. 11.

уничтожена. И сегодня упрекать, – продолжает В. А. Бигуаа, – например, С. Чанба и В. Агрба и других в порочности их убеждений, и исключить их из истории абхазской литературы несправедливо и безнравственно»<sup>1</sup>.

Стало быть, и к произведениям литературы нужно подходить не с точки зрения того, насколько полно и верно они воспроизводят действительность, а прежде всего придавая значение тому, насколько они состоятельны художественно и какое влияние оказали на дальнейшее развитие национальной литературы.

В этом смысле стоит учесть, что рассказы М. Хашбы «Расскажи-ка, писарь, что это за кампания», «Алло», «Я говорил, что Ацуныхва ни к чему, но...» отличались не только своей сатирической направленностью, а вообще открывали новую страницу в истории малых эпических жанров абхазской литературы. Прежде всего это касается системы образов, созданных в произведениях; они определены в соответствии с канонами жанра рассказа – лаконично и точно. При этом для раскрытия образов писатель использует авторскую речь и речь самих персонажей, их оценку друг друга. Тексты произведений изобилуют стилистическими фигурами усиления как гиперболического, так литотного характера. Наличие в них слов отрицательного смысла, чрезмерно большого количества эпитетов, метафор и других идиоматических выражений, которые используются для создания портретных характеристик героев, изначально выявляет в произведениях авторскую установку на назидательность. В сюжетах произведений отсутствуют мелкие подробности, но зато автор эффективно внедряет их при создании портретов героев. Во многом благодаря им, и раскрывается смысл рассказов, а не только и не столько через совершаемые ими действия.

---

<sup>1</sup> Бигуаа В. А. Указ. соч. С. 189.

Другой активный этап творчества М. Хашбы приходится на вторую половину 50-х гг. Но перед этим (в конце 30-х – начале 50-х) М. Хашба написал небольшое количество стихотворений, в основном посвященных военной тематике, а также перевел на абхазский язык повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (1936). Видимо, занятость на службе и военное лихолетье, помноженные на усиление рецидивов культа личности, не давали ему возможности продолжать свою творческую деятельность.

Однако в середине 50-х гг. М. Хашба вновь заявляет о себе как мастер жанра рассказа. Он один за другим публикует такие произведения, как: «Рассказ Мактата», «Рождение любви», «Соль с перцем», а чуть позже – «Соукар», «Джатма», «Шрам» и др.

Второй период творчества М. Хашбы отличается от первого тем, что в поздних произведениях писатель более широко использует фольклорные сюжеты и поэтику устной словесности. Использует же М. Хашба фольклор различными способами: иногда то или иное народное сказание выступает в качестве внесюжетного элемента, иногда оно насквозь пронизывает всю композицию произведения, в другом же месте служит связующим звеном различных сюжетно-композиционных частей произведения.

Многие рассказы М. Хашбы написаны на основе воспоминаний, они имеют биографические истоки; фактически мы часто видим художественно оформленные события, реально имевшие место в жизни (рассказы «Джатма», «Шрам», «Почет гостю» и др.).

Произведения посвящены различным темам. Так, рассказы «Соль с перцем» и «Соукар» ярко и красочно повествуют об идиллической колхозной жизни; тема любви – главное в рассказе «Рождение любви»; негативные явления, подобные воровству, ненасытности, жадности,

бичуются в рассказах «Шрам», «Новое направление» и «Джатма».

В те же годы (с середины 50-х) М. Хашба обращается и к жанру литературной сказки. Им изданы два сборника авторских сказок «Аджир и Каймытхан» (1984) и «Мурзакан Гечба» (1988). В основе этих произведений часто лежат известные сказочные сюжеты. Однако это далеко не фольклорная запись, а произведения, в которые автор, используя сказочные сюжеты в качестве исходного материала, вносил существенные изменения и в результате создавал новые авторские сказки.

Новизна их заключается, прежде всего, в том, что писатель путем комбинации различных сказочных сюжетов выстраивает одну сквозную сюжетную канву. При этом он вносит значительные изменения в их композиции, путем создания мелких подробностей и детализации событийной стороны сюжета. Таким образом, М. Хашбе удается создать вполне оригинальные (хотя и имеющие фольклорные истоки) увлекательные авторские сказки.

Итак, можно подвести некоторые итоги творчества М. Л. Хашбы. Им издано двенадцать книг художественных произведений: «Детская сцена» (1920), «Коротание ночи» (1924), «Расскажи-ка, писарь, что это за кампания» (1928), сборник рассказов «Алло» (1929), рассказ «Алло» отдельной книжкой (1929), «Избранное» (1957), сборник рассказов «Соукар и другие» (1971), «Избранное» (1976 и 1983), «Аджир и Каймытхан» (1984), «Мурзакан Гечба» (1988). В серии «школьной библиотеки» вышел отдельной книгой рассказ «Алло» (1985) и книга воспоминаний «В дни весенние» (1969 и 1977).

Перу М. Хашбы принадлежат переводы на абхазский язык произведений русской литературы: повесть «Хаджи-Мурат» Л. Толстого (1936 и 1978), роман А. Фадеева «Молодая гвардия» (1961), отрывки романа Д. Мордов-

цева «Прометеево потомство», басни И. Крылова; грузинской литературы: роман «Гвади Бигва» Л. Киачели (1974), прозаическое переложение поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и стихотворения Н. Бараташвили; кабардинской литературы: повесть А. Кешокова «Следы на утренней росе» (1959), а также произведений мировой классической литературы – «Старик и море» Э. Хемингуэя (1959), рассказы Р. Тагора, «Приключения Чиполлино» Дж. Родари (2010). В архиве писателя хранятся неизданные рукописи переводов – романа «Рудин» И. Тургенева и др.

Бессспорно, что М. Л. Хашба своими произведениями и переводами оставил заметный след в истории абхазской литературы, и их исследование не исчерпывается данной статьей.

## ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗНЫХ РЕДАКЦИЙ СБОРНИКА Д. И. ГУЛИА «СТИХОТВОРЕНИЯ И ЧАСТУШКИ»<sup>1</sup>

Абхазская литература к настоящему моменту еще не подвергалась серьезному текстологическому анализу. Имеются отдельные статьи, посвященные небольшому числу конкретных произведений<sup>2</sup>, и ряд работ, в которых констатируется об общеизвестных фактах авторских изменений текста разных изданий<sup>3</sup>. Что касается изданий собраний сочинений абхазских писателей, то только в одном единственном случае предпринята попытка выявления различных текстовых вариантов произведений, а именно – в шеститомном издании произведений Д. И. Гулиа<sup>4</sup>. Надо признать, что как первый опыт подобного рода, он заслуживает похвалы, но нельзя и не сказать о том, что выявленные текстовые разночтения произведений в комментариях не снабжены соответствующими необходимыми разъяснениями. Не сказано о причинах встречающихся изменений, а лишь механически констатируется их наличие, да и то далеко неполно. а местами и неточно. Между тем, текстология как наука состоялась

<sup>1</sup> Статья была опубликована в сборнике «Эволюция эпической традиции. К 80-летию академика АН Абхазии Ш. Х. Салакая». – Сухум : НААР, 2014.

<sup>2</sup> См.: Бгажба Х. С. Самсон Чанба // Об абхазской литературе (Критические очерки). – Сухуми : Абгосиздат, 1960. С. 70–88 (на абх. яз); Ашба А. А. К вопросу абхазской текстологии //Перекличка времен. Статьи. – Сухуми : Алашара, 1986. С. 34–41 (на абх. яз).

<sup>3</sup> Вариативность разных изданий романов И. Г. Папаскир отмечали: Инал-ипа Ш. Д. Не сказочный мир художника // Страницы абхазской литературы. (Статьи, очерки, выступления). – Сухуми : Алашара, 1980. С. 188–195; Анкваб В. П. Становление и развитие абхазской прозы. – Сухуми : Алашара, 1979. С. 153–155 (на абх. яз); Дарсалия В. В. Абхазская проза 20-х – 60-х годов. – Тбилиси : Мецниереба, 1980. С. 81–82; Капба Р. Х. Иван Папаскир. (Жизнь и творчество) : в 2 кн. – Сухуми : Алашара, 1991. Кн. 1. С. 240–241, 347–361. Кн. 2. – Сухум, 1996. С. 61–64, 89–92 и др. (на абх. яз).

<sup>4</sup> Гулиа Д. И. Собр. соч. : в 6 т. – Сухуми : Алашара, 1981–1986.

именно потому, что, как говорил Д. С. Лихачев: «Текст должен быть исторически объяснен»<sup>1</sup>, для чего, он считает, что «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста»<sup>2</sup>.

Необходимость текстологического анализа первого сборника Д. И. Гулиа вызвана еще и тем, что сам автор принадлежит к двум разным историческим эпохам. Из 86 лет жизни, отведенных ему судьбой, ровно половина (43 года) приходится на заключительный этап Российской империи, а вторая половина (с момента свершения Октябрьской революции 1917 г.) – на советский период. И то обстоятельство, что Советская власть в Абхазии была установлена несколько позже (март 1921) не меняет сути. В то же время, каждая из указанных эпох внутри себя не была абсолютно неизменной; в них наблюдаются различные подходы к тем или иным вопросам исторического развития, зачастую прямо противостоящих.

На радикальную переоценку ценностей в связи с изменениями общественно-политического строя, отношение к культурному наследию прошлого не могли не отразиться на мировоззрении писателя, что отражалось при переиздании произведений.

Итак, в 1912 г. в Тифлисе, в Типографии канцелярии Наместника Его Величества на Кавказе выходит первый поэтический сборник Д. И. Гулиа<sup>3</sup>. В него вошли 30 стихотворений поэта, написанных в разные годы, из которых самые ранние датированы 1906 г. В таком же виде, с включением всех без исключения произведений, данный сборник был переиздан лишь однажды. Это было осуществле-

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. При участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Издание третье, переработанное и дополненное. – СПб. : Алетейя, 2001. С. 29.

<sup>2</sup> Там же. С. 26.

<sup>3</sup> Гулиа Д. И. Стихотворения и частушки. – Тифлис : Типография Канцелярии Его Величества на Кавказе, 1912 (на абх. яз).

но в 2004 г.<sup>1</sup> В этой книге была репринтно воспроизведена копия первого издания с параллельным переводом текстов на современную абхазскую графику<sup>2</sup>.

Из 30 стихотворений, вошедших в первый сборник, 4 не были опубликованы ни в одной книге Д. И. Гулиа, издававшихся в советский период. Это такие стихи, как: «Нищий», «Молния», «Владимир», «Самое полезное из знаний». Очевидно, что причиной такого отношения к перечисленным произведениям послужила их тематика – неприкрытая религиозная направленность. Дореволюционная просветительская и литературная деятельность Д. И. Гулиа со всей очевидностью показывает его религиозность. Он входил, и принимал самое деятельное участие в работе Абхазской переводческой комиссии, созданной в 1892 г. Являлся переводчиком на абхазский язык церковной литературы, в том числе и перевода на родной язык Библии (Новый Завет).

В эпоху воинствующего атеизма, как известно, обращение к Богу, поиск истины в библейских сюжетах и мотивах в художественных произведениях не только не одобрялось, но и осуждалось. И даже такой личности, как Д. И. Гулиа, чьи заслуги и авторитет в развитии абхазской культуры и литературы того периода были неоспоримыми, не прощалось увлечение религиозной тематикой. Отмечая, что абхазская литература самим началом и развитием обязана Д. И. Гулиа, В. И. Кукба все же не обошел и эту сторону его творчества. В своей статье, опубликован-

<sup>1</sup> Гулиа Д. И. Стихотворения и частушки. – Сухум, 2004 (на абх. яз). Следует также указать и на издание 2003 г., куда вошли его сочинения, не включенные в шеститомник и варианты текстов некоторых произведений.

<sup>2</sup> Между рассматриваемыми изданиями абхазская графика менялась несколько раз: в 1926 г. она была переведена на так называемый марповский «аналитический» шрифт (на латинской основе), в 1928 г. – на графику, созданную Н. Ф. Яковлевым (на латинской основе), в 1938 г. – на грузинский шрифт, в 1954 г. была возвращена кириллица. Изменение графики также иногда приводило к появлению вариаций текстов.

ной в «Альманахе писателей Абхазии» в 1936 г., он писал: «Однако, в его творчестве того периода (1910-е. – В. А.) нередко встречаются произведения, насыщенные идеалистической и мистической тематикой. Так, в стихотворении «Спокойствие» поэт проповедует христианское смирение, ссылаясь на десятую заповедь Моисея. Таким образом, произведения Д. И. Гулиа, написанные при царизме, отражают в целом мелкособственническую психологию»<sup>1</sup>.

В данном случае не вызывает удивления то, что автор данной статьи дает такую оценку ранним произведениям Д. И. Гулиа. О том, что в раннем творчестве поэта имеются «узкие места», ибо встречаются «мотивы отвлеченности, созерцательности, мистики и даже примирения социальных противоречий»<sup>2</sup>, «и элементы религиозно-мистического характера»<sup>3</sup>, очень осторожно отмечали и некоторые другие исследователи. Но в целом, в большинстве работ, посвященных его творчеству, этот факт умалчивался. В этой связи удивляет, что некоторые стихи религиозной направленности Д. И. Гулиа все же были пропущены цензурой и опубликованы в отдельных последующих изданиях советского периода. К примеру, упомянутое стихотворение «Спокойствие» вошло в первый том собрания сочинений писателя, а «Воровство», также посвященное религиозной тематике, – в издание 1933 г. Другие же произведения, вероисповедального содержания, подвергались серьезной редактуре.

В данной работе из всего арсенала изданий рассматриваемых произведений остановимся на трех, точнее – издание 1912 г. сопоставляется с изданием 1933 г. и первым томом собрания сочинений Д. И. Гулиа (1981). Выбор про-

<sup>1</sup> Кукба В. И. Обзор абхазской литературы // Избранные труды. – Сухум : АБИГИ, 2007. С. 122.

<sup>2</sup> Делба М. К. Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулия. – Сухуми : Издание ИАК АН СССР, 1937. С. 31.

<sup>3</sup> Бгажба Х. С. Очерки об абхазской литературе. – Сухуми : АбГИЗ, 1940. С. 12.

диктован тем обстоятельством, что именно в эти издания вносились наибольшее количество стихов из первого сборника. Они были подвергнуты серьезным правкам. А в первый том шеститомного собрания сочинений они вошли уже с определенной текстологической работой, в которой его составители предприняли попытку установления и объяснения текстовых разнотечений, имевшихся при разных изданиях. Отметим, что если первые два издания вышли в свет при жизни автора и, стало быть, он мог, в той или иной мере, принимать участие в издательском процессе, то третье – является послежизненным. То есть, говоря словами Б. Томашевского, в данном случае отсутствовало «авторское наблюдение»<sup>1</sup>.

Уточним, что стихотворения Д. И. Гулиа «Весна», «Гуляка» («Шақа дыпстәы цәыбзахәүзеи»), «Двое еле шли, но третий не догонял» были опубликованы в «Книге для чтения на абхазском языке для абхазских школ» в 1908 г. Данное учебное пособие было переиздано в 1911 г. в том же виде. В этот период в Абхазии не выходило никаких периодических изданий на абхазском языке из-за отсутствия здесь абхазского шрифта. Иными словами, у Д. И. Гулиа не было другой возможности издания своих стихотворений до выхода в свет сборника в 1912 г. Потому мы и проводим сравнительный анализ именно с первым изданием. Как было отмечено еще Б. В. Томашевским, даже «самое внимательное наблюдение не сможет предохранить текст от медленной порчи. С этой точки зрения наиболее гарантирующим от чуждых автору искажений является почти всегда первое издание»<sup>2</sup>.

Это замечание, в нашем случае, становится еще актуальней тем обстоятельством, что на плечи автора легли и такие издательские функции, как редактура и корректура.

<sup>1</sup> Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. Издание второе. – М. : Искусство, 1959. С. 154.

<sup>2</sup> Там же. С. 143.

Из 30 стихотворений сборника Д. И. Гулиа 1912 г. в издание 1933 г. вошло 17 (не вошло 13), а в собрании сочинений 1981 г. было опубликовано 25 (не включено 5). Из них 4 стихотворения, как отмечалось выше, не вошли в издания 1933 и 1981 гг.

При рассмотрении разночтений текстов, вошедших во все три издания, наглядно обозначается вариантность написания тех или иных слов. Немалое их количество связано с тем, что к моменту выхода в свет книги Д. И. Гулиа в 1912 г. вопросы орфографии не стояли на повестке дня. Тогда еще обсуждался вопрос самой графики, имелись различные трактовки подбора наиболее удобных для письма буквенных начертаний. Вопрос орфографии абхазского языка актуализируется в 1920–1930-е гг., а несколько позже была достигнута ее определенная стабилизация.

Среди наиболее часто встречаемых разночтений орфографического характера является написание в славах гласной буквы «ы». Если в первом и отчасти в издании 1933 г. она очень часто встречается, то в последнем имеет гораздо меньшее применение. Это вызвано тем, что если в первых абхазских книгах этот звук обозначался везде, где слышался, то в последующем, с правилами правописания, он пишется только в тех случаях, когда оказывается ударным, более того, некоторое время, по тем же правилам, перед и после полугласных «у» и «и» он не писался вовсе.

В качестве примера укажем на стихотворение «Счастлив тот, кто может все сказать...». В издании 1912 г. «ы» применяется в таких словах: «дасыу (каждый), «иқәызтзаз» (направивший, показавший дорогу), «забыи» (чей отец), «заныи» (чья мать), «здырыуа» (знающий) – дважды. В издании 1933 и 1981 гг. в этих словах буква «ы» не встречается ни разу, хотя она получила применение в других словах – «ауыс» (дело), «згәы» (чье сердце) и т. д. В большинстве

случаев это не связано с опечатками, а имеет отношение к правописанию и разности шрифтов. Имеются примеры другого плана – это когда в одном и том же издании одно и то же слово получает различную оформленность. Так, стихотворение «Род человеческий» («Человек») в заглавии встречается как о «Ауофытэыфса», а в 3-й и 4-й строфах – «ушуафытэыфсоу», то есть вместо «о» имеем «уа». В издании 1933 г. такое написание копируется, а 1981-го – начиная с заглавия, встречается только вариант «ауафытэиса».

Стоит остановиться и на другом интересном примере – стихотворении «Пистолет Эшсоуа». В первых двух вариантах личное мужское имя «Эшсоу», которое в настоящее время произносится и пишется именно так, встречается с окончанием «а» – Эшсоуа. Видимо, составители собраний сочинений, сочтя за механическую ошибку, убрали букву «а» в конце имени. Конечно, в данном случае сложно в категорической форме утверждать, что первоначальная версия более верна. И дело здесь не только в том, что именно так мы встречаем в заглавии и в тексте второго издания это имя. Сохранилась фотокопия рукописи Д. И. Гулиа с перечнем абхазских личных имен, где интересующее нас имя встречается именно в форме «Эшсоуа»<sup>1</sup>. Поскольку данная рукопись написана на кириллице, которая имела применение до перевода абхазского шрифта на латинскую графику, вполне можно допустить, что данное имя в тот период произносилось именно так, по крайней мере, в определенной ареальной среде.

В силу того, что данная проблема в большей степени имеет отношение к истории абхазского письма, и шире – общеязыковых процессах, мы в настоящий момент оставим ее в стороне и остановимся на других вопросах исто-

<sup>1</sup> См.: Гулиа Д. И. Сочинения. Стихи, рассказы, фольклорные и этнографические записи, переводы, статьи, учебники, письма. – Сухум : Алашарбага, 2003. С. 262–276.

рии произведений с точки зрения наличия или отсутствия разных редакций, отразившихся на их содержании.

Изменения сравниваемых текстов встречаются уже в заглавиях и подзаголовках. Кроме указанного выше стихотворения имеются следующие несоответствия. Так, если в первых двух изданиях стихотворение «Счастлив тот, кто может все сказать...» не озаглавлено вообще, то в издании 1981 г. оно состоит из первых двух слов первой строки – «Счастлив тот» (в смысле «Счастливый»).

Стихотворение «Весна», вошедшее в первый сборник с подзаголовком «Подражание произведению Кольцова» в двух других изданиях получило название «Весенний дождь». Причем, в издании 1933 г. отсутствует подзаголовок, а 1981 г. указано сокращенно – «Подражание Кольцову». Но здесь имеется еще одно очень существенное разночтение, встречающееся в различных издательских версиях. Дело в том, что в издании 1912 г. за подзаголовком – «Подражание произведению Кольцова» стоит римская цифра I (первая), а после следующего стихотворения «Урожай» – цифра II (вторая). Следовательно, эти цифры означают, что это поделенное на две части произведение А. В. Кольцова «Урожай».

В издании 1933 г. обе части стихотворения следуют друг за другом, но в обоих случаях отсутствуют цифры, указывающие на источник и единство, а в издании 1981 г. вторая часть стихотворения, озаглавленная «Урожай», оказалось на значительном расстоянии от первого. В результате этого утеряна творческая история текста, а именно то, что данное произведение является частью одного стихотворения А. В. Кольцова, на что, несомненно, указывалось в первом издании.

В заглавиях анализируемых стихотворений встречаются и более мелкие погрешности, связанные с орфографией и пунктуацией. Наиболее часто встречающимся из них является дефисное разграничение слов:

«Аапын-қәа» – «Аапын қәа», «Хоңан-ду» – «Хоңан ду», «Шақа дыңстәы-цәйбазахәузеи» – «Шақа дыңстәы цәйбазахәузеи», «Абжыағашы-хабжыақыала» – «Абжыағашы хабжыақыала» и т. д.

Наиболее существенными различиями в сравниваемых текстах являются пропуски строк, иногда целых строф, а также переделка отдельных слов и строк, что, на наш взгляд, приводило к порче первоначального смысла.

Для наглядности остановимся на тех примерах, которые способствовали значительному изменению первоначального варианта. Так, в стихотворении «Ум, знание, сила» в издании 1981 г. последняя третья строфа отсутствует полностью, что отразилось и в переводе на русский язык, осуществленном Ф. А. Искандером:

Ум – хозяин, знание – гость,  
Смысла нету жить им врозь.  
Ум – опора, крыша – знание,  
Кто разрушит жизни здание?  
Ста без ума – слепа.  
Разрушать – ее судьба.  
Если нет ума у знанья –  
Невозможно созиданье.

Далее следует не опубликованная в последних изданиях строфа в нашем подстрочном переводе:

Обладающий ими всеми – для людей будет полезен,  
В природе будет светиться как солнце и луна,  
И знающий и не знающий будет считать его  
человеком счастливым,  
Если ко всему этому добавить еще и человечность –  
все будет принадлежать ему.  
(Подстрочный перевод)

Очевидно, что данная строфа не является повторением уже сказанного, а наоборот, развивает авторский подход к гармоничному сочетанию понятий, выведенных в заголовок – ума, знания и силы. Он дополняется отношением людей к человеку, сумевшему гармонизировано соподчинить данные качества и что еще важнее – намекает даже на их недостаточность без человеческой добродетельности. Поэтому сложно объяснить причину исключения данной строфы в последнем собрании сочинений поэта. Но в любом случае сам по себе факт является неоправданным упощением.

В стихотворении «Счастлив тот, кто может все сказать...» в изданиях 1933 и 1981 гг. в третьей строфе вместо четвертой строки стоит многоточие. Между тем, в подстрочном переводе эта пропущенная строка звучит так: «Проявляя покорность Богу, на ближнего смотрит как на себя самого»<sup>1</sup>.

Безусловно, пропуск данной строки, отражающей библейские мотивы, был продиктован цензурными соображениями, что было вполне характерно для советской эпохи. Хотя необходимо отметить, что бывали и исключения из правил. Так, непонятно каким образом цензура пропустила стихотворение «Воровство», которое было опубликовано в обоих рассматриваемых изданиях советского периода, поскольку в нем встречаются такие строки:

- 1) *Неугодный Богу пристрастится (приступает) к воровству.*
- 2) *Святыня его преследует, а люди проклинают.*
- 3) *Грех не дает ему житъя, безжалостно уничтожит.*

<sup>1</sup> См.: Салакая Ш. Х. Влияния на мировоззрение Д. Гулиа в ранней поэзии // Созвездие. – Сухум, 2003. № 1(6). С. 11 (на абх. яз); Зухба С. Л. Если бы не великий Дмитрий... – Сухум: Дом-музей Д. Гулиа, 2004. С. 25–41 (на абх. яз); Ласуриа М. Т. О роли христианской литературы в зарождении и становлении абхазской литературы // – Сухум, 2005. № 1. С. 307–312.

В приведенных стихах наличие религиозных мотивов не вызывает сомнений, причем они не носят ритуального произнесения таких слов, как – Бог. Святыня, грех, но всецело пронизывают произведение. Такие случаи крайне редки, если не сказать, единичны и являются исключением из правил.

Обратимся еще раз к стихотворению «Весна». В первом и последнем издании оно состоит из шести строф, а в издании 1933 г. имеется пять строф – отсутствует последняя – шестая строфа, хотя в ней нет ничего такого, за что можно было бы предъявить автору какие-либо претензии идеологического характера. Зато вторая ее часть, озаглавленная как «Урожай» подверглось серьезным сокращениям во втором издании и изменениям в третьем издании. Так, в издании 1933 г. вместо десяти строф осталось всего три. А в издании 1981 г. три строки, где упоминается Бог, произведена их переделка. В четвертой строке пятой строфы вместо «Создал Бог» («Ишент Анцә ду») написано «Произошло оно» («Иқалеит иара»), третья строка шестой строфы – вместо «Отдал им Бог» («Иритеит Анцә») встречаем «Получил народ» («Ироуит ажәлар»), и, наконец, в начале десятой строфы в первом издании было «Люди, сидя у себя дома / Возвеличивают Бога», стало «Люди сидели у себя дома / Решали дела предстоящие».

В настоящей работе нет возможности более подробно останавливаться на каждом конкретном примере. Отметим лишь, что при перепубликации стихотворения из сборника 1912 г. подвергались различного рода искажениям, что существенно влияло на изменение их содержания. Помимо, рассмотренных произведений различного рода изменениям подверглись следующие стихи: «В старину», «Ходжан Большой», «Звезда с хвостом», «День своего рождения люди читят...», «Два слова сыну и дочери» и другие.

В связи с изложенными выше фактами несовпадений текстов произведений Д. И. Гулиа разных изданий станов-

вится очевидной необходимость проведения серьезной текстологической работы, как с творческим наследием данного автора, так и в целом по абхазской литературе. Поэтому неслучайно, в последние годы в ряде работ, посвященных творчеству Д. И. Гулиа, данная проблема рассматривалась в качестве наиболее актуальной.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что назрела острая необходимость академического издания наследия таких заметных для абхазской литературы явлений, каким является Д. И. Гулиа. Для выполнения такой серьезной задачи требуется всесторонне обследовать имеющийся рукописный фонд и варианты разных изданий.

## О ПЕРВОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КНИГЕ Х. С. БГАЖБА<sup>1</sup>

Появлению и развитию письменной художественной литературы сопутствует, как правило, и возникновение литературной критики и литературоведения. Не стала исключением и абхазская литература. Первые попытки осмысления литературно-художественных текстов мы обнаруживаем в первой абхазской газете «Апсны» (1919–1921). И, хотя, если оценивать их с высоты сегодняшнего дня, статьи, опубликованные в этой газете, не более чем ученическое упражнение, все же упускать их из вида не следует, поскольку в них обнаруживаются зачатки литературной критики.

На страницах газеты встречаются краткие рецензии, реплики, отклики, заметки на те или иные произведения, и даже делается попытка обзорной характеристики творчества писателя. Более качественные литературно-критические статьи появляются уже в советский период на страницах газет и журналов.

Однако еще долго не было отдельной книги, целиком посвященной литературному процессу. И вот, в 1933 г. на абхазском языке неожиданно появляется книга неизвестного исследователя (в качестве автора статей о литературе) Хухута Соломновича Бгажба под названием «Краткий критический обзор современной абхазской литературы с некоторыми теоретическими вопросами для начинающих писателей». Правда, имеется информация о том, что еще в 1930 г. Х. С. Бгажба вместе со своим одноклассником В. Андарбуа перевели на абхазский язык и издали бро-

<sup>1</sup> Статья опубликована в сборнике «Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. (Памяти В. В. Кожинова). (Материалы Второй Международной научной конференции 15–18 октября 2012 г., Республика Абхазия, г. Сухум), 2015.

шюру «Наше хозяйство за пять лет», которую мы пока не смогли обнаружить. Но, судя по заглавию, эта книга не посвящена литературе. Что же касается «Краткого критического обзора...», то она, безусловно, стала той книгой, с которой начинается история не только литературной критики, но и абхазского литературоведения в целом. Книга была напечатана на действовавшей тогда латинской графике и с тех пор не переиздавалась. Ее редактором является известный историк-кавказовед А. В. Фадеев, работавший в тот период в Абхазском научно-исследовательском институте краеведения. Стоит сказать и о том, что книгу к изданию рекомендовал нарком просвещения Абхазии С. Я. Чанба, который, кстати, в ней подвергается серьезной критике.

В книге 10 глав: «Произведения Д. И. Гулиа и абхазская литература», «“Солнце взошло” – хорошая тема для абхазской литературы», «С. Я. Чанба и абхазская драматургия», «О сборнике стихотворений “Страна должна знать о своих передовиках”», «Два слова о книге Л. Квициниа “Страна развивается”» и «Два слова о книге Ольхового “Азбука ленинизма” и ее переводе на абхазский язык», «Некоторые вопросы, которые должен знать начинающий писатель», «Что такая художественная литература?», «Несколько слов о стихосложении» и др.

Очевидно, что данная книга представляет собой сборник статей о литературе, за исключением рецензии на весьма популярную в то время книгу партийного функционера, журналиста и литературного критика Бориса Семеновича Ольхового «Азбука ленинизма», переведенную на абхазский язык.

Сегодня рассматриваемая книга может вызвать противоречивые чувства у читателя. С одной стороны, несмотря на молодость автора, ощущается ярко выраженная оригинальность его исследовательского таланта.

Х. С. Бгажба в своей первой книге выступает не как 19-летний ученик выпускного класса средней школы, а как зрелый и умудренный творческим опытом литературный аналитик. Вместе с тем, книга отражает особенности гуманитарной мысли тех лет, когда внедрялись новые взгляды на жизнь, новая система ценностей, а старые на-прочь отрицались. Общественно-политические процессы, революционная идеология оказали сильное влияние на Х. С. Бгажба, и не только на него... Практически новое поколение абхазской творческой интеллигенции прониклось идеями мировой революции и построения бесклассового коммунистического общества, и в своем творчестве исходило из этого идеологического посыла. И обвинять их в этом нельзя. Они искренне верили в новые идеи и хотели, чтобы жизнь человека, особенно простого человека, стала лучше и достойней. Однако многие из них не предполагали, что станут свидетелями трагических событий второй половины 30–40-х гг. и жертвами сталинско-бериевской репрессивной машины.

Вместе с тем, необходимо сказать, что встречающийся в первой книге Х. С. Бгажба чрезмерно идеологизированный и политизированный подход к анализу художественных текстов с течением времени им пересматривается. В качестве примера можно привести его небольшую книгу 1940 г. «Очерки об абхазской литературе», в которой мы уже не встречаем тех упреков в адрес авторов произведений, имеющих место в первой книге. И в последующем (а Х. С. Бгажба не раз возвращался к анализу творчества Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, В. В. Агрба, Л. Б. Квициниа и др.), подчеркивая спорность и неоднозначность художественной концепции рассматриваемых произведений, он делает весьма взвешенные оценки.

«Краткий критический обзор современной абхазской литературы...» содержит много бесспорных положений.

В основном это относится к фактологическому материалу, оценкам вклада того или иного писателя в национальную литературу и к филологическому анализу некоторых текстов. Здесь Х. С. Бгажба и при положительной оценке и при критическом подходе придерживается академических традиций и научной этики. Но, как только он начинает рассматривать произведения через призму социально-экономических отношений, проявляется его идеологическая предвзятость к тому или иному автору.

Приведем некоторые примеры. Х. С. Бгажба пишет о Д. И. Гулиа:

«...он показывает негативные стороны жизни и недостатки людей того времени», «До установления советской власти мировоззрение Д. И. Гулиа не основывалось на пролетарской идеологии», «...когда он приступал к созданию своих произведений, не было ни формы, ни стиля, ...поэтому он стал их оттачивать, чтобы могли быть восприняты абхазским читателем, для чего он обращался к богатому народному творчеству».

Вряд ли можно оспорить критику Х. С. Бгажба, когда он упрекает В. Агрба в неразборчивости пейзажа в повести «Рождение колхоза «Вперед», Л. Б. Квициниа в безмерных попытках подражать стиховой форме В. В. Маяковского и т. д.

Но, когда при анализе произведений автор касается проблем религии, классовой борьбы и национального вопроса, он резко переходит на политическое поле. И, соответственно, оценки даются в русле утвердившейся догматической лексики и клише. Хотя в рассматриваемых произведениях советского периода не было недостатка, как говорил А. Ф. Лосев, в «жизнерадостных оценках современности» и пессимизма в «исторических ожиданиях», Х. Бгажба подвергает их критике из-за, того, как ему тогда представлялось, проявления нацио-

нализма, либерализма в отношении классовой борьбы и религии.

В то время идеи интернационализма, классовой борьбы, атеизма пронизывали все литературы народов бывшего СССР. Конечно, молодые тогда литературы и писатели часто опирались на опыт известных русских поэтов и прозаиков 20–30-х гг. В частности, многие авторы принимали на веру такие строки абсолютного поэтического авторитета В. В. Маяковского, который в своей социально-бытовой драматической пьесе «Мистерия-Буфф» писал:

Нам написали Евангелие,  
Коран,  
«Потерянный и возвращенный рай»,  
и еще,  
и еще –  
многое множество книжек.  
Каждая – радость загробную сулит, умна и хитра.  
Здесь,  
на земле хотим  
не выше жить  
и не ниже  
Всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав.  
Нам надоели небесные сласти –  
Хлебище дайте жрать ржаной!».

Безусловно, насаждение воинствующего атеизма наносило ущерб и тормозило литературный процесс. Как, впрочем, и другая крайность.

Вернемся к книге Х. С. Бгажба. В ней автор подвергает критике не только писателей младшего поколения, но и тех, кто в тот период считался безусловным авторитетом и по возрасту был намного старше него.

В статье «О сборнике стихотворений “Страна должна знать о своих передовиках”» автор подробно анализирует произведения Ш. Цвижба, Д. Гулиа, Л. Квициниа, А. Касландзии, дает краткие оценки стихам Ар. Амкуаб, П. Чкадуа и др. В статье Х. С. Бгажба также впервые затронул проблему текстологии. В частности он критически относился к тому, что некоторые произведения Д. Гулиа при переиздании претерпели существенные изменения, которые исказили первоначальный смысл текстов. Приводя конкретные примеры замены слов, пропусков и так далее, он заключает: «Я полагаю, что стихотворение “Ходжан Большой” в первом изначальном варианте был лучше, более значимым, чем сейчас в исправленном, “обновленном” варианте».

Завершающая часть книги посвящена теоретическим вопросам литературы. Автор указывает, что при их написании он опирался на работы А. П. Крайского «Что надо знать начинающему писателю» (1928), Г. А. Шенгели «Практическое стиховедение» (1923, 1926), Б. В. Томашевского «Теория литературы» (1925, 1927, 1927, 1928, 1930, 1931) и журнал «Литературная учеба».

Книга Х. С. Бгажба свидетельствует о начитанности автора. В ней немало ссылок (в переводе) на сочинения В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Г. В. Плеханова, А. В. Луначарского. В качестве примеров приводится большое количество цитат из произведений русской литературы – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. М. Горького, В. В. Маяковского, М. П. Герасимова, А. К. Вронского, А. А. Жарова, А. И. Безыменского; грузинских поэтов – А. Церетели и И. Чавчавадзе. Конечно же, в книге имеют место многократные ссылки на труды К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина, Л. Кагановича.

В заключение еще раз подчеркну, что работа Х. С. Бгажба «Краткий критический обзор современной абхазской литературы...» стала книгой, заложившей основы абхазской литературной критики и литературоведения. В ней автор впервые зарекомендовал себя в качестве талантливого исследователя, что впоследствии подтвердила вся его дальнейшая творческая биография.

## МУДРОСТЬ ТАЛАНТА<sup>1</sup>

### *Слово об Алексее Джении*

21 февраля Алексею Камуровичу Джениа исполнилось бы 70 лет. И несмотря на то, что прошло достаточно времени с того злополучного дня, когда по нелепой случайности Алеша не стало, люди знавшие его, до сих пор не могут смириться с этим фактом. Действительно, трудно себе представить, что на собраниях общественности, да и в сухумских кофейнях больше не появится этот добрый и мудрый человек. Всякий раз ловишь себя на мысли – не хватает одного оратора или собеседника, чья взвешенно аргументированная речь или острый юмор смогли бы бодряще повлиять на аудиторию...

Лично мне на всю жизнь запомнилась одна из встреч с ним. Было это в самом начале войны, на второй день после того, как грузинская и абхазская стороны договорились о разводе войск. Утром я с группой друзей подошли к зданию, где размещался Народный форум. Но оказалось, что там уже никого не было. Один молодой человек, из числа собравшихся здесь людей, на повышенных тонах начал ругать руководство Народного форума, обвиняя его во всех грехах. Обстановка и без того была непростой, а этот крикливый юношавольно или невольно накалял ситуацию. Но тут незаметно появившийся Алеша Джениа со свойственным ему спокойствием сказал: «Сейчас не время разбираться между собой по таким мелочам. Самое главное сейчас – изгнание врага, который дошел уже до нашей столицы. Вот прогоним его, и затем спокойно разберемся». Эти слова возымели магическое воздействие на всех стоявших здесь. У них засияли погасшие было

---

<sup>1</sup> Опубликована в газете «Республика Абхазия». 2000, 17–18 марта. № 27(1098).

глаза, к ним вернулась надежда на положительный исход навязанной нам войны...

Однако, как бы ни было тяжело осознавать, но сегодня нет с нами Алексея Джениа. И хотя он не будет больше радовать нас своими новыми произведениями, оставленное им богатое литературное наследие навсегда останется золотым фондом абхазской литературы.

Внешне жизненный творческий путь Алексея Джениа схож с биографиями многих абхазских писателей. Родился он в селе Ачандара, в 1949 г. окончил здесь же среднюю школу. Затем учился на филологическом факультете Тбилисского государственного университета, который окончил в 1955 г., а в 1973–1974-х гг. учился на Высших литературных курсах в Литературном институте им. А. М. Горького.

А. Джениа в разные годы работал в редакциях газеты «Апсны капш» и журнала «Алашара», был главным редактором Государственного издательства Абхазии, возглавлял литературную часть Абхазского драматического театра им. С. Я. Чанба. На всех этих должностях его отличали трудолюбие, доброжелательность и принципиальность. Наверное, самыми плодотворными годами в истории журнала «Алашара» было время, когда его главным редактором был именно А. Джениа, и журнал не просто заполнялся определенным материалом, а отбирались лучшие художественные творения. На страницах журнала устраивались дискуссии, в которых обсуждались актуальные темы, касающиеся истории развития абхазской литературы.

А. Джениа был всегда в числе тех, кого волновала судьба своего народа. Он был непримиримым борцом, участником и организатором различных акций, направленных против политической, демографической, культурной экспансии, систематически проводимой Грузией в отношении Абхазии и ее народа.

Но при всех огромных заслугах А. Джениа в общественной жизни, главным для него оставалось литературное творчество. Не раз бывало, что он отказывался от всяких должностей и полностью сосредоточивался на творческой работе. Он никогда, даже после самых удачных своих произведений, не снижал требовательности к себе, как бывало у иных писателей. Напротив, ему присущ был постоянный поиск новых художественных решений.

Свои первые произведения А. Джениа начал публиковать после окончания средней школы. Эти рассказы и повести начинающий писатель публиковал в газете «Апсны капиш» и журнале «Алашара». Первый сборник он издает в 1960 г. под названием «Мы – горное село». Своей творческой зрелости А. Джениа достиг после издания третьего сборника – «Нельзя топтать цветы» (1967). Именно с выходом этой книги стало ясно, что абхазская литература в его лице получила талантливого и самобытного прозаика.

На этом этапе ему лучше удавались произведения малой эпической формы – рассказы. Но по мере приобретения литературного опыта писатель приступает к освоению более крупных форм – повести, а позже – к роману. Так, в 1971 г. он издал роман «Тайна леса», в котором на основе документального материала повествует о реальном историческом лице, командире партизанского отряда Датикуа Куаговиче Зухба. События разворачиваются в период Великой Отечественной войны в белорусских лесах. Следующий роман – «Восьмой цвет радуги», вышедший в 1976 г., также отражает военный период, но уже повествует о событиях в тылу. В романе показаны образы тех, кто ожидал весточки от находившихся на фронте родных.

Безусловно, самыми значимыми произведениями в творчестве Алексея Джениа являются повесть «Не бери на себя греха, брат» и роман «Анимарах – божество двоих». В них автору удалось раскрыть внутренний мир сво-

их героев, используя сложные литературные приемы, в частности, внутренний монолог.

Трудно объяснить такой факт – почему литературная критика и абхазское литературоведение в целом уделяли мало внимания творчеству писателя А. Джениа. За исключением нескольких статей и упоминаний его имени в обзорных публикациях, нет серьезных исследований творческого наследия одного из самых видных прозаиков абхазской литературы.

По существу пророческими оказались слова независимого Артура Аншба, который в 1979 г. писал: «Последние произведения А. Джениа наглядно свидетельствуют о постоянном росте его таланта. И это дает основание предположить, что произведения, которые будут написаны им в будущем, будут лучше тех, что уже написано»<sup>1</sup>. Смею предположить, что абхазское литературоведение вернется к исследованию творчества одного из лучших абхазских прозаиков, что увидят свет его неопубликованных работы и избранные произведения, и таким образом будет исправлен существующий до сих пор изъян.

---

<sup>1</sup> Аншба А. А. Перекличка времен. Статьи. – Сухуми, 1986. С. 174 (на абх. яз.).

## СЫН АПСНЫ<sup>1</sup>

В дни 135-летия со дня рождения великого сына Абхазии в Сухуме, там, где он похоронен, был торжественно открыт новый памятник Дмитрию Гулиа. Автор – известный скульптор Станислав Иванба.

На этом месте стоял гранитный, монументально-грациозный памятник, который 45 лет украшал столицу Абхазии. По общему мнению, он был одним из лучших «литературных» памятников в СССР. Однако во время грузинской оккупации Сухума памятник был расстрелян и изуродован, отчего и возникла необходимость установить новый.

...О Дмитрии Гулиа сказано и написано немало. Но говорить и писать о нем можно бесконечно – потомкам и культуре в самом широком и глубоком смысле этого слова он оставил колоссальное наследие. Разгадать, понять всю масштабность его деяний – дело еще не одного поколения.

С самого детства ему пришлось испить горькую чашу народной трагедии, оказавшись в четырехлетнем возрасте на чужбине, в Турции. Туда, как и большинство абхазов, была изгнана его семья. Вернувшись на родину, родные Д. Гулиа с большим трудом устроили его в Сухумскую горскую школу. После ее окончания, в 17-летнем возрасте, он вместе со смотрителем школы К. Мачавариани подготовил и выпустил в свет в 1892 г. «Абхазскую азбуку. Десять заповедей. Присяжный лист».

В 1907 г. Д. Гулиа издает сборник «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки», принимает самое деятельное участие в работе Комиссии по переводу религиозной литературы на абхазский язык, благодаря чему на

<sup>1</sup> Статья опубликована в «Литературной газете». 2009, 18–24 марта. № 11(6215).

родном языке «заговорили» христианские книги: «Требник» (1907), «Божественная литургия Иоанна Златоуста» (1907), «Важнейшие праздники православной церкви» (1910), «Нотный обиход абхазских литургийных песнопений» и, наконец, новозаветное «Святое Евангелие» (1912).

Начало второго десятилетия XX в. для Абхазии ознаменовано двумя важнейшими историческими событиями, ставшими точкой отсчета в ее истории. Первое – разрушительное. Стихийное бедствие в 1911 г. – выпадение небывалого снега – повлекло за собой большие потери и жертвы. Второе – событие культурного характера, оказавшее созидающее воздействие на дальнейшую историю народа. Им стало издание Д. Гулиа первого поэтического сборника «Стихотворения и частушки» (1912). Ни в коем случае не преуменьшая роли всей печатной продукции на абхазском языке, сыгравшей важную подготовительную роль для зарождения и становления собственно абхазской художественной литературы, можно смело утверждать, что именно первая книга Гулиа стала качественно новым, этапным явлением. С нее берет начало утверждение литературных традиций абхазского народа.

В стихах этого сборника подняты важнейшие этические вопросы человеческого бытия. Причем осмыслены они в полной гармонии с господствовавшим в то время народным мировоззрением. И, что важно, морально-нравственное содержание произведений вполне соответствовало сознанию читателя. Но это не значит, что стихи Дмитрия Гулиа того времени были прямолинейными, назидательно-дидактическими. Анализируя одно из стихотворений этого сборника и отмечая зрелость его ранних произведений и очевидность в них ярко выраженного личностного начала, известный критик В. Кожинов писал: «Только что начали вырабатываться поэтический стиль и самые принципы абхазского стихосложения, но тут же

сразу возникает в стихе сложный, полный драматизма смысл. Даже не верится, что это одно из первых творений рождающейся литературы»<sup>1</sup>.

В 1913 г. Д. Гулиа издает свою вторую книгу «Переписка юноши и девушки», впитавшую в себя все богатство народного юмора. Однако, несмотря на тесную связь творчества писателя с народной жизнью и с ее духовной составляющей – фольклором, его произведения все же изменяли у читателей и слушателей взгляд на мир. Прежде всего, он пытался донести до сознания людей мысль, что только через образование, путем просвещения можно обеспечить достойное существование в этом мире. Как человек весьма требовательный к себе, автор эту миссию – просвещение народа – с честью выполнял во всех своих начинаниях.

В 1919 г. выходит первая абхазская газета – «Апсны», редактором которой становится Д. Гулиа. В течение двух лет читатели получили 85 номеров. На страницах этой газеты редактор выступает как поэт, писатель, публицист, но что еще важнее – здесь состоялись литературные дебюты многих писателей, которые в последующем займут свое место в абхазской литературе: И. Когония, И. Папаскир, М. Лакербай, М. Хашба, О. Демерджипа, Д. Дарсалиа.

Примечательно, что все они были учениками Д. Гулиа в Сухумской учительской семинарии, где он вел курс абхазского языка. В результате его наставнической деятельности только за два года (1919–1921) было издано 11 книг на абхазском языке! Все произведения, включенные в эти книги, первоначально публиковались в газете «Апсны». Если до начала ее издания число пишущих на абхазском языке исчислялось единицами, то авторами газеты становятся более 70 человек.

---

<sup>1</sup> Кожинов В. В. Современная жизнь традиций. Размышления об абхазской литературе // Дружба народов. 1977, № 4. С. 255.

С установлением советской власти в Абхазии он издает серию книг по истории и этнографии Абхазии и абхазскому языку: «История Абхазии» (1925), «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» (1926), «Материалы по абхазской грамматике» (1927) и др.

Известный ученый-лингвист Н. Я. Марр писал: «Бесспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый ни в Европе, ни на Кавказе... не удосужился и не скоро удосужится для составления работы, по глубине искреннего интереса подобной той, которая уже готова у Д. Гулиа».

В 30-е гг. он вновь возвращается к литературному творчеству. Из всех произведений того периода можно выделить роман «Камачич», который публиковался в журнале «Апсны капш» («Красная Абхазия»). Автор справедливо предпослав данному произведению подзаголовок «Из быта абхазов», ибо в ней полнокровно изображена абхазская действительность дореволюционного периода.

Д. Гулиа работал и творил не покладая рук до конца своего долгого литературного пути. И на всех этапах тема Родины и судьбы народа занимала в его творчестве центральное место. В ответ на ложную интерпретацию грузинскими историками исторического прошлого Абхазии он, будучи уже глубоким стариком, создает стихотворение «Вот, кто я...» (1957). Там, отвечая на вопрос журналиста, поэта, в частности, говорит:

Я – ...Сын земли. Точнее – сын абхазский  
и потомок тех, кто отгонял  
от Кавказа воинов арабских,  
голову перед шахом не склонял.  
По наречью – люди Адыгеи

и черкесы – это братья мне.  
Я потомок тех, кто не сгорели  
за тысячелетия в огне...  
Я – абхазец!  
Сын родных ущелий,  
сын земли,  
где пращуры лежат.  
Всякий,  
кто идет к добру, как к цели,  
близок мне,  
как будто кровный брат!  
(Перевод Ст. Куняева)

Конечно же, жизнь людей, а тем более людей творческих, гораздо сложнее любых схем. И судьба Д. Гулиа не исключение. На своем многотрудном жизненном пути он неоднократно оказывался между беспощадными жерновами исторических обстоятельств. И поэтому ему не всегда удавалось делать и писать то, что хотелось. Иногда приходилось и отступать от своих принципов. По этому поводу верную, на мой взгляд, оценку дает один из исследователей его творчества Ш. Салакая. Говоря о роли «патриарха литературы» и месте в сложнейших исторических условиях, он отмечает: «Такое особое положение Д. Гулиа обязывало его к нестандартному, неординарному образу действий: любой свой поступок, любой шаг он должен был трезво, хладнокровно продумать, всесторонне взвесить и точно сбалансировать, а не идти напролом, в лобовую. Причем такие требования предъявлялись именно к нему как к неофициальному, неформальному лидеру нации и не к кому-либо иному. В противном случае обвинения против него, в отличие от любого другого члена общества, пусть даже самого высокопоставленного, могли обернуться непоправимой

трагедией не только и не столько для него персонально, сколько для его народа в целом»<sup>1</sup>.

Культурно-историческое наследство, оставленное Д. Гулиа потомкам, несомненно, помогло преодолеть очень серьезные испытания последних лет, когда на карту в очередной раз была поставлена дальнейшая судьба народа. Теперь, когда великая Россия признала нас как состоявшееся государство, мы снова получили возможность заняться созидаческим трудом, хотя испытание свободой тоже дело не из легких... Но и здесь нам поможет пример великого Дмитрия Гулиа.

---

<sup>1</sup> Салакая Ш. Х. Мудрость и дальновидность патриарха // А҃кәа-Сухум. 2004, № 1. С. 193.

## БОРЬБА ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ<sup>1</sup> (Интервью)

– История Института берет свое начало с 1925 года, когда была создана Академия абхазского языка и литературы. Организатором, инициатором и идейным вдохновителем был Н. А. Марр. Раньше наше здание находилось совершенно в другом месте. На берегу моря. В 1992 году во время грузинской оккупации оно было сожжено. Причем подожжен был институт намеренно. Это ясно потому, что через полчаса подожгли Государственный архив. Одновременно оба здания полыхали, и к ним не подпускали никого, чтобы спасти материалы, документы, рукописи, – они все просто уничтожили.

– *Наивный, может быть, вопрос. Зачем они даже не вывезли, но просто сожгли архив?*

– Дело в том, что Абхазский институт, его сотрудники вели не только исследовательскую работу, но занимали и определенную политическую позицию. Достаточно упомянуть нашего первого президента Владислава Ардзинба, который был в тот период директором. Могли это сделать даже просто назло ему. Но, пожалуй, уничтожение исторической памяти, следов, которые оставили абхазы в мировой истории, – это главная цель сожжения архива. В какой-то степени они ее достигли: есть вещи, которые просто невозможно восстановить, – фольклорные рукописи, рукописи известных ученых не только по истории и культуре Абхазии, но и по кавказской истории в целом. Мы сейчас не можем даже опись провести, потому что сгорела картотека. Все, что собирали Георгий Алексеевич Дзидзария, Шалва Денисович Инал-ипа и другие ученые,

---

<sup>1</sup> Интервью опубликовано в «Литературной России». 2012, 2 ноября.  
№ 144.

все там лежало. Более того: некоторые ученые, оставшиеся в Сухуме при оккупации, отнесли свои рукописи в институт, понадеявшись, что это место безопаснее.

*– Какова сейчас ситуация с гуманитарной наукой в Абхазии? Какие достижения, открытия за последнее время вы могли бы предъявить? Какие проблемы стоят перед абхазской филологией? В частности перед вашим институтом.*

– Самое главное достижение в том, что, несмотря на ту трагическую ситуацию, о которой говорилось выше, сотрудники института, особенно старшее поколение, не опустили руки, продолжили свою работу. Представьте себе, архивы как таковые отсутствуют, а библиотечный обмен хотя и имеет место быть, но совершенно не в такой степени, как, скажем, в советские времена. Тем не менее наши сотрудники стараются в среднем десять–пятнадцать книг ежегодно издавать. Я думаю, что это показатель. Я давно не считал, но точно более трехсот книг после войны мы выпустили. В связи с тем, что произошло, мы стараемся издавать сборники документов. Не знаю, интересно ли вам, но мы, допустим, издали недавно четыре книги «Материалов ООН об Абхазии». По лингвистике тоже, выпускаем словари русско-абхазский и абхазско-русский, словарь омонимов абхазского языка и т. д.

*– Ваши издания финансирует государство?*

– Я не могу пожаловаться, что государство нас бросило. Я спрашивал, например, коллег из республик северо-кавказского региона: мы получаем, как минимум, в три раза больше средств от государства, чем они. Это однозначно. Другое дело, что не все написанное надо издавать через бюджет. Люди ищут и спонсоров.

А вот что касается проблем. Самая большая проблема – кадровая. Конечно, есть более-менее молодые люди, которым сейчас под сорок лет, которые полюбили науку и

будут ею заниматься, но все же их не так много. Небольшие зарплаты не привлекают молодежь в науку. До войны у нас был всплеск интереса к археологии, сейчас почему-то туда не идут. Получше картина в истории и этнологии. Хуже с литературоведением, к сожалению. Для занятия литературоведением, как вы понимаете, нужно очень много читать. А чтение книг сейчас вытесняется чем-то другим – компьютером, Интернетом и т. д.

– *Кого из абхазских писателей вы бы посоветовали обязательно узнать нашим читателям?*

– Еще в 1958 году в Москве выходила антология абхазских писателей. Она пока на русском языке единственная. У нас тоже есть свои классики, начиная с Дмитрия Гулиа. Его, конечно, надо знать. Самсона Чанба надо знать. Безусловно, поэмы Иуа Когониа, который, к сожалению, очень молодым умер. Потом Баграт Шинкуба. Далее. Ивана Тарба возьмем, Алексея Гогуа, Мушни Ласуриа. Очень плохо переводится, но очень был талантлив Таиф Аджба – что называется «поэт об Бога». Его увезли враги из дома во время войны, и так он и пропал без вести.

– *А в современном литературном процессе есть какие-то значительные имена?*

– Я думаю, что Мушни Ласуриа, который много переводил Пушкина, перевел «Евгения Онегина», лермонтовские поэмы, библейские тексты, Шоту Руставели перевел. Он очень широко образованный человек, знает и чувствует русскую поэзию и грузинскую. Потом – Виталий Амаршан, Алексей Гогуа. А из молодых мы лучше пока повременим, а то они зазнаются. Есть талантливые девочки, которые писали неплохие вещи, но сказать, чтобы это было нечто общественно значимое, пока нельзя. Была очень талантливая поэтесса, погибла во время войны – Саида Делба. Стихи ее, к сожалению, до войны особо не печатали. Она при жизни не увидела ни одной своей книги изданной.

*– А как вам со стороны видится ситуация с гуманитарной наукой в России?*

– Гуманитарная наука немножко непохожа на так называемые «точные науки», где грубо говоря, нет надобности заново проходить, пройденный предшественниками путь – вывел формулу и пошел дальше... Здесь надо каждый раз повторять: каждому исследователю надо заново пройтись и по исследованиям предшественников, и, естественно, по проанализированным материалам; переосмысливать их находит новые документы и источники, которые ранее были не известны. Если мы будем относиться к гуманитарной науке так, как мы сейчас к ней относимся, считая ее нечто второстепенной, от этого общество, народ, страна обязательно проиграют. Когда-нибудь на каком-то витке истории придется возвращаться, но уже нужно будет догонять, восполнять потери. Есть какое-то нехорошее ожидание, предчувствие, что вот-вот последнее поколение уйдет, и наука уже больше не возродится. И тогда, уже ни за какие деньги некоторые вещи нельзя будет вернуть.

*Беседовал Евгений Богачков*

## АБХАЗСКИЙ НАРОД: ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ<sup>1</sup>

Уважаемые коллеги! Дамы и господа!

Позвольте мне начать свое выступление с благодарности всем организаторам и прежде всего хозяевам в лице: Департамента культуры города Москвы, руководства и сотрудников Центральной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Некрасова, Федерации мира и согласия, московским национально-культурным обществам, а также представителям абхазской стороны – посольства Республики Абхазия в России, Министерства культуры РА и Национальной библиотеки Абхазии им. И. Г. Папаскир и всех участников за организацию столь важного мероприятия.

Проведение книжно-иллюстративной выставки и круглого стола «Книги Абхазии: гордость нации», посвященные 100-летию выхода в свет литературного сборника Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки», помимо их символической юбилейной значимости являются свидетельством дружественных отношений России и Абхазии и плодотворного сотрудничества в культурной, образовательной и научной сферах. Есть все основания полагать, что впредь такое сотрудничество будет только расширяться и углубляться.

Обозначенная тема моего выступления – «Абхазский народ, язык, письменность», слишком обширна и сложна, чтобы в течение отведенного времени охватить ее полностью. Но я постараюсь сосредоточить внимание на наиболее главных, узловых моментах исторического и культурного развития нашего народа.

<sup>1</sup> Доклад прочитан в Центральной универсальной научной библиотеке им. Н. А. Некрасова (г. Москва) по случаю проведения книжно-иллюстрированной выставки и Круглого стола «Книги Абхазии – гордость нации», посвященной 100-летию выхода литературного сборника Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки», 12 декабря 2012 г.

Начало истории абхазского этноса уходит в глубокую древность. В исторической науке относительно этногенеза абхазов существует три основных подхода: «Один акцентирует их автохтонное происхождение; другой основан на представлении о том, что предки абхазов некогда мигрировали на ныне занимаемую территорию; третий допускает, что в этногенетическом процессе имело место взаимодействие двух вышеназванных факторов»<sup>1</sup>.

Здесь уместно отметить, что одним из сторонников миграционной концепции происхождения был и Д. И. Гулиа, 100-летие выхода в свет литературного сборника которого мы отмечаем сегодня. Он был человеком энциклопедических знаний, выступал как истинный просветитель своего народа. Наряду с литературным творчеством создавал труды по истории и этнографии Абхазии, по языку и фольклору. В 1925 г. Д. И. Гулиа издал свой труд «История Абхазии», т. I, в котором он обосновывал тезис об эфиопско-египетском происхождении абхазов, согласно которому «предки абхазов якобы переселились на Кавказ из северо-восточной Африки»<sup>2</sup>. Миграционная теория происхождения абхазов имеет еще две разновидности. Если первая из них – гипотеза, гласящая о малоазийском происхождении абхазов основывается на определенных научных аргументах, то другая, утверждающая о появлении нашего народа на данной территории в позднем средневековье (XVII в.) не имеет под собой никакой сколько-нибудь серьезной почвы и является продуктом политики и намеренного пропагандистского измышления, которая обосновала бы претензии Грузии на данную территорию.

К сожалению, и по сей день есть немало грузинских историков, придерживающихся, а то и развивающих эту, по сути антинаучную, ничего не имеющую с историей

<sup>1</sup> Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы : издание-о второе исправленное. – М. : Наука, 2012. С. 57

<sup>2</sup> Там же. С. 57.

гипотезу. Тем более, что существует достаточно большое количество письменных источников античности, которые позволяют безошибочно утверждать, что в классическую эпоху абхазы проживали на данной территории.

Какая бы из вышеназванных подходов к этногенезу абхазов не была более верна, несомненно одно, что они имели определенное отношение и были участниками создания этих древних культур. Академик Н. Я. Марр писал по этому поводу: «... в абхазской устной литературе и сейчас, когда работа только что начата сабиранием ее памятников, мы находим очевидно давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, – продолжает он, – не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской цивилизации...»<sup>1</sup> Верность мысли Марра подтверждается тем обстоятельством, что абхазы являлись наряду с некоторыми кавказскими народами создателями монументальных эпических памятников о нартах и Абрските, которые типологически и генетически обнаруживают сходства с аналогичными творениями древности и античности.

Не менее интересным периодом в истории Абхазии является период греческой колонизации, начавшейся в VI в. до н. э. Как отмечают исследователи, в этот период предки абхазов «оказались в фокусе интересов античной цивилизации, стимулировав создание древнейших письменных источников о регионе, сделав его местом действия

---

<sup>1</sup> Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык // О языке и истории абхазов. – М.-Л., 1938. С. 126.

одного из самых популярных мифов об аргонавтах, проплывших в поисках волшебного золотого руна в страну Колхов – Колхиду. Следует обратить внимание на имя одного из персонажей мифа – Апсирта, сына колхида царя Аэта. Это древнейший антропоним, сопоставимый с самоназванием абхазов апсуа<sup>1</sup>. В этот период здесь основываются такие города Диоскурия и Гиенос. Несколько позже, в начале нашей эры на территории Абхазии складываются раннеклассовые государственные образования. В период раннего средневековья происходит процесс консолидации абхазских народностей, тем более, что такая необходимость возникла из-за длительных войн, которая вела Абхазия с византийской империей и Сасанидским Ираном.

В Абхазию христианство начало проникать достаточно рано. Об этом свидетельствует то, что один из апостолов Симон Кананит принял мученическую смерть в Псырдзхе (ныне Н. Афон), где и был погребен. На рубеже III–IV вв. в Питиунте (ныне Пицунда) образовалась наиболее ранняя христианская община на Кавказе. В 325 г. епископ питиунский Стратофил представлял эту общину на 1-м Вселенском соборе в Никее<sup>2</sup>. В качестве официальной религии христианство в Абхазии было признано в 30–50-х годах VI в.

В 737–738 гг. арабский полководец Мурван-ибн Мухаммед, прозванный Глухим, преследуя грузинских правителей, вторгается в Абхазию. Он был остановлен у стен Анакопии (Н. Афон). В этом сражении абхазы одержали победу, после чего правитель Абхазии Леон I получил от византийского императора наследственную власть. Считается, что к этому времени «окончательно и стablyно сложился единый абхазский народ», а страна Абхазия

<sup>1</sup> Бгажба О. Х. Указ. соч. С. 63.

<sup>2</sup> Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2007. С. 106.

«представляла собой одно из могущественных государственных образований в кавказском регионе, которое проводило весьма активную внешнюю политику», она еще в начале VIII в. через династические браки, устанавливает межгосударственные отношения с Хазарией<sup>1</sup>. В этот период окончательно складывается Абхазское царство, которое ведет активную внешнюю политику, совершают удачные военные походы и расширяет свои границы. Со временем столица государства переносится в Кутаиси, а Анакопия сохраняет место второго стольного города. Необходимо отметить, что в этот период имело место значительный культурный подъем. На территории Абхазского царства строится свыше десятка крупных архитектурных сооружений – христианских храмов в Пицунде, Алахадзы, Лыхны, Псырдзхе, Илоре, Мокве, Бедии и т. д.

Однако, с течением времени происходит политическое ослабление и угасание Абхазского царства. По поводу того, когда именно оно прекратило свое существование в исторической науке имеются разногласия. Одни считают, что это произошло в 978 г., когда был свергнут абхазский царь Феодосий Слепой и новым царем был провозглашен Баграт III. Другие же полагают, что оно просуществовало еще 3 века. Сторонники второй версии обосновывают данный тезис тем, что в титулатуре последующих царей абхазы названы первыми, а сын царицы Тамары и осетинского царевича Давида Сослана – Георгий (IV) «носил абхазское эпитетное имя Лаша», которое переводится с абхазского как «светлый».

Именно тогда абхазы соприкасаются с Древней Русью. В древнерусских памятниках они именуются обезами. С течением времени Абхазское царство распадается на

---

<sup>1</sup> Амичба Г. А. Средневековый период (VI–XVIII вв. Абхазы. – М., 2012. С. 67.

ряд мелких царств. На его территории образовываются Имеретинское царство, Мегрельское, Сванетское княжества. Сама же Абхазия, являясь независимой, ведет постоянные войны с вновь образовавшимися этнополитическими государствами.

«В XIV–XV вв. на побережье Абхазии располагались генуэзские торговые фактории. Они были основаны в Гагре (Какари), Алахадзы (Санта-София), Пицунде (Пецонда), Гудауте (Каво-ди-Буксо), Анакопии (Никоффа), Сухуме (Севастополь), Тамыше (Таманса) у устья реки Ингур (Санта-Анджело). Все они подчинялись г. Кадифе (Феодосия) на Крымском полуострове, где находилась резиденция главного консула Генуи»<sup>1</sup>.

В позднесредневековый период в Абхазии определяющую роль играло вторжение Турции на территорию Абхазии и ее вмешательство во внутреннюю жизнь княжества. «С середины XVI в. (в 1555 г.) Абхазия и все Западное Закавказье оказалось под сферой влияния Османской Турции. В ряде прибрежных пунктов они основали свои опорные базы. В Сухумской крепости разместили военный гарнизон (1578 г.), у устья реки Ингур – в Анаклии – возвели крепость (1723 г.)»<sup>2</sup>. К концу XVIII в. Владетелю Абхазии Келешбею удается на короткое время проводить самостоятельную внешнюю политику, он стремился к достижению полной свободы и независимости. Однако, Абхазия, как и весь Кавказ, стала яблоком раздора двух могущественных держав: России и Турции. В результате заговора он был убит в своей резиденции, в Сухумской крепости в 1808 г. После чего владельцем становится его сын Асланбей. Тем временем, другой сын Келешбека – Сефербей (Георгий) обращается к российскому императору Александру I с просьбой о принятии Абхазии в поддан-

<sup>1</sup> Амичба Г. А. Указ. соч. С. 70.

<sup>2</sup> Там же. С. 72.

ство России. И российский император Александр I в своей грамоте от 17 февраля 1810 г. признал Георгия (Сефербека) «наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи». Летом 1810 г. Асланбек был выдворен из Сухума, а Сефербек возведен в ранг правителя. Таким образом, произошло присоединение Абхазии к России.

С этого момента до 1864 г. Абхазия находилась в составе Российской империи на правах «автономии», поскольку ею управляли владетели. Однако, в 1864 году владетель Михаил был выслан в Воронеж, после чего управление Абхазией перешло к царской администрации. В целом, в этот период во взаимоотношениях России и Абхазии имели место события, которые по своим последствиям и характеру являлись диаметрально противоположными. С одной стороны, махаджирство – насилиственное изгнание значительной части коренного народа за пределы страны, а с другой – просветительство, которое в итоге и позволило сохраниться абхазскому народу.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. абхазский народ был объявлен виновным населением, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таковым он оставался до 1907 г., когда царь Николай II своим указом отменил данное решение. В документе-обращении к абхазскому народу, сделанном Наместником Его Императорского Величества на Кавказе, генерал-адъютантом, графом Воронцовым-Дашковым, в частности, говорится: «Тяжесть наказания испытана им (то есть народом) в полной мере. Зная поведение коренного населения, я не мог не обратить внимания на то, что оно искренно старалось загладить прошлое в полной мере своего долга в отношении нашего Августейшего Монарха. Мне особенно приятно было в этом убедиться в смутное время 1905 г., когда абхазы с честью вышли из испытания...

Между жителями Сухумского округа нет теперь деления на виновных и невиновных. Старая вина предана забвению. Приветствую Вас с великой Царской милостью и твердо верю в то, что абхазцы виновными против своего Государя Императора никогда и не при каких обстоятельствах более не будут». Документ датирован 11 мая 1907 г.<sup>1</sup> И действительно, когда началась Первая мировая война сотни абхазов встали на защиту России. Многие из них отдали свои жизни, многие были награждены различными знаками отличия, а четверо стали полными кавалерами Георгиевского креста. Но, как известно, свершившаяся в России революция свела на нет все проявленные ими верность и чудеса героизма этой войне, и они долгое время были преданы забвению.

После распада Российской Империи Абхазия вошла в Союз объединенных горцев Кавказа, чуть позже в Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов Степей. В самой Абхазии был создан представительный орган государственной власти – Абхазский народный Совет. Как известно, в этот исторический отрезок событий развивались драматически и с калейдоскопической скоростью. Так, 11 мая 1918 г. была провозглашена Северо-Кавказская республика (Горская республика), куда и вошла Абхазия. Однако, в июне того же года грузинские войска оккупировали Абхазию, ее территория была объявлена генерал-губернаторством, а Абхазский народный Совет разогнан.

В 1921 г. абхазские повстанческие отряды «Кераз» совместно с 9-й Красной Армией изгнали с территории Абхазии представителей грузинского оккупационного режима – меньшевиков, и власть в свои руки взял Ревком Абхазии во главе с Е. А. Эшба. Было объявлено о созда-

---

<sup>1</sup> Салакая С. Ш. Абхазия в годы аграрной реформы П. И. Столыпина. – Сухум, 2012. С. 60.

нии Советской Социалистической Республики Абхазия (ССР). С некоторыми оговорками таковой Абхазия просуществовала до 1931 г. Когда уже укоренившийся в Кремле И. Сталин мог, как это делалось тогда, без согласования с народом, включить Абхазию в состав Грузинской ССР на правах автономии, после чего она стала Абхазской АССР<sup>1</sup>. Во второй половине 30-х гг. Абхазия вместе со всей остальной страной испытывала все тяготы репрессивно-государственной машины с той разницей, что была уничтожена большая часть абхазской национальной элиты во главе с ее руководителем Н. А. Лакоба.

С началом Великой Отечественной войны абхазы вместе с другими народами встали на защиту Отечества. На полях сражений погибло около 7 тысяч этнических абхазов. Но невзирая на все это и в послевоенный период продолжалась политика, «направленная на подавление абхазской национальной культуры и образования»<sup>2</sup>. Закрывались абхазские школы, а абхазский язык был объявлен диалектом грузинского языка и т. д. Все это не могло не вызывать возмущения и сопротивления со стороны представителей народа. В 1947 г. абхазские ученые Г. А. Дзидзария, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба обратились с письмом в ЦК КПСС, в котором констатировались факты дискриминации абхазской культуры, языка и народа в целом.

С наступлением хрущевской оттепели, ситуация в некоторой степени изменилась в лучшую сторону. Однако, в несколько завуалированной форме продолжалось этнодемографическое освоение территории Абхазии со стороны властей из Тбилиси, чинились всякого рода препятствия по развитию абхазской национальной культуры. Это вызывало протестное настроение в среде абхазов, которые

<sup>1</sup> См.: Лакоба С. З. Абхазия в XIX – начале XX вв. // Абхазы. – М., 2012.

<sup>2</sup> Чирикба В. А. Советская Абхазия в 1921 – начале 1991 г. // Абхазы. – М., 2012. С. 92.

каждое десятилетие – 1957, 1967, 1978, 1989-е гг. – проводили различные акции-митинги, демонстрации, забастовки и т. д.

После распада Советского Союза Грузия во второй раз за столетие решила военным путем прибрать к рукам Абхазию, оккупировав часть ее территории. Тяжелая, кровопролитная война, продолжавшаяся в течение 13 месяцев завершилась победоносно 30 сентября 1993 г. Агрессор был изгнан с территории Абхазии, которая ценой больших потерь отстояла свою независимость. Здесь уместно напомнить, что агрессор старательно и беспощадно уничтожал очаги культуры. В частности, были намеренно сожжены Государственный архив Абхазии и Абхазский научно-исследовательский институт. Необходимо отметить, что в победу Абхазии свою значимую лепту внесли представители народов Кавказа, казаки и люди доброй воли из разных городов России, которые пришли на помощь истекавшему кровью абхазскому народу. Положительный итог войны был достигнут еще и потому, что во главе Абхазии стоял широкообразованный человек, известный ученый-хеттолог, многие годы проработавший в Москве – в Институте востоковедения – В. Г. Ардзинба.

Но и послевоенная жизнь для народа Абхазии складывалась далеко не сладко. В лихие 90-е нам была объявлена экономическая и информационная блокада. И лишь к началу нового XXI в. ситуация стала меняться в лучшую сторону, стали восстанавливаться экономические и культурные связи с Российской Федерацией. А после августовских событий 2008 г., когда Грузия совершила очередную военную агрессию в отношении Южной Осетии, Россия нашла в себе мужество признать эти государства – Южную Осетию и Абхазию, как суверенные. Это произошло 26 августа 2008 г., а 17 сентября того же года в Москве был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимо-

помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия. Примеру России в дальнейшем последовали Никарагуа, Венесуэла, Науру, Вануату и Тувалу. Надеемся и верим, что процесс этот будет иметь продолжение.

Такова вкратце схема истории абхазского народа. Теперь о языке.

Абхазский язык (апсуа бышшэа) составляет подгруппу абхазо-адыгской группы северокавказской семьи языков. Ближайшими родственными ему языками являются абазинский, адигейский и кабардино-черкесский, а также, к сожалению, недавно вымерший убыхский язык.

Некоторые ученые допускают, что общим языком абхазо-адыгской группы в древности мог быть вымерший хаттский язык, на котором говорило население древней Малой Азии на рубеже III-II тысячелетия до н.э.

Абхазский язык относится к языкам со сложной системой согласных звуков.

В одном из его диалектов – бзыпском, наличествует 67 фонем. В то время как система гласных минимальна – имеет всего лишь 2 полногласные фонемы – а и ы<sup>1</sup>. В лексическом составе современного абхазского языка преобладают исконные слова. Но за последние полтора века в язык вошло большое количество неологизмов, которые представляют собой кальки с соответствующих русских терминов. Помимо этого в абхазском языке имеются заимствования слов из картвельских языков, турецкого и арабского, а также наблюдаются более ранние пласты лексики из адыгского и староосетинского (аланского) происхождения.

Состав традиционной топонимии Абхазии достаточно однороден и зиждется на собственно абхазском или родственных адыгских языках. В настоящее время функционируют два диалекта – абжуйский и бзыпский, хотя

<sup>1</sup> См. : Чирикба В. А. Абхазский язык // Абхазы. – М., 2012. С. 26.

до махаджирства имели место три. Помимо названных, бытовал и садзский диалект, носители которого были выселены в Турцию.

В Республике Абхазия абхазский язык является государственным. Значительное количество носителей этого языка проживают и за ее пределами: в Аджарии, Турции, Сирии, Иордании, незначительно – в Западной Европе (Германии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Великобритании) и США.

Абхазский язык привлекал и привлекает достаточное внимание с точки зрения его изучения со стороны ученых разных стран. Начало научного изучения было положено немецким ориенталистом Г. Розеном в небольшой по объему работе. «Однако подлинное научное и обстоятельное описание абхазского языка принадлежит выдающемуся русскому исследователю-кавказоведу, генералу П. К. Услару, создавшему первую грамматику абхазского языка, литографическое издание появилось в 1862 г., типографская версия – в 1887-м). Эта работа вошла в золотой фонд кавказоведения и сегодня не утратила своей научной значимости<sup>1</sup>. Называлась эта работа «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык».

В дальнейшем абхазский язык изучался такими исследователями, как: Н. Марр, П. Чарая, Н. Яковлев, А. Генко, А. Дирр, Ж. Дюмезиль, В. Люкассен, М. Циколия, К. Ломтатидзе, Б. Джанашия, А. Шагиров, А. Абдоков, М. Кумахов, С. Старостин, Г. Шмидт, Г. Деетерс, К. Боуди и мн. др.

С 20-х гг. прошлого века начинают формироваться национальные кадры – специалисты по изучению абхазского языка. Это Д. Гулиа, А. Хашба, В. Кукба, Х. Бгажба, К. Шакрыл, Ш. Аристава, Л. Чкадуа, Т. и Е. Шакрыл, Т. Халбад, В. Конджария, В. Бганба и др. В настоящее время свои лингвистические исследования успешно проводят Ш. К. Арс-

<sup>1</sup> Чирикба В. А. Указ. соч.

таа, Л. П. Чкадуа, Л. Р. Хагба, Р. К. Гублиа, В. Е. Кварчия, В. А. Касландзия, Л. Х. Саманба, В. А. Чирикба, Н. В. Аршба, О. П. Дзидзария, Б. Г. Джонуа, В. А. Амичба, С. А. Амичба, Б. А. Хагуш, Е. Ш. Тания, А. Ш. Ажиба и др.

Вопрос письменности более сложный. Среди ученых есть такие, которые считают, что предки абхазов пользовались письменностью издревле. Это, прежде всего нашумевшая Майкопская плита, датируемая XIII–XII вв. до н. э. и Сухумская керамическая плита II в. до н.э. За дешифровку этих памятников взялся известный ленинградский языковед Г. Ф. Турчанинов, который и прочел их тексты на абхазском языке, названный им как ашуйское письмо. Вот, что он пишет в связи с проделанной над текстом работой: «В 1968 г. в моих руках оказался второй памятник – Сухумская надпись II в. до н. э. Общность дукта письма этого памятника с Майкопской надписью, общность ряда слов и форм обоих памятников не оставили сомнения в том, что на протяжении целого тысячелетия (с XIII по II вв. до н. э.) на обширном пространстве от Аквы (Сухум по-абхазски) до Майкопа звучала одна и та же древняя речь, и употреблялось одно и то же письмо... Стало совершенно очевидным, что письмо, называемое мною «колхидским», можно с достаточным основанием именовать и «древнеабхазским»<sup>1</sup>. Поначалу гипотеза Турчанинова была принята с оптимизмом и воодушевлением, но с течением времени к ней начали относиться скептически. Ученые, отвергающие данную гипотезу, делятся на две группы. Первая группа – это те, которые исходят из принципа «этого не могло быть по определению», вторые же считают, что ученый дешифровал текст на слишком современном языке. Положение усугубля-

<sup>1</sup> Г. Ф. Турчанинов. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М., 1999. С. 25.

ется тем обстоятельством, что специалистов-эпиграфистов в современной лингвистической науке не так уж и много. Поэтому аргументы «за» и «против» должны быть аргументированы на основе, прежде всего собственно лингвистических данных. Другая попытка прочтения на древнеабхазском языке предпринята современным исследователем, лингвистом В. А. Чирикба. Он подверг анализу памятник поздней античности (V в. н. э.) и имевшиеся трактовки письма и сделал следующий осторожный вывод: «Изложенная здесь попытка прочтения надписи на древнеабхазском языке представляет собой, конечно, гипотезу. Однако, ввиду нахождения надписи в Абхазии, ее негреческий язык, возможность ее прочтения на местном языке, то есть на абхазском, весьма высока и, во всяком случае, представляется вполне законной альтернативой гипотезой ее прочтению на древнесетинском (аланском) языке»<sup>1</sup>.

Существуют и другие косвенные свидетельства о наличии абхазского письма. Так, в старославянском памятнике «Житие Константина-Философа», написанном в 80-х гг. IX в. читаем: «Мы же многы роды знаем, книги оумеюща и Богу въздающа своим языком каждо. Яве же суть си: Ормени, Перси, Авазги, Иверы, Соугди, Готьори, Обри, Тоургии, Козари, Аравляни, Егуптяни, Соури и ини мнози»<sup>2</sup>.

«Ссылка на абхазов, как имеющих христианское богослужение на родном языке содержится и в книге баварского автора XV в. Йоханна Шильтбергера»<sup>3</sup> и др.

В дополнение к сказанному можно упомянуть еще один источник грузинских средневековых письменных источников, в котором упоминается считающийся утерянной

<sup>1</sup> В. А. Чирикба. О новом прочтении «Келасурской» надписи // Абхазоведение. Серия: Археология. История. Этнология. – Сухум, 2011. С. 156.

<sup>2</sup> А. Л. Папаскир. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум, 2005. С. 339.

<sup>3</sup> Чирикба В. А. Абхазский язык // Абхазы. – М., 2012. С. 38.

книга «Жизнь абхазов», о которой грузинский летописец пишет, что в ней более подробно написано о сущности жизни абхазов и политических событиях VIII–X вв.<sup>1</sup> Ответа на вопрос – что за источник, на каком языке он написан, невозможно получить, не найдя его.

Думаю, специалисты не опустят рук и дальше будут продолжать поиски следов более раннего абхазского письма, ибо слишком много косвенных свидетельств о его существовании, которых не брать в расчет нельзя. Будет ли им сопутствовать удача – это вопрос. Не исключено, что это вопрос времени.

Что касается ныне реально действующей абхазской письменности, то она берет свое начало с упомянутого выше Петра Карловича Услара, который занимался разработкой письменности для горских народов Кавказа. Он в 1862 г. разработал для абхазского языка алфавит на русской графической основе, написал грамматику абхазского языка и издал в Тифлисе. С тех пор абхазский алфавит неоднократно претерпевал существенные изменения. В 1926 г. был осуществлен переход на латинскую графику, на так называемый «аналитический» алфавит Н. Я. Марра. Через два года под руководством Н. Ф. Яковлева был составлен другой алфавит, тоже на латинице, но более усовершенствованный. В 1938 г. был осуществлен перевод абхазского письма на грузинскую графическую основу, а в 1954-м вновь была возвращена кириллица, которая с незначительными изменениями действует по настоящее время.

В 1865 г. выходит первая «Абхазская азбука» («Апсшәа нбан»). Ее подготовила комиссия во главе с другим генералом и ученым И. А. Бартоломеем, в которую входили, как писали тогда, природные абхазцы – И. Гегия, Д. Маргания, С. Эшба, Г. Курцикдзе.

<sup>1</sup> Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. – Сухум, 2011. С. 10 и др.

В этой азбуке собственно художественные произведения занимают немалое место. Естественно, это были тексты для детей, что подтверждает верность наблюдения В. Шкловского, констатировавший, что «очень часто новая литература притворяется детской литературой»<sup>1</sup>. В Бартоломеевской азбуке содержатся два дидактических рассказа, две статьи, 14 переводных произведений и 4 наставления христианско-религиозного толка. Главным методическим ориентиром – источником для составителей данной азбуки были учебники К. Д. Ушинского, которые получили широкое распространение в России как раз в начале 60-х гг. XIX в. В частности, среди опубликованных в этой «Абхазской азбуке» встречаются басни И. А. Крылова в прозаическом изложении. В их числе «Бедняк», «Лягушка и Бык», «Орел и Куры», «Барс и Медведь», «Орел и Крот», «Хозяин и Собака», «Муха и Пчела», «Хвастливый заяц» и др.

Следующей книгой на абхазском языке был перевод «Краткой священной истории», осуществленный той же комиссией и изданный в 1866 г.

Второй абхазский букварь был издан смотрителем Сухумской горской школы К. Д. Мачавариани и его учеником Д. И. Гулиа в 1892 г. под названием «Абхазская азбука. 10 заповедей и Присяжный лист». В данной азбуке опубликовано 4 коротких рассказа, предназначенных для учащихся.

Большее количество произведений мы встречаем в изданной в 1906 г. «Абхазской азбуке и статей для чтения и письма». В ней опубликовано 19 произведений детской художественной литературы, среди которых два являются первыми публикациями в стихотворной форме. Остальные 17 в основном являются переводами из учебников К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого.

---

<sup>1</sup> Шкловский В. Б. О теории прозы. – М. : Советский писатель, 1983. С. 315.

Следующее учебное пособие вышло в 1908 г. под названием «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ», которая была составлена А. Чукбар и Н. Патейпа. Перевод большинства текстов с русского языка было осуществлено ими же. Всего в книге было опубликовано 69 произведений различных жанров. Из них в прозаической форме написаны 54 произведения, в стихотворной форме – 15. В данном учебном пособии было опубликовано 56 переводных произведений, и 8 оригинальных, 2 фольклорных сюжета и 2 статьи.

Стоит подчеркнуть, что впервые оригинальные произведения Д. И. Гулиа увидели свет именно в этой книге. Это такие стихотворения как: «Весна», «Двое еле шли, третий не догонял», «Какое милое создание!», которые позже вошли в первый литературный поэтический сборник «Стихотворения и частушки» 1912 г., а также его рассказы «Необходимо учиться», «Неученый сын» и «Как жить».

В 1909 г. была издана новая «Абхазская азбука», автором которой был А. М. Чочуа. В ней опубликованы 6 педагогических рассказов, часть из которых были переведены из толстовских книг для чтения.

Наряду с учебной литературой имело место издание переводов на абхазский язык христианских религиозных текстов. Это, помимо уже упомянутой «Краткой священной истории», – «Божественная литургия Иоанна Златоуста» (1907), «Требник» (1907), «Служебник» (1907), «Евангелие» (1912) и др. Одним из переводчиков названных книг выступал и Д. И. Гулиа. Следует отметить также и такие издания, как: сборник «Абхазских пословиц», составленный Д. И. Гулиа и учебник по арифметике Ф. Х. Эшба. Обе книги были изданы в 1907 г.

Как видим, первые произведения художественной литературы, зазвучавшие на абхазском языке были переводными. Возникновение же национальной литературы

было реакцией на нужды времени. Абхазская литература зарождалась в трех ипостасях: как переводная, как детская, и как религиозно-христианская. Эти факторы взаимообусловлены и внутренне тесно взаимосвязаны. Именно в таком синкретизме абхазская литература проходила свой начальный, подготовительный этап, который протекал в течение полувека (1862–1912).

Анализ начального этапа абхазской детской литературы наглядно свидетельствует, что такое значительное событие для народа, каким является рождение национальной, письменной художественной литературы не может быть случайным и внезапным. Оно – исторически обусловленное явление, результат подвижнической деятельности определенной группы единомышленников, которые осознавали значимость просвещения среди своего народа, несли ответственность за проделанную ими работу.

Но необходимо было сделать следующий значимый шаг. Издать произведения, содержащие настоящую литературу, не имевшую прикладного педагогического характера. И на этот шаг решился Д. И. Гулиа. В 1912 г. в Тифлисе, в Типографии Канцелярии Наместника Его величества на Кавказе выходит первый поэтический сборник на абхазском языке Д. И. Гулиа, который и стал тем первенцем, фундаментом на котором в дальнейшем и создалась абхазская литература. Издание было осуществлено Обществом распространения грамотности среди абхазцев. Этот небольшой по объему сборник включал в себя 30 стихотворений, написанных поэтом в разные годы, самое раннее из которых датировано 1906 г. Следует сказать, что четыре произведения из этого сборника не вошло ни в одно издание советского периода. Это такие стихи, как: «Нищий», «Молния», «Владимир», «Самое полезное из знаний». Причиной же была их тематика – неприкрытая религиозная направленность.

Среди 30 стихотворений, большинство из которых являются оригинальными, встречаются и переводные, или написанные по мотивам произведений других авторов. В частности, стихотворение «Весна» является переводом произведения русского поэта А.В. Кольцова «Урожай», а стихотворение «Человек» – грузинского поэта М. Гуриели. Переводы эти были вольными, поскольку Д. Гулиа специально в подзаголовке отмечает, что они подражательны. Как отмечают все без исключения исследователи значение этой книги трудно переоценить. Потому что это была настоящая художественная литература. Тематика вошедших в книгу произведений была самая разнообразная. Здесь мы встретим и обличительную сатиру, и жизнеутверждающий оптимизм и христианскую мораль. И все они объединены одной стрежневой мыслью – просветительской.

Буквально в следующем, то есть в 1913 г. Д. Гулиа издает свой второй сборник «Переписка юноши и девушки». Именно в этой книге появляется первая поэма в абхазской литературе. Встречается также и жанр частушки, к которому он вернется в более поздний период своего творчества, в начале 1930-х гг.

Все исследователи творческой биографии Д. Гулиа солидарно отмечают масштабную и многогранную значимость личности. Отмечают, что он «центральная фигура не только в истории литературы, но и всей национальной культуры абхазского народа...», что с ранних лет он твердо и непоколебимо встал на путь просвещения родного народа и до самых последних дней своей долгой, плодотворной жизни ни разу не сворачивал с избранного пути»<sup>1</sup>.

До установления Советской власти в Абхазии выходят еще несколько небольших сборников художественных произведений на абхазском языке. Среди них опять мы

<sup>1</sup> Салакая Ш. Х. Литература // Абхазы. – М., 2012. С. 435.

встречаем переводы пьес, осуществленные Д. Гулиа с грузинского. Это «Проклятый день» В. Баланчивадзе (1919), «Двое голодных» Д. Ацкурели (1920), с русского – «Да здравствует свобода!» Д. Захарова (1920), его же два «Абхазских календаря» за 1920 и 1921 гг., были изданы также драма С. Я. Чанба «Махаджир» (1920) и пьеса М. Л. Хашба «Сцена для детей» (1920). Всего до советизации Абхазии на абхазском языке по нашим данным было издано 32 книги. В течение двух лет (1919–1921) издавалась первая абхазская газета «Апсны» («Абхазия»), которую в основном редактировал Д. И. Гулиа. В ней было опубликовано достаточно большое количество литературных произведений разных жанров – лирики, прозы и драмы.

В этот период произошло одно очень важное событие, которое ускоряло издание печатной продукции. А именно – «в 1919 году по заказу А. М. Чочуа в тифлисской словолитне Мадера впервые отливаются гарнитура абхазского шрифта в целях создания стационарного издательства в Абхазии»<sup>1</sup>.

После установления Советской власти в Абхазии 4 марта 1921 г., новая власть расширяет сеть учебно-просветительских учреждений, создает органы партийных изданий и организовывает работу издательства. 18 мая 1921 г. при Наркомпросе Абхазии был организован Главполитпросвет, а в январе 1922 г. при нем начала работать редакционно-издательская коллегия<sup>2</sup>.

В 1930 г. начинает работу Абхазское государственное издательство (АбГИЗ), которое в 1963 г. ликвидируется и вместо него при Газетно-журнальном издательстве Абхазской АССР создается книжно-издательский сектор. Однако очень скоро стала очевидной неэффективность подобного реформаторства и уже в следующем 1964 г. создается

<sup>1</sup> Гумба А. Р. Из истории развития книгопечатания в Советской Абхазии. – Сухуми : Алашара, 1990. С. 8.

<sup>2</sup> Там же. С. 12.

государственное издательство «Алашара». Последний раз издательство было переименовано в 2007 г. и ему было возвращено первое название – АБГИЗ.

В советский период с разной степенью регулярности выходили газеты на абхазскомзыке «Апсны капш» («Красная Абхазия») и «Апсны», поэтический альманах «Ецваджаа» («Созвездие») (1928). Это издание возобновлено Ассоциацией писателей Абхазии в 2004 г. Издавались журналы «Апсны капш» (с 1933), «Литературный журнал» (с 1939). С 1955 г. выходит общественно-политический журнал, орган союза писателей Абхазии «Алашара» («Свет») и детский журнал «Амцабз» («Пламя») (с 1957).

В Советское время, несмотря на все известные сложности, укрепились писательские кадры, абхазская литература преодолела этапы своего становления и развития. Многие авторы переводились на разные языки мира. К примеру, новеллы М. А. Лакербай были переведены на свыше 20 языков мира, а известный роман Б. В. Шинкуба – на многие европейские и восточные языки. Имена авторов переведенных на различные языки можно продолжить, но дело не в этом. Главное здесь то, что издание произведений абхазских авторов имели тенденцию качественного улучшения и количественного увеличения. И в настоящее время этот процесс не прерван, а наоборот наполнился новым качеством – переизданием собраний сочинений. Здесь можно отметить одно очень важное полезное нововведение – издание литературного наследия ушедших из жизни авторов. Одним словом, жива и развивается национальная литература, основы которой 100 лет назад заложил Д. И. Гулиа, а раз так, несомненно, что она имеет будущее.

Книга – великое изобретение человечества, а с момента изобретения книгопечатания И. Гуттенбергом, она стала мощнейшим рычагом его развития. Благодаря книгопечатанию стало возможным закрепление и распространение

научных исследований, различного рода информации. Оно способствовало развитию образования, унификации орфографии, содействовало развитию литературы на национальных языках.

Автор «Литературной газеты» Екатерина Глущик, говоря о проблемах современного книгоиздания, вполне справедливо замечает, что «из всех видов искусств самым развивающим является чтение...»<sup>1</sup>

Сейчас много споров по поводу того, за кем будущее – за книгой или электронной техникой. В конце концов, это дело вкуса и привычки каждого. Жаль, что многие издания отказываются от бумажной версии и полностью переходят на электронный ресурс. В этом отношении я целиком согласен с мыслью Владимира Зайцева – бывшего президента Российской библиотечной ассоциации и генерального директора Российской национальной библиотеки, который в одном из своих интервью заявил: «Человечество за свою историю накопило интеллектуальный потенциал, который выражен в настоящее время в основном в печатной форме. И вряд ли человечество откажется от книг, в которых хранится вся мудрость мира. Библиотеки являются социальным институтом»<sup>2</sup>.

Одним из таких социальных институтов, куда ходили и ходят за постижением знаний, является гостеприимно принимающая нас Центральная универсальная научная библиотека им. Н. А. Некрасова. Хочу особо поблагодарить всех сотрудников и руководство этого храма за прекрасно организованное мероприятие и пожелать всем вам здоровья, благополучия и успехов. В завершении хочу привести пример того, что между Абхазией и Некрасовской библиотекой давно существовали и существуют

<sup>1</sup> Глущик Е. Ф. 100 000 писателей и один режиссер // ЛГ. № 29 (6331) 20–26 июля, 2011. С. 7.

<sup>2</sup> Зайцев В. Н. Музы и сейфы : интервью // Литературная газета. 2009, № 28. 8–14 июля.

хорошие отношения. Узнав, что я еду сюда, сотрудник нашего института, известный поэт, переводчик, литературовед, академик М. Т. Ласуриа показал мне копию документа-акта, который гласил, что он со своим тогдашним сокурсником по Литературному институту Д. Ахуба передали в дар вашей библиотеке 328 экземпляров книг на абхазском и русском языках. Он очень сердечно отзывался о сотрудниках вашего учреждения. Тепло упомянул имя Элеоноры Николаевны Канонихиной, которая, как я понимаю, была директором библиотеки. Продолжая эти традиции, я в свою очередь хотел бы передать в дар некоторые издания Абхазского института.

Благодарю за внимание!

## ЧИТАЙТЕ ПУШКИНА!<sup>1</sup>

Уважаемые друзья!

Сегодня мир, полагаю, далеко не только поэтический, отмечает очередную дату со дня рождения Пушкина. Само это событие говорит за себя. Прошло 176 лет со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина, а человечество продолжает отмечать день его рождения. Это свидетельство того, что 214 лет назад родился не просто обычный человек, а произошло чудо. Своими творениями Пушкин разрушил привычные мерки времени и пространства и связанные с ними понятия. Потому как, сколько бы времени ни прошло, созданные им сокровища словесной мудрости не потеряют своей значимости, мирно пересекая государственные и национальные границы, завоевывая умы и сердца людей.

Об Александре Сергеевиче Пушкине написано в сотни раз больше, чем написал он сам. Среди них большое количество исчерпывающие содержательных работ. Но, на мой взгляд, в них не достает одного – нет объяснения того, с чем связано явление поэта Пушкина. Логически-рассуждочно детерминированный подход, исходящий из фактов его биографии о влиянии на юного Пушкина няни Арины Родионовны, Г. Державина («Старик Державин нас заметил / И в гроб сходя благословил») или его дяди («– Мой дядюшка – поэт / На то мне дал совет / И с музами сосватал») не могут до конца удовлетворительно ответить на поставленный вопрос.

Конечно же, эти примеры говорят о том, что каждый из них сыграл большую и важную роль в становлении поэта. Но, на мой взгляд, исходить нужно из того, что Пушкин просто не мог не стать поэтом, потому как он им родился. Читаешь его произведения и не ощущаешь ни-

---

<sup>1</sup> Речь была произнесена в июне 2013 г. по случаю празднования 214-летия со дня рождения А. С. Пушкина в г. Сухуме и опубликована в газете «Ет҃еацъа» («Созвездие»), № 6–7. Июнь–июль, 2013 г.

какого насилия автора над собой. Такое впечатление, что они сами посещали его разум и душу, а не сам он их искал. Об этом свидетельствует и раннее творчество Пушкина – в основном состоящее из посланий, писем и посвящений. Его письма, написанные стихами – лучшее свидетельство того, что это для него это было не необходимостью, а потребностью.

Поражает кругозор и осведомленность раннего Пушкина. Стихи, написанные им в 15–16-летнем возрасте пестрят именами классиков литературы античной эпохи и европейских литераторов, цитатами из их произведений и их героями. Создается впечатление, что Пушкин еще совсем молодым определенно знал, что его жизненный путь будет связан лишь поэтическим вдохновением, и что судьбой ему предначертано оседлать Пегаса. Еще, будучи молодым, он отчетливо осознает, что выбираемый, им сознательно или помимо его воли, путь не легок и тернист. И, вопреки своему же утверждению – «Быть славным – хорошо, спокойным – лучше вдвое», он идет по предначертанному свыше – первому пути. Об этом свидетельствуют такие строки:

Держись, держись всегда прямой дороги  
Ведь в мрачный ад дорога широка.

Или – «Поэтов хвалят все, питают лишь – журналы».

А в посвящении «К другу стихотворцу» читаем:

... не тот поэт, кто рифмы плесть умеет  
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.  
Хорошие стихи не так легко писать,  
Как Витгенштейну французов побеждать,  
Меж тем, как Дмитриев, Державин, Ломоносов,  
Певцы бессмертные, и честь и слава россов.

Таким образом, Пушкин отдает дань своим предшественникам, но все же понимает, его поэзия – это новое слово в литературе, и что эта литература новая. Улавливается голос неудовлетворенности в отношении предшествовавшей ему литературы:

Но, да не будет воскресенья  
Усопшей прозы и стихов.

Или другое:

Писали слишком мудрено,  
То есть и холодно и темно,  
Что очень стыдно и грешно!

Гениальность Александра Сергеевича Пушкина проявляется во всем: в языке, в мысли, в многоплановости, в точности и непосредственности. Он искренен, когда говорит: «Я петь пустого не умею». Ему веришь, когда он жертвует своей душой:

Ах! Ведает мой добрый гений  
Что предпочел бы я скорей  
Бессмертию души моей  
Бессмертие своих творений.

Фазиль Искандер таким образом определяет, что есть Пушкин вообще. Это – «пушкинская улыбчивость, пушкинская бодрость, пушкинская мудрость, его обузданная вольность, даже плодоносная грусть». И далее приходит к выводу: «Такое скопление великих талантов в одном человеке не может быть случайным, а может быть только путеводной звездой, как не может быть случайностью разумность человека вообще и разумность Пушкина в особенностях»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Искандер Ф. А. Слово о Пушкине // Ласточкино гнездо : проза, поэзия, публицистика. – М. : Фортuna Лимитед, 1999. С. 427–428.

При всей многоликости и разносторонности творчества А. Пушкина,

особый приют его счастливой поэзии принадлежит свободе, желая «воспеть

Свободу миру». Свое предназначение в этом вопросе он рассматривает очень объемно и широко:

Свободу лишь учася славить,  
Стихами жертвуя лишь ей,  
Я не рожден царей забавить  
Стыдливой музою моей.

И делает главный вывод:

И неподкупный голос мой  
Был ухо русского народа.

Как я сказал выше, о Пушкине написано столько, что вряд ли даже современные пушкиноведы смогут прочесть все. Но, это не значит, что больше нечего сказать о нем. Поэтому изучают, исследуют и пишут и сейчас. Это бесконечный процесс, который невозможно остановить, прервать. Об этом очень точно сказал писатель Юрий Поляков: «Читаешь Пушкина, – говорит он, – и словно уходишь в толщу культурного слоя, переполненного сокровищами всесильного слова. Думаешь о Пушкине и понимаешь, что твои мысли – лишь эхо, отзвук давно уже вымышенного, сказанного и написанного о национальном гении России. Пушкин – космос, почти загроможденный чуткими научными аппаратами, иные из которых и запускать бы не следовало. Но это нормально, правильно: у «светского евангелия» и должно быть столько разночтений, толкований, комментариев, что своим объемом они стократ уже превосходят сам богоизданный первоисточник. Ведь у каждого человека

каждого времени, каждого прозрения и каждого заблуждения – свой Пушкин»<sup>1</sup>.

Несколько слов про заблуждающихся, тех, кто ретроспективно пытается совершить прогулки с Пушкиным, кто полагает его устаревшим и не актуальным, кто считает, что ранняя его лирика – это не поэзия и так далее. К счастью, таковых немного, но, тем не менее, они есть и, наверное, еще будут. Мне представляется, что осмеливающиеся отвергнуть Пушкина, не столь наивны, чтобы не понимать несопоставимость их самих с ним. Однако, здесь другое, хоть так, через скандал остаться в истории. В этом смысле их нельзя считать заблуждающимися. Модное сегодня слово «пиар» достигает цели. Но все это случайное и преходящее. Гораздо важнее, что не утерян интерес к жизни и творчеству Александра Сергеевича со стороны серьезных исследователей, которые ответственно, взвешенно и скрупулезно ведут поиск разгадки его феномена, уточняют детали жизни. Приведу единственный пример. Недавно в «Литературной газете» была опубликована статья Всеволода Чубукова «Подлинное место последней дуэли А. С. Пушкина можно считать установленным». Автор сам, ознакомившись со всем корпусом сведений об этой трагедии, сделав необходимые измерения, констатирует, что «место дуэли находится на 85–100 метров южнее установленного монумента», у Коломяжской дороги. Он же сообщает и другую любопытную вещь: «Выстрелы прозвучали, когда солнце уже скрылось за горизонтом, после чего в течение считанных минут очень быстро вечерние сумерки переходили в темноту. Астрономическая обсерватория Петербурга на запрос о заходе солнца в тот день 1837 года сообщила: «Заход солнца – 16:59». День был ясным, солнечным. Значит, последние отблески только что зашедшего солнца могли отсвечиваться на снегу. Это обстоятельство, на несколько мгновений, продлило короткий световой день, предоставив противникам возмож-

<sup>1</sup> Поляков Ю. М. «Россия, встань и возвышайся!» // Литературная газета. 2013. № 6, 13–20 февраля. С. 1.

ность сделать по одному прицельному выстрелу. Думаю, что при их безрезультативности и подготовке к повторным, последние могли быть не произведены вообще или были бы сделаны в наступившей темноте. Тогда исход дуэли мог быть иным<sup>1</sup>, – полагает Чубуков. Но, увы!

А. С. Пушкина в Абхазии чтят давно, начиная с основоположника абхазской литературы, кончая начинающими авторами. Интерес к его произведениям проявляли и проявляют и поэты и прозаики. Его переводили и переводят. Но об этом вы хорошо знаете, и я не буду на нем останавливаться. Хочу обратить ваше внимание на одно забавное совпадение и на нем завершить свое выступление. В абхазском языке есть выражение, якобы сказанное звандрипшским попом: «Делайте то, что я вам говорю, но не делайте того, что я делаю». Конечно, не нужно искать каких-то заимствований и влияний, но очень близкое к этому мы встречаем в уже упомянутом стихотворении «К другу стихотворцу». Вот эти строки:

В деревне, помнится, с мирными, простыми,  
Священник пожилой и с кудрями седыми,  
В миру с соседями, в чести, довольстве жил  
И первым мудрецом у всех издавна слыл.  
Однажды, осушив бутылки и стаканы,  
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;  
Попалися ему на встречу мужики.  
«Послушай, батюшка, – сказали простаки, –  
Настави грешных нас – ты пить ведь запрещаешь,  
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,  
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»  
«Послушайте, – сказал священник мужикам, –  
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,  
Живите хорошо, а мне не подражайте.

Так что, читайте Пушкина!

<sup>1</sup> Чубуков В. С. По самой дурной дороге. Подлинное место дуэли Пушкина можно считать установленным // Литературная газета. 2013. № 6, 13–20 февраля. С. 15.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. А. – 93  
Абдоков А. И. – 196  
Абрамов Я. В. – 29, 30  
Авидзба В. Ш. – 127, 146  
Авлиани Л. – 60  
Авторханов А. Г. – 18  
Агрба В. Б. – 8, 9, 12, 13  
Агрба В. В. – 12, 14, 65, 66, 148, 166  
Агрба М. – 105  
Аджамов Д. Г. – 60, 92  
Аджба Т. Ш. – 68, 183  
Аджинджал А. Т. – 68  
Аджинджал III. М. – 70  
Адиль-Гирей С. – 113  
Ажиба А. Ш. – 197  
Айзенштейн Н. А. – 108, 110  
Аламиа Г. Ш. – 68  
Александр I – 190  
Александров С. А. – 15  
Алексеев А. А. – 153  
Алферов С. А. – 102, 131  
Амаршан В. Д. – 68, 70, 183  
Амичба В. А. – 197  
Амичба Г. А. – 189, 190, 199  
Амичба С. А. – 197  
Амкуаб Ар. А. – 169  
Анкваб В. П. – 68, 152  
Ануа П. – 67  
Аншба А. А. – 152, 174  
Ардзинба В. Г. – 181, 194  
Арзамасцева И. Н. – 97, 118  
Аристава III. К. – 196  
Аршба Н. В. – 196  
Асланбей – 190, 191  
Атажукин К. М. – 114  
Ахуба Д. В. – 69, 70, 207  
Ацкурели Д. М. – 204  
Ачба Е. А. – 105  
Баграт III – 189  
Баланчивадзе В. А. – 203

- Барабаш Ю. Я. – 75  
Бараташвили Н. М. – 151  
Барателия Н. Т. – 66  
Барач Г. П. – 138  
Басария С. П. – 138, 142  
Бартоломей И. А. – 59, 91, 94, 116, 121, 122, 123, 124, 199, 200  
Бахтин М. М. – 5, 6  
Бгажба О. Х. – 186, 188  
Бгажба Х. С. – 60, 83, 85, 94, 112, 120, 123, 152, 155, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 196  
Бганба В. М. – 196  
Бебия П. Х. – 68  
Безыменский А.И. – 169  
Белинский В. Г. – 89, 90, 97, 117, 118, 119, 169  
Белявский П. – 140  
Бения З. Н. – 105  
Берже А. П. – 30  
Берия Л. П. – 49  
Берсей У. Х. – 112, 113, 117  
Бжания М. М. – 92  
Бигуаа В. А. – 16, 114, 143, 147, 148  
Бичеев Б. А. – 2  
Бобров А. Г. – 153  
Богочкин Е. – 185  
Борев Ю. Б. – 80, 81, 82  
Боуди К. – 196  
Брагинский И. С. – 106  
Булия М. – 105, 135  
Веселовский А. Н. – 3, 56  
Виноградов В. В. – 52  
Володин А. И. – 110  
Воронцов-Дашков – 191  
Вронский А. К. – 169  
Гадлиа И. Т. – 105  
Гамзатов Г. Г. – 78, 112  
Гарцкия В. Т. – 92  
Гаспаров М. Л. – 97  
Гегель Г. Ф. В. – 9, 31, 81  
Гегия И. – 124, 199  
Генко А. Н. – 196  
Георгий IV (Лаша) – 189

- Герасимов М. П. – 169  
Глушник Е. – 206  
Гогебашвили Я. С. – 100, 128  
Гоголь Н. В. – 64, 169  
Гогуа А. Н. – 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 69, 70, 183  
Горбунов К. Я. – 14  
Горький А. М. – 169, 142  
Гочуа М. Д. – 67  
Грифцов Б. А. – 5  
Гублиа Г. К. – 83  
Гублия Н. – 60  
Гублиа Р. К. – 196  
Гулиа Д. И. – 8, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 25, 49, 59, 60, 61, 65, 67, 84, 85, 92, 98, 99, 101, 103, 104, 105, 106, 116, 120, 122, 123, 128, 129, 131, 132, 133, 138, 139, 141, 142, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 184, 185, 186, 196, 200, 201, 202, 203, 204, 205  
Гулиа И. И. – 103, 131  
Гумба А. Р. – 204  
Гуриели М. Д. – 203  
Гуттенберг И. Г. – 205  
Давид Сослан – 189  
Далгат У. Б. – 85, 86  
Дарсалиа Д. Х. – 11, 17, 18, 105, 138, 177  
Дарсалия В. В. – 152  
Деетерс Г. – 196  
Декс П. – 5  
Делба М. К. – 120, 155  
Делба С. Б. – 183  
Демерджипа О. С. – 177  
Державин Г. Р. – 208, 210  
Джанашия Б. П. – 196  
Джапуа Р. – 67  
Джинджолия Д. С. – 100, 122, 128  
Джонуа А. – 67  
Джонуа Б. Г. – 197  
Джонуа Ч. М. – 67  
Джениа А. К. – 69, 70, 171, 172, 173, 174  
Джусойты Н. Г. – 112, 115, 117  
Дзидзария Г. А. – 17, 35, 85, 88, 91, 92, 102, 103, 112, 123, 129, 131, 132, 181, 193

- Дзидзария О. П. – 197  
Дирр А. – 196  
Дмитриев И. И. – 210  
Днепров В. Д. – 5  
Достоевский Ф. М. – 5, 169  
Дудко А. П. – 121, 122  
Дюбуа Де Монпере – 27, 28  
Дюмезиль Ж. – 35, 196  
Емхаа Ш. – 105  
Жаров А. А. – 169  
Жуковский В. А. – 102, 127, 131  
Зайцев В. Н. – 206  
Зантариа В. К. – 68  
Зантариа В. С. – 83  
Зантариа Д. Б. – 35  
Затонский Д. Н. – 5  
Захаров Д. – 204  
Зухба А. Ш. – 11  
Зухба С. Л. – 19, 43, 44, 127, 164  
Зухба Д. К. – 173  
Иванба С. Е. – 175  
Иванов-Прта К. В. – 3, 15  
И. Е. – 93  
Инал-ипа В. Д. – 92  
Инал-ипа Ш. Д. – 24, 83, 120, 141, 152, 181  
Искандер Ф. А. – 37, 38, 160, 210, 211  
Кавжарадзе В. – 25  
Каганович Л. М. – 170  
Казы-Гирей С. – 113  
Канонихина Э. Н. – 207  
Кант И. – 108, 109  
Капба В. – 67  
Капба Р. Х. – 152  
Караева А. И. – 112, 117  
Касландзия А. Е. – 66, 169  
Касландзия В. А. – 196  
Кварчия В. Е. – 196  
Квициниа Л. Б. – 12, 67, 165, 166, 167, 169  
Квициниа Н. Т. – 68  
Кецбая М. – 134  
Кешоков А. П. – 151

- Киачели Л. – 151  
Когония И. А. – 8, 9, 10, 11, 12, 65, 66, 138, 177, 183  
Когония Ч. К. – 83  
Кожинов В. В. – 5, 8, 121, 145, 146, 164, 176, 177  
Кокоскерия Н. – 105  
Кольцов А. В. – 159, 203  
Комиссаров Д. С. – 108, 109  
Конджария В. Х. – 129, 196  
Конрад Н. И. – 109  
Константин-Философ – 198  
Крайский А. П. – 169  
Крылов И. А. – 96, 97, 100, 102, 103, 104, 117, 126, 128, 129, 131, 132, 136, 137, 139, 151, 200  
Кукба В. И. – 154, 155, 196  
Кумахов М. А. – 196  
Кунижев М. Ш. – 113  
Куняев Ст. Ю. – 179  
Курцикидзе Г. Д. – 124, 199  
Кучбериа С. М. – 67  
Кучуберия М. Г. – 135  
Лабахуа Л. Б. – 12, 66  
Лагулаа Т. Ч. – 105  
Логуа М. – 135  
Ладария Д. – 61, 103, 104, 123, 131, 132, 137  
Ладария Н. В. – 60, 85  
Лакербай М. А. – 17, 18, 20, 21, 50, 66, 67, 105, 177, 205  
Лакоба Н. А. – 28, 66, 142, 193  
Лакоба Н. П. – 83  
Лакоба С. З. – 25, 28, 50, 188, 193  
Ласуриа М. Т. – 68, 164, 183, 206  
Ласуриа Р. Д. – 68  
Ленин В. И. – 170  
Леон I – 188  
Лермонтов М. Ю. – 102, 131, 169  
Лихачев Д. С. – 47, 153  
Ломоносов М. В. – 210  
Ломтатидзе К. В. – 196  
Лосев А. Ф. – 198  
Луначарский А. В. – 169  
Лунин Б. В. – 18  
Люкассен В. – 196

- Маан (Маргания) Д. Т. – 61, 85, 103, 131, 199  
Маан Е. – 105  
Мамий Р. Г. – 75  
Мануйлов П. И. – 140  
Маркс К. – 18, 80, 170  
Марр Н. Я. – 178, 181, 187, 196, 199  
Маршания Д. – 60  
Мачавариани К. Д. – 28, 59, 60, 98, 99, 101, 116, 128, 129, 175, 200  
Маяковский В. В. – 167, 168, 169  
Мейер Р. – 76  
Мелетинский Е. М. – 5, 8  
Молчанов И. – 140  
Мордовцев Д. Л. – 150  
Мотяшов И. П. – 118  
Мурван-ибн Мухаммед – 188  
Налоев З. М. – 112  
Некрасов Н. А. – 185, 206  
Никитин И. С. – 102, 131  
Николай II – 191  
Николаева С. А. – 97, 118  
Ногмов Ш. Б. – 112  
Ольховый Б. С. – 165  
Панеш У. М. – 75  
Папаскир А. Л. – 198  
Папаскир И. Г. – 12, 14, 63, 65, 66, 67, 138, 152, 177, 185  
Парфенов Ф. И. – 14  
Патейпа Н. С. – 60, 61, 85, 101, 102, 103, 104, 105, 116, 123, 130, 131, 132, 137, 200  
Пейсонель М. – 26  
Перетц В. Н. – 75  
Плеханов Г. В. – 169  
Поляков Ю. М. – 211, 212  
Пурцеладзе Д. П. – 124  
Пушкин А. С. – 13, 64, 102, 131, 169, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214  
Раевский Н. Н. – 26  
Реизов Б. Г. – 79  
Родари Дж. – 151  
Руставели III. – 151, 183  
Сакулин П. Н. – 48, 75, 76  
Салакая С. III. – 192

- Салакая Ш. Х. – 41, 42, 83, 122, 152, 164, 179, 203  
Салия М. – 135  
Саманба Л. Х. – 196  
Саманджия Ш. Л. – 19  
Серафимович А. С. – 13  
Сефербей (Георгий) – 190, 191  
Смыр Р. Х. – 68  
Ст. А. – 99, 136  
Сталин И. В. – 42, 49, 64, 170, 193  
Старостин С. А. – 196  
Столыпин П. И. – 192  
Султанов К. К. – 8  
Табулов Т. З. – 115  
Тагор Р. – 151  
Тамара (царица) – 189  
Тания Э.Ш. – 197  
Тарба И.К. – 68, 70, 183  
Тарба Н. З. – 68  
Темирова Р. Х. – 113  
Тойнби А. Дж. – 93  
Толстой Л. Н. – 13, 64, 85, 97, 100, 101, 102, 104, 129, 137, 149, 169, 200  
Томашевский Б. В. – 156, 169  
Торнау Ф. Ф. – 26, 27  
Тригоров В. Г. – 124  
Тугов В. Б. – 112, 114, 115  
Тургенев И. С. – 151, 169  
Турчанинов Г. Ф. – 197  
Тхагазитов Ю. М. – 114, 147  
Тынянов Ю. Н. – 3, 4, 77  
Тютчев Ф. И. – 169  
Услар П. К. – 59, 89, 90, 91, 121, 122, 124, 196, 199  
Уткин И. П. – 140  
Ушинский К. Д. – 95, 96, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 126, 128, 129, 131, 132, 137, 200  
Фадеев А. А. – 13, 150  
Фадеев А. В. – 165  
Феодосий Слепой – 189  
Фет А. А. – 169  
Фокс Р. – 5  
Фрейденберг О. М. – 14

- Фурманов Д. А. – 13  
Хагба Л. Р. – 196  
Хагуш Б. А. – 197  
Хаджи Берзек Керантух – 34  
Хаджимба Б. – 105  
Хакуашев А. Х. – 112, 113  
Халбад Т. Х. – 196  
Хан-Гирей С. – 113  
Хашба А. К. – 196  
Хашба Б. Л. – 135  
Хашба М. Л. – 12, 13, 65, 105, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 146, 148, 149, 150, 151, 177, 204  
Хашба О. – 135  
Хашба Т. – 134, 135  
Хашиг Н. Ч. – 69, 70  
Хашхожева Р. Х. – 112, 114  
Хемингуэй Э. – 151  
Хетагуров К. Л. – 117  
Хокерба Ш. И. – 13, 66  
Хут Ш. Х. – 112, 117  
Хьюитт Дж. – 58  
Цаликов А. Т. – 23, 24  
Цвинариа В. Л. – 8, 9  
Цвижба Ш.Л. – 66, 169  
Церетели А. Р. – 169  
Циколия М. М. – 196  
Цурцумия М. – 135  
Чавчавадзе И. Г. – 169  
Чанба С. Я. – 11, 13, 14, 17, 18, 20, 65, 66, 105, 106, 139, 141, 142, 148, 152, 165, 166, 172, 183, 204  
Чалмаз М. И. – 105  
Чарай П. Г. – 134, 136, 196  
Чачаа О. Х. – 135  
Чачхалия Е. С. – 105  
Чачхалия М. – 135  
Чекалов П. К. – 2  
Чернышевский Н. Г. – 169  
Чехов А. П. – 169  
Чирикба В. А. – 193, 195, 196, 198  
Чичериа В. – 67  
Чкадуа Л. П. – 196

- Чкадуа П. С. – 169  
Чкотуа А. – 134  
Чочуа А. М. – 59, 104, 116, 133, 142, 201, 204  
Чубуков В. В. – 212, 213  
Чукбар А. И. – 61, 83, 101, 102, 104, 116, 123, 130, 131, 137, 200  
Шагиров А. К. – 196,  
Шакрыл Е. П. – 196  
Шакрыл К. С. – 19, 193, 196  
Шакрыл П. С. – 105, 106, 138  
Шакрыл Т. П. – 196  
Шалашников М. С. – 140, 141  
Шамба Л. Х. – 105  
Шамиль – 18  
Шельцель К. Э. – 85, 102, 104  
Шервашидзе Григорий – 92  
Шервашидзе Г. А. – 60, 124  
Шервашидзе (Чачба) Келешбей – 190  
Шервашидзе К. Г. – 124  
Шервашидзе Михаил – 191  
Шенгели Г. А. – 169  
Шеретлук Н. – 112  
Шиков М. Н. – 112  
Шильтбергер Й. – 198  
Шинкуба Б. В. – 17, 30, 31, 34, 67, 68, 70, 183, 193, 205  
Шкловский В. Б. – 123, 137, 200  
Шмидт Ф. Г. – 196  
Шогенцуков А. А. – 147  
Шолохов М. А. – 14  
Эйхенбаум Б. М. – 10, 52  
Эмухвари Г. – 92  
Энгельс Ф. – 80  
Эсалнек А. Я. – 5  
Эшба Е. А. – 192  
Эшба С. – 124, 199  
Эшба Ф. Х. – 60, 92, 116, 129, 201  
Юнг К. Г. – 146  
Юсуфов Р. Ф. – 89, 92, 93, 111  
Яковлев Н. Ф. – 60, 154, 196, 199

## СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА РОМАНА В МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТУРАХ.....	3
ТЕМА МАХАДЖИРСТВА В АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	16
О РОМАНАХ АЛЕКСЕЯ ГОГУА.....	37
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АБХАЗСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.....	47
ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА.....	58
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	74
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И АБХАЗСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО.....	88
ОСОБЕННОСТИ КАВКАЗСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА XIX–XX вв.....	107
О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ АБХАЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	120
М. ХАШБА: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА.....	134
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗНЫХ РЕДАКЦИЙ СБОРНИКА Д. И. ГУЛИА «СТИХОТВОРЕНИЯ И ЧАСТУШКИ».....	152
О ПЕРВОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КНИГЕ Х. С. БГАЖБА.....	164
МУДРОСТЬ ТАЛАНТА.....	171
СЫН АПСНЫ.....	175
БОРЬБА ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ.....	181
АБХАЗСКИЙ НАРОД: ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ.....	185
ЧИТАЙТЕ ПУШКИНА!.....	208
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	215

Василий Шамониевич Авидзба

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Статьи, интервью, выступления

Уасил Шамониа-иша Ағзба

## АЛИТЕРАТУРАТӘ ЛАПШХӘАҚӘА

Астатақәа, аиғецәажәара, ақәгыларақәа

Редактор *А. Дбар*

Корректор *С. Аргун*

Художник *Р. Габлиа*

Верстка *А. Аджинджал*

Формат 84x108/32. Тираж 300 экз.

Усл. печ. л. 11,76.

Заказ №